XVII.

СБОРНИКЪ

Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

ЖИЗНЬ И ПОВѢРЬЯ

крестьянъ Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

П. В. Иванова.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Клочковская, 5.

1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно уже во многихъ органахъ нашей печати раздаются голоса, настойчиво приглашающіе нашу интеллигенцію въ деревню, гдѣ, будто бы, хранится истинно русская жизнь, гдѣ работаетъ неиспорченный русскій человѣкъ. Съ другой стороны не менѣе настойчиво указывается на деревню, какъ на гнѣздо самаго темнаго невѣжества, грубыхъ суевѣрій, повальнаго пьянства, косности и лѣни. Такая рѣзкая противоположность во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о недостаточномъ знакомствѣ представителей этихъ взглядовъ съ бытовой народной жизнью. Хотя для представленія жизни деревни въ надлежащемъ свѣтѣ требуется особое подробное изслѣдованіе всѣхъ ея сторонъ; но и сырые матеріалы, почерпнутые изъ самаго источника ея, изъ крестьянской семьи, могутъ способствовать правильному разрѣшенію затронутаго вопроса, если они просто, такъ сказать, съ лѣтописной безискуственностію, передаютъ бытовыя данныя.

Такой спокойной простотой, чуждой какихъ бы то ни было публицистическихъ цѣлей, отмѣчаются матеріалы, внесенные въ настоящій сборникъ.

Нерѣдко приходится слышать разсужденія о вредномъ вліяніи праздниковъ на нравственность крестьянъ и на ихъ хозяйство. Говорятъ, что праздники, отнимая у крестьянъ много рабочаго времени, вносятъ разстройство въ хозяйство ихъ, что праздники пріучаютъ крестьянъ къ лѣни, отвлекаютъ мысль ихъ отъ работы, затрудняютъ введеніе въ хозяйство новыхъ раціональныхъ пріемовъ и системъ полеводства, и что, поэтому, необходимо уменьшить число праздничныхъ дней въ году. Но разсуждая подобнымъ образомъ, мы обнаруживаемъ лишь свое малое знакомство съ обыденною жизнію крестьянской семьи.

Прослѣдивъ же изо дня въ день эту исполненную тяжелаго труда жизнь народа, вникнувъ въ обычаи, обряды и преданія, пріурочиваемые крестьянами къ праздникамъ, мы скоро убѣдились бы въ односторонности

сказаннаго взгляда, въ ошибочности приведеннаго заключенія о непроизводительной, будто бы, тратѣ крестьянами времени на праздники и въ вытекающей отсюда необходимости ограниченія числа праздничныхъ дней.

Хотя праздники съ обставляющими ихъ обычаями, примѣтами, преданіями, и составляютъ консервативное начало въ жизни деревни, но тѣмъ не менѣе они охраняютъ ее только отъ быстрыхъ перемѣнъ и скорыхъ увлеченій новизною, но не замыкаютъ окончательно отъ современныхъ вліяній и не заграждаютъ доступа къ ней окружающему свѣту. Къ сожалѣнію, свѣта-то этого въ окружности деревни мало, а проникаетъ въ нее и того меньше,—но тутъ уже праздники не причемъ. Тоже приходится сказать относительно непроизводительной будто бы траты на нихъ времени, благопріятствующей, молъ, лишь крестьянской лѣни. Высказывающіе подобное мнѣніе забываютъ, что только немногіе праздничные дни въ году проводятся крестьянами праздно, безъ занятій по хозяйству, и что большинство праздниковъ для крестьянъ, особенно въ рабочую пору, не болѣе какъ полупраздники, потому что работа прекращается только до обѣда, а послѣ обѣда трудовая жизнь вступаетъ снова въ свою обычную колею.

Сверхъ того, соединенные съ праздниками обычаи, повѣрья и преданья хотя и вносятъ въ исключительно матеріальныя заботы деревенской жизни нѣкоторый духовный элементъ и придаютъ ей поэтическую отчасти обстановку, но все же, слѣдуетъ сказать, и въ эти дни мысли крестьянина не поднимаются выше сферы хозяйственныхъ интересовъ, не улетаютъ далѣе загороды, поля, нивы. Такъ что, говоря о народныхъ праздникахъ, приходится сожалѣть не о томъ, что ихъ очень много, а скорѣе о томъ, что и во время праздниковъ мысль крестьянина рѣдко имѣетъ случай выйти изъ тѣснаго круга сельскохозяйственныхъ заботъ, что духовныя его потребности и во время праздниковъ рѣдко находятъ для себя здоровую пищу, въ видѣ ли религіозноправственныхъ собесѣдованій въ церкви или назидательныхъ чтеній въ домашнемъ кругу.

Нижепредлагаемый календарь обычаевъ, обрядовъ и примѣтъ представляетъ не мало данныхъ, подтверждающихъ высказанное заключеніе. Для поясненія сказаннаго не лишнимъ считаемъ воспользоваться сейчасъ же собранными матеріалами. Посмотримъ, какъ нашъ крестьянинъ встрѣчаетъ и проводитъ, напримѣръ, первый праздникъ въ году, Новый Годъ,—на чемъ сосредоточены въ этотъ день его мысли, куда и на что направлены его заботы.

Солнце еще не взошло, а крестьянинъ уже занятъ дѣломъ: онъ выдергиваетъ изъ стоговъ колосья разнаго хлѣба, даетъ ихъ скоту, чтобы

тотъ былъ сильный и тучный, жирный; онъ зажигаетъ въ саду собранный за святки въ хатѣ и теперь вынесенный сюда соръ, чтобы не заводилась на деревьяхъ гусеница; онъ трясетъ съ тою же цѣлью вѣтви плодовыхъ деревьевъ, наконецъ, онъ стучитъ топоромъ по стволамъ тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ въ истекшемъ году не было плодовъ, грозя срубить ихъ, если они окажутся безплодными и въ наступившемъ году.

Пойдетъ, затѣмъ, крестьянинъ въ церковь, то и здѣсь онъ не упуститъ замѣтить, какъ горятъ свѣчи въ паникадилѣ, стоятъ ли сгорѣвшіе фитили свѣчъ прямо или же согнулись крючкомъ, такъ какъ и это служитъ ему одною изъ примѣтъ относительно будущаго урожая. Въ тоже время хозяйка, съ своей стороны, также старается заглянуть въ таинственное будущее: сажаетъ на порогѣ перваго вошедшаго въ хату посыпальника и снимаетъ у него съ ноги сапогъ. Все это продѣлывается съ тою же постоянною заботой о хозяйствѣ: о курахъ, о гусяхъ, о свиньяхъ. Что дряхлый дѣдъ обувается не на холодной землѣ, а сидя на теплой печи,—даже и этому дѣйствію приписывается хозяйственное значеніе: «чтобы свиньи плодились», а не забота о здоровьѣ старика. Послѣ обѣда, несмотря на праздникъ, женщины отказываютъ себѣ въ удовольствіи поискать другъ дружкѣ въ головѣ изъ боязни, чтобы въ наказаніе за неуваженіе къ празднику куры не разгромадили у нихъ стоговъ хлѣба; отказываютъ также въ другомъ удовольствіи: погрызть подсолнечныхъ сѣмянъ, потому что въ противномъ случаѣ воробьи повыклевываютъ всѣ подсолнечники. Скажутъ: все это пустяки, бабьи выдумки, нелѣпости, свидѣтельствующіе только о невѣжествѣ деревни. Такъ, вполнѣ справедливо. Но тѣмъ не менѣе эти то самыя нелѣпости громко кричатъ о томъ, что у крестьянина мысли о хозяйствѣ слились со всѣмъ его даже праздничнымъ обиходомъ и что, поэтому, о лѣпости тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Явится у бабъ желаніе повеселиться, кутнуть самимъ безъ мужчинъ. Чтожъ свое желаніе выпить объясняютъ ли онѣ необходимостью отпраздновать день своего рожденія или своихъ имянинъ, или поводъ къ выпивкѣ находятъ въ воспоминаніяхъ какой-либо семейной радости? Нѣтъ, и въ этомъ случаѣ привыкшая вращаться въ тѣсномъ кругѣ хозяйственныхъ нуждъ мысль крестьянки находитъ предлогъ къ выпивкѣ въ традиціонныхъ обычаяхъ, соблюденіе коихъ объясняется также какими-нибудь хозяйственнымъ заботами: то, чтобы коровы были ласковы къ телятамъ, то, чтобы зоны въ пшеницѣ не было, то косарямъ слѣдуетъ ложки помыть, то лукъ вытолачивать. Пусть это пустой предлогъ, простая шутка, располагающая къ выпивкѣ, но въ томъ то и сила, что предлоги эти и шутки подводятся все подъ тѣже заботы о хозяйствѣ. Впрочемъ, за

желаніе выпить, повеселиться въ свободное отъ труда время, во время праздника, думаемъ, нельзя бросать имъ слова осужденія: праздники — радость, красота, поэзія жизни.

Періодичность въ занятіяхъ крестьянъ обусловливается періодичностію измѣненій природы; вслѣдствіе ежегодной повторяемости сами занятія пріобрѣтаютъ характеръ устойчивости, порядокъ ихъ дѣлается обычнымъ, неизмѣннымъ; время какъ бы освящаетъ его. И дѣйствительно, пока новыя культурныя вліянія не проникаютъ въ земледѣльческую среду, до тѣхъ поръ и жизнь крестьянина земледѣльца течетъ вполнѣ согласно съ годовымъ цикломъ и обрядовая сторона остается неизмѣнной. Когда же внѣшнія вліянія начнутъ вносить новыя понятія въ жизнь деревни, древній обычай начинаетъ мало по-малу терять свое господство и только нѣкоторыя изъ его поэтическихъ сторонъ сохраняютъ свое значеніе отчасти измѣнясь, отчасти приспособляясь къ новымъ условіямъ. Хранительницами древняго обряда въ его семейныхъ мелочахъ являются женщины, а главная роль въ праздничномъ весельи принадлежитъ молодежи. На этомъ основаніи внесенные въ настоящій сборникъ матеріалы записаны преимущественно со словъ старухъ или молодежи.

Г. Купянскъ.
15-го Января 1891 года.

Сокращенія названій селеній.

Примѣчан.:

1.	Г. К.	Городъ Купянскъ.
2.	А. Ар.	Слобода Араповка.
3.	Б. Бор., Б-я.	„ Боровая.
4.	Вб.	„ Волоско-Балаклейка.
5.	Гонч.	„ Гончаровка.
6.	Гор.	„ Гороховатка.
7.	Гус.	„ Гусинка.
8.	Дв. Дв-я	„ Двурѣчная.
9.	Ег.	Хуторъ Егоровъ.
10.	Каб. Кб-я	Слобода Кабанья.
11.	Ка., Кам.	„ Каменка.
12.	Кол., Коля	„ Колодежная.
13.	Куз.	„ Куземовка.
14.	М., Мал.	Хуторъ Маліевъ.
15.	Мѣл.	Слобода Мѣловатка.
16.	Н-С.	Хуторъ Нижній Соленый.
17.	Н.-Ек., Ново-Ек.	Слобода Ново-Екатеринославль. (Сватова-Лучка).
18.	Н-Н., Ново-Ник.	„ Ново-Николаевка.
19.	Н-Ос.	„ Ново-Осинова.
20.	Пп.	„ Петропавловка.
21.	Пок., Пръ, Пъ.	„ Покровскъ.
22.	Поп.	„ Поповка.
23.	Пря, Пя	„ Преображенная.
24.	Р-П.	„ Радьковскіе Пески.
25.	С-Л.	„ Сватова-Лучка (Ново-Екатеринославль).
26.	Сва., Св-ка	„ Свистуновка.
27.	Ст.	„ Стельмаховка.
28.	Т., Тар.	„ Тарасовка.
29.	Т-п	„ Тополи.
30.	Тор., Тя	„ Торская.

I

Дни недѣли.

1. Недиля (воскресенье).

Недиля (воскресенье) считается малороссами большимъ праздникомъ. Старухи говорятъ, что работа въ «недилю» составляетъ болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ работа въ иные изъ болѣе чтимыхъ, чѣмъ воскресенье, церковью праздниковъ. За нарушеніе святости праздника слѣдуетъ наказаніе обыкновенно въ тотъ же самый день до вечера, а затѣмъ если наказанія не послѣдовало, значитъ, его и совсѣмъ не будетъ. За непочитаніе же «недѣли» человѣкъ можетъ быть наказанъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ и только по истеченіи этого срока можетъ успокоиться: грѣхъ за оскорбленіе святости воскреснаго дня ему прощенъ. Особенно грѣшно рубить въ воскресенье что нибудь топоромъ; наколоть въ этотъ день щепокъ и то грѣхъ: ихъ слѣдуетъ въ воскресенье ломать, а не колоть. Одинъ заоскольскій крестьянинъ отрубилъ топоромъ въ воскресенье кончикъ ремня отъ налыгача, и что же?—жена этого крестьянина родила ребенка съ разсѣченной верхней губой. Прибавляютъ, что отрубленное въ воскресенье полѣно по прошествіи семи лѣтъ, если сохранить его, непремѣнно само загорится и сгоритъ.

Рано по утру въ воскресенье послала богатырка (богатая женщина) свою работницу на ливаду нажать корму для коровъ. Работница, взявши серпъ, отправилась въ ливаду и только что, перекрестившись и сказавши: «Боже, благослови и поможи!» наклонилась, чтобы начать жать траву, вдругъ слышитъ: «Богъ не благословляетъ работы въ праздникъ!» И видитъ передъ собою старика, который приказываетъ ей не жать травы. «Какъ же не жать», говоритъ удивленная работница: «хозяйка приказала мнѣ нажать корму для коровъ?»—Пойди скажи хозяйкѣ, что сегодня большой праздникъ, что работать сегодня грѣхъ. Хозяйка, выслушавъ разсказъ своей работницы, побранила ее и вторично послала за травой

на ливаду. Снова появился старикъ и опять запретилъ работницѣ жать. Раскричалась хозяйка на работницу, прогнала ее въ третій разъ и сказала: «иди жни, а не то побью и тебя и того, кто осмѣлился распоряжаться въ моей ливадѣ!» Пришла работница въ третій разъ въ ливаду, перекрестилась и сказала: «Боже, благослови!» И опять услышала слова: «не благословляетъ Богъ работы въ праздникъ» и снова стоитъ передъ нею суровый старикъ, грозно глядятъ на нее гнѣвныя очи и повелительно указываетъ ей на небо рука. Разсердилась хозяйка, узнавъ, что работница не нажала травы, вырвала изъ рукъ у нея серпъ, съ бранью отправилась сама въ ливаду, грозя по своему раздѣлаться съ непрошеннымъ учителемъ. Пришла—никого не видно, только поютъ пташки да на травѣ блеститъ роса. Перекрестилась, сказала: «Боже, благослови!» и хотѣла жать, но тотчасъ же услышала слова: «не благословляетъ Богъ работать въ праздникъ, а караетъ творящихъ беззаконіе». Не испугалась богатырка этихъ словъ, а живо возразила: «посмотрю, кто не позволитъ мнѣ жать на моей ливадѣ: для лѣнтяевъ всё праздники! много такихъ праздниковъ въ году! Видишь—Богъ не благословляетъ, да я и безъ Бога нажну травы!» И захвативъ рукою кустъ травы, взмахнула серпомъ... глядь—анъ травы нѣтъ. Выпрямилась, трава снова передъ нею, такая высокая, густая, сочная. Опять наклонилась, замахнулась серпомъ... чисто: травы ни стебля. Что за чудо? подумала богатырка: видно голова закрутилась. Протерла глаза—трава опять на мѣстѣ. Въ третій разъ попробовала жать,—повторилось прежнее. Увидала тогда богатырка, что воскресенье дѣйствительно великій праздникъ, поняла что согрѣшила, и говоритъ сама себѣ: пойду къ добрымъ людямъ, спрошу, какъ замолить грѣхъ, или лучше пойду къ попу, пусть наложитъ покуту. «Зачѣмъ идти къ попу—я наложу на тебя покуту», сказалъ появившійся предъ богатыркою старикъ: «выбирай одно изъ двухъ: три года быть въ ссылкѣ на поселеніи, или три года кормить троихъ дѣтей». Подумала богатырка: если пойти на поселенье, то за три года безъ меня все мое добро пропадетъ, а потомъ и не наживешь; лучше прокормить троихъ дѣтей три года. Какъ только сказала она старику о своемъ согласіи кормить троихъ дѣтей, вдругъ бросились на нее изъ травы три гадюки (змѣи) и повисли, двѣ на грудяхъ, а третья—не знаю гдѣ. Пошла злосчастная женщина ходить по свѣту съ тремя дѣтьми—гадюками: кормитъ ихъ, кается передъ людьми да учитъ ихъ почитать воскресный день. Ходила три года, возвратилась домой. Кончился назначенный срокъ, гадюки исчезли, но и сама она черезъ три дня померла (г. Купянскъ. Со словъ крестьянки Марфы Столяревской).

— Повстрѣчались въ г. Купянскѣ на базарѣ двѣ кумы, одна живущая въ городѣ, другая—въ заоскольскомъ хуторѣ, поздоровались; хуторянка и говоритъ: «а я тоби, кумочко, шось розскажу, що було моему хлопцеви. На тымъ тыжни погнавъ винъ на стерны скотынку пасты, а самъ сивъ пидъ копы въ холодокъ. Дывытця, а тутъ иде до ёго старенькій человичокъ съ сиденькою бородкою. Поздоровкався тай сивъ быля него и пытае: «чи вміешь ты, хлопче, молытвы».—Вмію, дидусю», каже мій хлопець. «А ну прокажи!» Хлопець проказавъ, а дидусь и каже: «пидешъ же ты до дому такъ скажи батькови и матери, всимъ домашнимъ и сусидамъ, щобъ диты почиталы батькивъ и материвъ, а батьки та матери жаловалы бъ дитей; щобъ ны лаялысь, ны спорылись, щобъ и съ сусидамы дружно жилы, а найпаче щобъ святу недилю штылы: до церквы ходылы та Богу молылысь. А то, бачъ, Богъ давъ урожай. Урожай хорошій та треба спишиты ёго убраты, а то може кому недостанетця и исты. Будуть дожди таки, що и копы поплывуть. Гляды, якъ пидешь до дому, то такъ усимъ и розскажи, а тыперъ давай я тоби просця посію». Вынявъ жменю проса тай посіявъ. А воно замисто проса выросло три яблоньки, а на кажній яблоньци по одному яблочку. Дидусь стряхнувъ яблоньки, а яблочки и упалы. Винъ и каже: «ото жъ я стряхнувъ съ тебе, хлопче, уси твои грихи. Завтра приходь опьять сюды». Вставъ и пишовъ одъ хлопця. Дывытця хлопець ему въ слидъ, ажъ въ его ступенькахъ по писку повно воды стоить,—вода чиста—чиста, якъ слёза. На другій день мій хлопець позвавъ товарищивъ и погналы скотыну на тэжъ мисто. Ждалы, ждалы весь день дида, а винъ и не прыйшовъ. О такъ то, моя кумочко; чого намъ треба ждаты—и самы мы незнаемо, а воно шось та буде»! (Записано со словъ городской кумы, кр. М. Столяревской, 10 іюля 1888 г.).

— Пишла одна жинка у недилю вытягаты зъ рички лепъ, якій тамъ бувъ помоченый нею. Вона, якъ прыйшла до рички, уже було пивдня, начала вытягаты по однiи горстци лёпу и выкыдаты на берегъ для сушки. Отъ вона тягала, тягала и вытягла увесь зъ рички лёпъ, тико осталась тамъ одна горстка, вона и за тiею полизла у воду. Якъ стала браты ін—ныможе й выйты на берегъ: такъ днёмъ и ночью стоитъ вона тамъ зъ горсткою, а якъ прыйде недиля, то та жинка усе хлюпоще ту горстку лёну у води и зубамы скрыгоче. Люды бояця іи трогаты. Въ такимъ положеніи вона була зъ мисяць, а потимъ того хтой зна де вона и дилась, никому ныизвисно (хут. Маліевъ. Сообщ. уч. М. Нетреба).

— Въ воскресенье молодая замужняя женщина не должна расчесывать волосъ на головѣ, а не то тѣ волоса, что остаются на гребнѣ

задушать во время родовъ ея ребенка, а тѣ волоса, что падають при расчесываніи головы на полъ, улетять въ 12 домовъ и причинять тамъ кому нибудь болѣзнь пальцевъ, такъ называемую «волосъ» (сл. Ново-Николаевка. Сообщ. уч-ца А. Склобинская).

— У недилю жинкы óвси не чешутця, а дивкы до окончанія службы—грихъ (сл. Шейковка).

— Въ недилю жытного хлиба не годытся пекты, а то Богъ въ поли хлибъ запече (сл. Ар.).

2. Понидилокъ (понедѣльникъ).

Этотъ день весьма почитается малороссіянками и олицетворяется ими въ видѣ старика, встрѣчающаго и провожающаго души умершихъ на пути ихъ въ загробную жизнь. Еще изстари многія женщины въ малороссіи «понидилкувалы»; да и въ наше время большинство старухъ—хуторянокъ не ѣстъ по понедѣльникамъ скоромной пищи, чтобы, какъ онѣ объясняютъ, имъ послѣ смерти легче было идти по дорогѣ въ будущую жизнь: «Якъ старому скверно йты на гору бизъ палки, такъ и на той свитъ скверно йты бизъ понидилка». Мы не имо скоромнаго въ понúдилокъ за тымъ самымъ, шо на тимъ свити Понидилокъ—перва стрича: стрине насъ и проведе; того, хто ёго почитае, за того винъ и заступытця на тимъ свити». (см. Ң. Н.).

Иныя изъ крестьянокъ во время болѣзни даютъ обѣтъ постить по понедѣльникамъ; другія—вслѣдствіе совѣта стариковъ, третьи—изъ подражанія; вообще же «понидилкують» весьма многія.

— Довго хворала одна жинка и сказала: «якъ выздоровію, то буду понидилкувать». Выздоровила вона и понидилкувала годивъ три. Разъ вона забула, шо понидилокъ, и попоила каши съ саломъ; а здумала про понидилокъ тоди, якъ наилась уже каши. Дило було вечеромъ. Наившись каши, полизла жинка на пичъ и заснула. Спала—ныспала, а шось торкъ іи за плыче,—вона глянула, а воно сидый дидъ сыдыть у куточку та й каже: «ты нашо сёгодня ила кашу съ саломъ? Гляды-жъ! у другый разъ шобъ сёго ны було, а то бырыжись»! И дидъ хто-зна де й дивсь. Тоди та жинка догадалась, шо до неи являвсь понидилокъ. (Х; М.).

— Я понидилкую, говорить крестьянка, ще покойни родытели, дай Богъ царство ихъ души, понидилкувалы, такъ и я звыкла. А ось недавно на старосты литъ Богъ наказавъ. Дома нашихъ никого не було, тилько я одна, такъ я у недилю и до церквы не пишла, и у слободи

не була; такъ коло хозяйства прогаяла весь день: то сэ, то тэ робыла. У насъ на хутори якъ до церквы не пидешъ, такъ мовъ и не праздныкъ. Въ понытилокъ ранкомъ встала и байдуже якій день; подоила корову,— у печи не топыла: одна, ни къ чему—, справылась коло хаты, зъила шматокъ хлиба и пишла на огородъ. Полола до обидъ. Сонце стало на обидъ, я въ холодку лягла, спочила, та опьять за тэжъ, Бачу сусиды вже повднычають и мини исть захотилось, ажъ коло серця пече. И чого жъ?—кислого молока забажалось. Пишла въ хату и поила того молока; сама й байдуже якій день; съ тымъ и спаты лягла, не схаменулась. Тилько шожъ мини приснылось? Непаче якій-сь праздныкъ; я пораюсь коло печи и думаю иты до церквы, а не дуже, бачъ, поспишаю, а самій исты хочетця. Ото непаче узяла видризала на правой руци палець, посолыла та й зъила. И такій винъ мини гарный, солодкій здавсь. ажъ поцмакувала, тай й стала вбыратьця до церквы, а руку, бачъ, усе ховаю, шобъ не побачылы, шо у мене одного пальца нема. Пишла, иду и усе руку ховаю. Дохожу непаче до слободы, дывлюсь а люды зъ церквы идуть—я опизнылась. Шо тутъ робыть? Стыдно иты на зустричь людей, треба сховатьця. И думаю, зайду у хату до кумы, побалакаю, непаче я зъ церквы, а тамъ выйду видъ кумы и пиду за народомъ назадъ,— вони думатымуть, шо я зъ церквы иду. И такъ мини стало стыдно и страшно: боюсь, шобъ не дознали, шо я палець зъила та зъивши до церквы пишла, а у церквы не була, а людямъ збрехала, шо була. Съ тымъ я прокынулась (проснулась) та й думаю: къ чому той сонъ? Та вразъ, якъ мене хто товкнувъ: а вчера поныдилокъ, а ты молока наплась! наплась, поганка, душу засквернила та й байдуже?! Тожъ мини грихъ, указаніе, шо я не достойна у храмъ иты (сл. Тарасовка, сообщ. уч-ца В. Свѣт.).

— Понедѣльникъ считается тяжелымъ (важкымъ) днемъ, по этому въ понедѣльникъ не начинаютъ никакого большого дѣла.

— Не слѣдуетъ выѣзжать въ дальнюю дорогу—случится несчастье.

— Не годытця надиваты билои (чистой) сорочки, або штанивъ, а то не мынешъ напраслыны.

— Не снуй холста—грѣхъ: Богъ въ этотъ день основалъ міръ.

— Не заваривай квасу—въ семьѣ будетъ утопленникъ.

— Не дѣлай щелоку для бѣлья, или, въ случаѣ необходимости, сдѣлавши, выпей его три ложки, иначе на томъ свѣтѣ будутъ заставлять пить его изъ тѣхъ яичныхъ скорлупокъ, что выбрасываются, а не сожигаются, какъ слѣдовало бы дѣлать и какъ дѣйствительно дѣлаютъ знающія хозяйки.

— Если замужняя женщина будетъ мыть себѣ голову 12 сряду понедѣльниковъ, не пропуская ни одного, то у нея умретъ мужъ (Н. Н).

— Родившійся въ ночь подъ понедѣльникъ будетъ вѣдунъ, знахарь; для этого по понедѣльникамъ мать не должна давать ребенку груди, а когда подростетъ, долженъ по понедѣльникамъ постить.

— Не слѣдуетъ солить въ этотъ день мясного въ прокъ: будетъ не вкусно и скоро испортится (сл. Покровскъ).

— Нельзя нiякого дила пачынать робыты (продолжать уже начатое можно): важкый день. Хто начне яке небудь дило въ понидилокъ, то вже не зробе его, якъ слидъ. А ще потому въ понедилокъ ничого нельзя начипаты, шо перве (?) прешествiе на тимъ свити буде въ понидилокъ (сл. Ар).

3. Вивторокъ (вторникъ).

Вивторокъ (вторникъ) считается днемъ легкимъ, благопрiятнымъ для начала работъ. Однако, приступая къ какому-нибудь важному дѣлу, напр., къ постройкѣ хаты, избираютъ преимущественно тѣ изъ вторниковъ, когда церковъ вспоминаетъ преподобныхъ, а не мучениковъ, такъ какъ начинать дѣло въ день, посвященный памяти мученика, вообще не слѣдуетъ: будешь только мучиться съ нимъ, а толку никакого не будетъ.

4. Середа.

Середа—постъ. Ѣсть въ этотъ день скоромное считается, по мнѣнiю старухъ, незамолимымъ грѣхомъ. Такъ могутъ дѣлать только «бусурмане, мухамеды, турки, нехристы, жиды». Даже и больной не долженъ въ середу, равно какъ и въ пятницу, ѣсть скоромнаго, чтобы такой пищей «не засквернить своей души», потому что и выздоровленiе послужитъ лишь «на погибель его души».

— Одна жинка ны почытала сырыды и ила скоровне тайкомъ, шобъ никто изъ семейныхъ про це ны знавъ и ны упрекавъ iи въ цёму гриху. Одынъ разъ вона сила исты жарыпу гуску, дило було у серыду. Ажъ ось у хату входе чоловикъ тiи жинки, а вона мырщiй заховала гуску пидъ горщокъ и сила на лави. Мужъ iи и пытае: «шо то таке у горшку наче ворушиця»? и указуе прямо на той горщокъ, де гуска. А жинка и каже: «ныма ничого»! Винъ подывывся у той горщокъ, а тамъ чирыпаха здорова-здорова сыдыть, и очи такъ и вытрищила. Воны тоди обое злякалысь тiи чирыпахы та зъ хаты! Пырыгодя увiйшли— ныма у горшку ни чирыпахы, ни гуски. Посли цёго случаю та жинка було покаялась, а дали опьять за свое: начали нарушаты серыду. Тоди Богъ наказавъ iи золотухою (х. М.).

Середа олицетворяется въ видѣ женщины и въ народныхъ разсказахъ не рѣдко смѣшивается съ святою пятницею. Она посѣщаетъ по ночамъ хаты, принимаетъ близкое участіе въ женскомъ хозяйствѣ, наказываетъ женщинъ лѣнивыхъ или работающихъ не въ урочное время, и помогаетъ чтущимъ ея день въ ихъ занятіяхъ по хозяйству.

— Въ середу дѣвушкамъ не слѣдуетъ мыть головы, заплетать косъ, иначе волоса перестанутъ рости и коса будетъ плохая.

— Замужней женщинѣ тоже не годится мыть головы и расчесывать волосъ,—преступившая это будетъ сильно страдать во время родовъ и до тѣхъ поръ не разрѣшится, пока святая Середа не переберетъ у нея по одному волоску всѣхъ волосъ на головѣ.

— Никому не слѣдуетъ мыть въ середу головы, иначе голова будетъ болѣть.

Подъ середу не годитця бросаты на гребини мычку, а то Середа буде ін допрядаты и спихъ отбираты (сл. Араповка).

— Въ середу нельзя сновать пряжи—будешь ошибаться: перемоты будутъ, перепутается.

— Въ середу якъ начнешь бильё шиты, то буде вошиве (сл. Шейковка).

5. Четверъ (четвергъ).

Четверъ (четвергъ)—день рабочій по преимуществу; запретъ простирается на немногія лишь работы, главнымъ образомъ на дѣланіе въ этотъ день «сиривцю» (хлѣбнаго квасу), да и то, приготовивъ его первый разъ въ чистый четвергъ, можно потомъ дѣлать его уже и круглый годъ во всѣ четверги, или же, при необходимости, сдѣлавши квасъ въ четвергъ, надо его три раза перекрестить и за тѣмъ попробовать, чтобы онъ былъ початый, такъ какъ въ непочатомъ квасу, сдѣланномъ въ четвергъ, а равно и въ понедѣльникъ, черти купаютъ своихъ дѣтей.

— Въ четверъ ны годытця сиривцю вварюваты, въ тымъ сиривци буды нычиста сыла купатьця и страву соби зъ его варыты (сл. Преображенная).

— Негодытьця въ четверъ уварываты сырвицю, а якъ уже дуже треба, то, якъ уварышъ, положи у нёго навхрестъ четыре уголька. Такъ, бачъ, годытця, такъ мои стари робыли и мене училы (сл. Н.-Н.).

Говорятъ, что въ четверговомъ квасу купается всякая нечисть вообще: водяные, русалки, утопленники.

— «Була въ одній слободи одна така бабка (повитуха), шо ін вси клыкалы бабуваты, а друга така, шо ін пошты нихто не клыкавъ.

Отъ одынъ разъ ця друга баба розсердылась, шо іи нихто не клыче, та й каже: «хоть бы мене якый чертъ поклыкавъ бабуваты». Въ тужъ ничъ прыихало шось тройкою кіньмы за тыю бабою, клыче іи бабуваты. Вона рада, мерщи зибралась и поихала. Прывезлы іи въ дворъ; дывытся вона, а въ двори не хата, а горныця. Вона ще дужче зрадила: дума, шо іи до пана прывезлы бабуваты. Ввелы іи въ горныцю до породили, и давай вона тамъ бабуваты. Отъ тилко родылась дытына, а хазяинъ и каже работникамъ: «пидитъ и заберитъ сиривець у тыхъ жинокъ, шо въ четверъ уварювалы: треба въ ёму выкупаты породилю и дытыну; а тоди вньять однеситъ его туды, де бралы». А баба и дума: для чого отъ винъ велыть оце робыты? Отъ сталы хрыстыны справляты. Дывытся баба—чудни хрыстыны: и кумивъ не клыкалы, и дытыны до попа не посылалы, не посылалы хрыстыты, а тилко зибралы гостей, посажалы за стилъ и подають имъ исты жабъ жареныхъ. Догодалась тоди баба, що це ій прыйшлось бабуваты у водяного, и такъ вона злякалась, шо насылу жива диждалась, поке іи одвезли до дому, та съ тыхъ поръ николы не ходыла бабуваты». (сл. Араповка. М. Скубакъ).

— Отъ Пасхи до Вознесенія по четвергамъ не золять (не бучать) бѣлья, «щобъ вона хлиба не нападала.

— Въ четвергъ не слѣдуетъ сѣять и насаживать бакчи, а не то народится множество червей и подъѣдятъ всѣ всходы.

— Въ четверъ неззя золыты,—коровьяче масло неудачне будетъ. (сл. Шайковка).

6. Пьятныця (пятница).

Пьятныця (пятница) день постный, олицетворяется въ видѣ дѣвушки; пользуется среди крестьянокъ большимъ уваженіемъ, хотя образъ ея въ народномъ представленіи смѣшивается съ образомъ Доли. Почитаніе пятницы, кромѣ церковнаго культа, поддерживается обращающимися въ народѣ печатными и рукописными сказаніями о 12-ти пятницахъ. Сказанія эти нерѣдко присоединяются къ извѣстнымъ апокрифамъ: «Сонъ Богородицы», «Хожденіе Богородицы по мукамъ», «Эпистолія о недѣлѣ», «Іерусалимскій свитокъ», встрѣчающимся въ домахъ мѣщанъ и у грамотныхъ крестьянъ.

— Кто не поститъ въ пятницу, къ тому въ этотъ день ночью приходитъ подъ окно свята Пьятынка и голосе стоя пидъ викномъ, или станетъ у изголовья, горько плачетъ и проситъ Матерь Божію помиловать этого грѣшника или грѣшницу. Если послѣ двухъ явленій св. Параскевы не послѣдовало покаянія и исправленія, то третье появленіе

святой дѣвы смертельно: тотъ, кому она явится въ третій разъ, скоро умретъ (сл. Т.).

— Бувъ такій чоловикъ, шо ны почитавъ ны сырыды, ни пьятницы: живъ винъ у панивъ у роботныкахъ. Разъ панъ пославъ его въ поле объпхаты степъ и на стогы подывыця. Винъ, якъ прыихавъ до стогивъ, заразъ выпявъ хлѣбъ и сало, та й начавъ йсты пидъ однымъ стогомъ. Дило було у пьятныцю. Тилко винъ узявъ у руки сало, гадюка изъ стога заразъ ему прямо на руки и укусыла его — ны успивъ и сала зъисты: руки попухлы и винъ ускорахъ умеръ. Людей, живущихъ на стыпи и ны почитающихъ постивъ, Богъ наказуе укушеніемъ гадюки, а не то нападе пропасныця (лихорадка).

— Бувъ въ одному манастыри такій манахъ, шо ны почитавъ ни сырыды, ни пьятныци. Разъ винъ у пьятныцю ивъ курячи яйца, а архимандритъ случайно зайшовъ до его у келію. Винъ тоди ти яйця, шо ивъ, заховавъ у рукавъ. Архимандритъ тоди и каже ёму: «повыкидай гадюки зъ рукава, шо заховавъ!» Той манахъ хотивъ яйца повытрусюваты, колы вытрусывъ, а воно гадюки посыпалысь, та такъ и пыщать! Тоди архимандритъ прыстыдывъ манаха, шо винъ ны сполнявъ манашескій долгъ и цымъ прогнивавъ Бога. Напала того манаха пропасныця и довго мучила ёго (х. М).

— Полаявся одынъ сапожныкъ съ сыномъ и сивъ чоботы шиты, а дило було у святу Пьятныцю. Отъ винъ, якъ ставъ шиты, та усе шиломъ себе нычаянно и шпыгне у щеку, и шпыгне. И покы шпыгавъ, покый попавъ соби шиломъ у воко и выколовъ ёго. Посли цёго случаю винъ ставъ слипый на одно око, и ставъ всимъ людямъ заказуваты, шобъ штылы святу пьятныцю (х. М.).

— Въ пьятныцю прясты грихъ. Особенно большой грѣхъ прясть на прялкѣ, которую выдумалъ нечистый. Прясть на прялкѣ это все равно что въ этотъ день танцовать, то есть оскорблять святую дѣву Пятницу.

— Ныгодытця въ пьятныцю прясты. Хто въ пьятныцю пряде, той веретенамы тыка и гребинкамы дыре св. дивоньку-Пьятинку. Святая Парасковія-пьятинка постоянно Бога молы о насъ гришныцяхъ. Вона довго терпыть, а якъ бачы, що хто и ны дума каяця, того и наказуе. Стари люды розказують, що було десь такъ: Жило соби дви ятровкы, одна же штыла пьятныцю, а друга ни. Отъ разъ въ пьятныцю у вечери перва тамъ по хазяйству справлялась, а друга сыдыть та мычки мычи. Перва уже й справылась и лягла, а та знай, мычи; мыкала до пивночи, а дали и соби лягла спаты. Це въ саму глупу ничь чуе перва, що шось

скрыпнуло двырьмы; дывыця, ввійшла якась дивка зъ роспущеннымъ волосьямъ и вся зтыкана и зодрана. «Дывысь!» каже Пьятинка,—бо це вона була,—дывысь, якъ твоя ятровка мыне зтыкала та зидрала! Я вже тырпила, тырпила, тай мочи ны стало, а оце прыйшла йи покараты, тилко ты ны кажи ій, щобъ я ны робыла, а то и тоби те буде!» А дали пидойшла до спящой, зризала у неи черыпъ, зибрала кострыцю, що мыкалныця натрусыла зъ прядыва, и насыпала ій въ голову, а потимъ того черыпомъ накрыла та й и изцилыла. Просыпаиця та пряха вранци, а въ неи голова такъ болыть, що й на свитъ ныззя дывыця. Болыть голова въ неи годъ, болыть другый; вже вона що—ны—що: и всихъ бабокъ обходыла,—ничого ны помогаиця. Змылосердылась надъ нею св. Пьятинка, прыйшла опьять въ одну ничь до ятровки та й каже: «Посовитай, начы видъ себы, своій пряси штыты Пьятинку, то голова ін пырыстаны булиты. Оть уранци та опьять на голову жалиця, а ятровка ій и посовитувала обрыктысь ны прясты въ пьятныцю. Та послухала. Проходы мисяць, голова іи ны такъ булыть, проходы другый, ще лехчы стало, а дали й совсимъ голова пырыстала булиты (сл. Пря.).

— Треба противъ сырыды и пьятныци ныредилки допрядаты, а то Доля буды плакацця, що ій ны дають и въ ночи спочиты (тамъ-же).

— Золыты полотно, або сорочки въ пьятныцю—грихъ. Одна жинка золыла въ пьятныцю. Прыходять до неи Богъ та святый Петро тай кажуть: «сегодня грихъ золыты: сегодня пьятныця! и за тэ, що ты се робышъ, выбырай соби яке хочь наказаніе съ трехъ: або дви жмени горячои золы зъижъ, або дви ложки горячого щолоку выпый, або двохъ блызнятъ выгодуй». Вона й согласылась блызнять годуваты; а ій дви гадюки и впъялось въ груды. Такъ вона й ходыла по всій слободи, шобъ уси люды дывылысь на неи та каялысь и ны золылы въ пьятныцю (сл. А.).

— Въ пятницу не должно спускать щелоку, а то на томъ свѣтѣ будутъ печь балабухъ изъ той золы, что служила для щелока, и кормить имъ тѣхъ, кто это дѣлаетъ (сл. Н. И.) или, «бо на тимъ свити того будуть лугомъ (щелокомъ) поиты, а щобъ цёго наказанія не тырпиты, такъ треба, якъ золыты, три ложки лугу выпыты». (г. К.).

— Въ пятницу грѣхъ прясть, мазать и бучить бѣлье въ щелокѣ, мыть же въ одной водѣ можно, не грѣшно.

— Беременная женщина не должна въ пятницу бучить бѣлья, а также расчесывать на головѣ волосъ, а не то во время родовъ будетъ сильно страдать, такъ какъ «св. пьятыночка—матиночка» не придетъ къ ней на помощь (г. К.).

— Дѣвушкѣ не слѣдуетъ въ пятницу пѣть, иначе она не найдетъ себѣ хорошаго жениха (сл. К-я).

— Въ пятницу не должно заваривать квасу, а то въ семьѣ будетъ утопленникъ (г. К.).

— Въ пятницу орать плугомъ—грѣхъ, сохою же можно. Старики передаютъ, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Купянской волости запрещали орать по пятницамъ, потому что признавали предыдущіе неурожайные годы наказаніемъ за работы въ поляхъ въ пятницу. Говорятъ, что передъ тѣмъ въ окрестностяхъ г. Купянска (гдѣ именно—не знаютъ) образовалась въ землѣ глубокая трещина, щель, куда нарочно спускали на веревкѣ человѣка. Тамъ онъ нашелъ келійку, а въ ней горящую передъ иконой лампадку и стоящую на колѣняхъ, молящуюся дѣвушку. Дѣвушка худая, блѣдная, вся въ ранахъ: истыканная, изрѣзанная, изрубленная—была никто иная какъ святая Пятница. Она молилась Богу и просила Его не карать людей голодомъ за непочитаніе ея дня.

Многія изъ старухъ чтутъ въ году 12-й пятницъ. Въ эти дни онѣ соблюдаютъ самый строгій постъ и ничего не ѣдятъ до захожденія солнца. Вотъ эти сказанія о двѣнадцати пятницахъ:

Первая пятница на первой недѣлѣ Великаго поста. Кто въ эту пятницу поститъ, тотъ напраспою смертью не умретъ (сл. Дв-я).

— Тотъ человѣкъ отъ грѣхопаденія сохраненъ будетъ (г. К.).

2-ая—передъ Благовѣщеніемъ. Кто въ эту пятницу поститъ, тотъ отъ напраснаго убійства сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

— Отъ внезапной смерти... (г. К.).

3-я—на страстной недѣлѣ—отъ непріятеля сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

4-я—передъ Вознесеніемъ Господнимъ—отъ потопленія на водахъ с. б. (сл. Дв-я п. г. К.).

5-я—передъ Сошествіемъ Святаго Духа.—Отъ страха и меча с. б. (сл. Дв-я)—отъ остраго меча с. б. (г. К.).

6-ая—предъ рождествомъ Іоанна Предтечи.—Отъ великаго недостатка и скудности с. б. (сл. Д-вя).—передъ днемъ пророка Иліи.—Отъ великой муки сохраненъ будетъ (г. К.).

7-ая—предъ днемъ пророка Иліи.—Отъ грома и молніи с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ великаго смущенія и отъ трясовицы с. б. (г. К.).

8-ая—предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ искушенія, трясовицы и огневицы с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Кузьмою и Демьяномъ.—Отъ великаго грѣха (г. К.).

9-ая—предъ днемъ Косьмы и Даміана.—Отъ великаго смертнаго грѣха с. б. (сл. Дв-я).

— Предъ архангеломъ Михаиломъ. Имя того человѣка будетъ написано на престолѣ (г. К.).

10-я—предъ днёмъ Архистратига Михаила.—Имя будетъ написано на престолѣ у Пресвятыя Богородицы (сл. Дв-я).

11-я—предъ Рождествомъ Христовымъ—тотъ передъ смертію узритъ Богородицу (сл. Дв-я и г. К.).

12-я—предъ Крещеніемъ Господнимъ.—Имя того человѣка будетъ записано у самого Господа Іисуса Христа (сл. Дв-я)—на престолѣ въ концѣ именъ ангеловъ (г. К.).

— Въ пятницу дивчатамъ слидуе чесаться и мыть голову, щобъ чоловикъ гарный бувъ, а замужнымъ женщинамъ—не годится: скилько волосся вылизе, стилко мукы перенесе, якъ буде рожаты. Въ пьятныцю крясты грихъ,—шыты можно (сл. Ар.).

— Въ пьятныцю якъ не успіешь покраяты, то въ субботу неслидъ начинаты, такъ якъ послидній день, послидня робота: «суббота не робота»; а колы начнешъ, такъ и кончы, бо якъ не кончышъ, то умрешъ (сл. Шейковка).

7. Суббота.

Суббота—не робота: помый, помажъ тай спаты ляжъ. Такъ говоритъ пословица, но въ дѣйствительности суббота для крестьянки одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ рабочихъ дней недѣли. Сверхъ обычныхъ ежедневныхъ работъ, каждая хорошая хозяйка—малороссіянка въ субботу обязательно смоетъ начисто столъ и всѣ въ хатѣ лавки, смажетъ доливку (земляной полъ хаты) и припечекъ,—впрочемъ въ горячее рабочее время ограничивается однимъ припечкомъ и небольшимъ пространствомъ около печи,—согрѣетъ воды (окрипу) или щелоку (лугу) помыть мужу и дѣтямъ голову и приготовить всей семьѣ чистое бѣлье. Малороссы надѣваютъ чистое бѣлье въ субботу на ночь и вообще наканунѣ праздника; они вѣрятъ, что не соблюденіе мужемъ и женою чистоты наканунѣ праздниковъ или постовыхъ дней влечетъ за собою рожденіе дѣтей съ разными физическими недостатками, болѣзненныхъ, уродливыхъ, недолговѣчныхъ. Изъ уваженія къ воскресному дню большинство родителей не позволяетъ своимъ взрослымъ дѣтямъ ходить по субботамъ на вечерницы.

— Въ субботу не слѣдуетъ начинать новаго дѣла, потому что и свѣтъ (твореніе) въ субботу кончился.

— Не слѣдуетъ бучить холста—случится пожаръ.

Говоря о почитаніи народомъ воскреснаго дня, середы и пятницы, нельзя обойти молчаніемъ такъ называемаго «свитка или списка іерусалимскаго», такъ какъ онъ довольно распространенъ среди грамотныхъ крестьянъ и пользуется во мнѣніи народа извѣстнымъ значеніемъ.

Въ сказаніи, обращающемся въ г. Купянскѣ, находимъ слѣдующее:

«Списокъ Іерусалимскій. Бысть во святомъ градѣ Іерусалимѣ явленіе великое и предивное чудо: во святой Божіей церкви гласъ глаголюще невидимый къ людямъ и спаде съ небеси камень малъ и студенъ во второмъ часу дня. Патріархъ же Іерусалимскій, узнавши сіе чудо, собралъ весь церковный причетъ и служили обѣдни и молебни три дня и три ночи; на четвертый день развалился тотъ камень на двое и обрѣте въ немъ списокъ сей написанъ золотыми литерами, а въ немъ пишетъ самъ Господь Іисусъ Христосъ:

Послушайте, людіе мои, пишу къ вамъ двѣнадцатое посланіе: небо и земля мимо идутъ, а слово мое Божіе мимо не проходитъ, а прійдетъ на второмъ суду Божіемъ. И знайте вы, окаянные человѣци, многіе года и времена ваши проходятъ, послѣдніе дни приближаются; страшный судъ готовится и дѣла ваши темныя обвиняются. Рече Господь Іисусъ Христосъ: «тогда Азъ самъ прійду судить живыхъ и мертвыхъ и воздамъ каждому по дѣлахъ ихъ». Безумные человѣци, сотворите любовь и правду между собою и другъ друга любите, воскресенье Христово и праздники Господни, а также среду и пятницу почитайте, ибо въ пятницу сотворилъ Господь перваго человѣка на земли и въ эту же пятницу меня жидове на крестѣ распяша, руци и нози ко кресту пригвоздиша и терновъ вѣнецъ на главу мою святую возложиша, лице мое святое заплеваша, желчію мя напоиша и ребро мое копьемъ прободоша—за неправду вашу и за беззаконія ваши, но Азъ въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ и Адъ разрушилъ. А потому долженъ всякій человѣкъ почитать Воскресенье Христово и праздники Мои Господни, а который человѣкъ по воскресеньямъ и праздникамъ работаетъ и тотъ сбираетъ на главу свою огонь вѣчный и труда его напрасно пропадаютъ. Я вамъ далъ законъ Божій и заповѣди, Евангеліе, святое крещеніе, а вы, безумные человѣци, Моего закона не исполняете и Моего повелѣнія не слушаете. Азъ повелѣлъ вамъ въ воскресенье и въ праздники въ церковь Божію ходить, имя Мое Господне прославляйте и о грѣхахъ своихъ молитеся, что въ шесть дней согрѣшили, кайтеся Богу; другъ друга любите, матерными словами не ругайтесь, сиротамъ и вдовамъ милостыню подавайте съ любовью, за то и сами помилованы будете на томъ суду, ибо они за васъ день и ночь Богу молятся до смерти.

А вы, безумные человѣцы, хуже какъ невѣрные языцы, которые и Бога не знаютъ, молятся по своему закону, а нищимъ милостыню творятъ. Я вамъ далъ законъ Божій, а вы дѣлаете на землѣ неправду. Терпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣваюся на васъ окаянныхъ, но еще ожидаю покаянія отъ злыхъ дѣлъ вашихъ. Ежелибъ не молилася за васъ мать моя, Пресвятая Богородица, давно бы горькою смертію померли; да еще за васъ, окаянныхъ, молются Ангелы—хранители. Но еще упоминаю вамъ, ежели не будете почитать праздниковъ и постовъ, напущу на васъ невѣрныхъ языцъ, которые и прольютъ кровь вашу за беззаконія ваши; когда не покаетесь, то напущу на васъ великій голодъ, громъ, молнію, дабы вы узнали гнѣвъ мой и просили бы о грѣхахъ своихъ прощенія. Еще вамъ упоминаю, въ воскресенья и праздники въ церковь Божію ходите и о грѣхахъ своихъ кайтесь Богу, ежели вы сего не послушаете, то напущу на васъ птицъ, у нихъ носы желѣзные, поѣдятъ вашъ родъ. Еще завѣщаю вамъ, дабы въ субботу послѣ вечерни не работали Пречистыя ради Богородицы, ежели бы не молилась объ васъ Богу, такъ давно бы горькою смертію померли, потому долженъ всякій человѣкъ, старый и малый, ходить въ церковь Божію и просить о грѣхахъ своихъ прощенія. А вы, людіе мои, клянетися небомъ и землей, не клянитеся, довольно того, что сотворилъ васъ по образу и по подобію Божію, а вы слова моего не слушаете. Я же вамъ далъ заповѣди: другъ друга любите, отца и матерь почитайте, матерными словами не бранитесь. Ежели по закону будете исполнять получите отпущеніе грѣховъ и подамъ вамъ царство небесное.

Еще упоминаю вамъ, дабы вы вѣрили сему писанію. Если который человѣкъ будетъ вѣровать и оный листъ при себѣ носить, въ чистотѣ содержать или списывать и въ разни дома раздавать и прочитывать людямъ, хотя бы на немъ было грѣховъ, какъ на небѣ звѣздъ или какъ въ морѣ песку, то отпустятся ему всѣ грѣхи и наслѣдуетъ царство небесное. И Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Въ заключеніе помѣщаемъ двѣ небольшихъ пѣсни о дняхъ недѣли, первая записана въ слободѣ Араповкѣ, вторая въ г. Купянскѣ.

Понедилокъ—важкый день:
Ввесь день пролежала,
А въ вивторокъ снопивъ сорокъ
Пшеныци нажала;
А въ середу возыла,
Въ четверъ молотыла;
А въ пьятныцю віяла,
А въ субботу миряла;
А въ недилю продала
И грошыкы пропыла.

Выпьемо, куме, ще й съ понидилка.
Ой зложимось, куме, копієкъ по сорокъ,—
Выпьемо, куме, ще й у вивторокъ (2-жды).
Поженемъ, куме, корови въ череду,—
Выпьемо, куме, ще й у середу (2-жды).
Пылы вчора, пьемъ же и теперъ,—
Выпьемо, куме, ще й у четверъ (2-жды).
Продамо, куме, рябу тылицю,—
Выпьемо, куме, ще й у пьятныцю (2-жды).
Покончаемъ, куме, свою роботу,—
Выпьемо, куме, ще й у суббету (2-жды).
Ой сложымо, куме, мы свое дило,—
Выпьемо, куме, ще й у нидилю (2-жды).

(Отъ крестьянки Евгеніи Гарьковой).

II

Годовой кругъ.

Годовой кругъ народнаго дневника мы начинаемъ съ цикла Рождественскихъ празниковъ, включая въ этотъ послѣдній и подготовительное къ праздникамъ время со дня св. Спиридона, когда, по народной поговоркѣ, солнце поварачиваетъ на лѣто, а зима—на морозъ. Начиная съ этого дня зажиточные крестьяне рѣжутъ къ празднику птицу, преимущественно гусей, и колятъ кабановъ; на базарахъ появляются свѣжая свинина и домашняго приготовленія колбасы.

1. Декабрь 12-е.

Св. Спиридона. На Свырыдона ныззя ничого робыты, найпаче свердломъ (буравомъ) свырдлиты, а то будуть пападаты нынтряки, чирякы и проча нечисть (сл. Пя).

Нарѣзываютъ на этотъ день вишневыхъ вѣточекъ и ставятъ ихъ въ горшкѣ съ землею на покути и каждый день поливаютъ; другіе ставятъ вѣточки въ воду, безъ земли. Если они зацвѣтутъ на Рождество, то въ слѣдующемъ году будетъ урожай на садовые плоды.

О св. Спиридонѣ разсказываютъ слѣдующую легенду:

— «Бувъ такый чоловикъ, шо ны боявся видёмъ, звалы ёго св. Свырыдонъ, саме той, шо буває кажного году 12-го Декабря. Св. Свырыдонъ бувъ дуже гарный хлопець, дивки такъ и бигалы за нымъ. До его ластылась одна дивка: вона до его и сякъ и такъ, а винъ ніякъ. Отъ разъ винъ и поспорывъ зъ тією дивкою, а вона була видьма, и сказала ему; «я жъ тыбе цю ничь задавлю!» Ото настала ничь, и прыйшла та видьма душиты св. Свырыдона, а винъ ще ны спавъ и почувъ ії, шо вона крадыця до его душиты,—кишкой явылась. Тико вона вскочила на ёго грудь, а винъ заразъ ухватывъ ії за горло, та объ стину, та объ стину! Убывъ та й голову одризавъ. На утро люды взялы тило тії видьмы и предалы зымли. Узналы про це видьмы и задумалы розирваты св. Свырыдона. Наступыла друга ничь, св. Свырыдонъ пишовъ на

могылу тіи дивки—видьми и злизъ на хрестъ, и сивъ на нёмъ, шобъ вона ны встала изъ гроба. Ото други видьмы собралысь, шобъ розирваты св. Свырыдона, та шо пидуть до ёго у домъ, его ныма дома: сыдыть на хрести; а видьмы на хрести ны можутъ узяты человика, ны можуть и побачыты ёго тамъ. Ото жъ воны, шо пидуть по слидахъ св. Свырыдона до могылы тіи видьмы, ходять кругомъ, ходять, а ны бачуть его на хрести, шо винъ на хрести сыдыть. Отъ зійшлись уси видьмы на грибъ и началы тужиты по своеи подрузи, а убыта видьма зъ гроба й прорекла: «мыли мои подругы! Свырыдонъ, котораго вы шукаете, сыдыть на моему хрести, потому я й ны могу устаты изъ гроба». Видьмы глянулы тоди на хрестъ и побачилы тамъ св. Свырыдона, тай началы совищаца, якъ ёго узяты до рукъ и розирваты. Наконець, одна видьма сказала: «отъ шо давайте зробымъ: полытимо заразъ уси ажъ у Кіевъ до кіевскои староп видьмы, та намъ скаже, якъ ёго можно узяты.» Ото воны полытилы. Чырызъ часъ опьять прылытилы и кіевска видьма прылытила зъ ными, подывылась на св. Свырыдона та й каже видьмамъ: «шукайте по смитяхъ ныдогаркивъ изъ свичокъ дванадцять штукъ: тымы ныдогарками мы пидпалымъ хрестъ, хрестъ упаде на землю и Свырыдонъ зъ нымъ, тоди уже наша воля буде надъ нымъ». Ти видьмы и началы шукаты ныдогаркивъ по смитяхъ и найшлы дванадцять штукъ и засвитылы ихъ, а тоди и давай палыты тымы свичкамы хрестъ, на якому сыдивъ св. Свырыдонъ. Ото воны палять, та й палять хрестъ, такъ шо й скоро упаде на землю, а св. Свырыдонъ дывыця, шо быда та й каже: «Господы, укороты ночи хоть тришки, шобъ хрестъ не нырыгоривъ до свита, а то якъ пырыгорыть, то мини смерть!» Тико винъ це проказавъ, а пивни—кукурику! Видьмы и розлытилысь, а св. Свырыдонъ остався живый. Ото Богъ укоротывъ ночи для св. Свырыдона, оттого и тыперъ отъ Свырыдона ничь короча стала» (х. М.).

— По 12-ти днямъ передъ Рождествомъ заключаютъ о погодѣ 12-ти мѣсяцевъ будущаго года, считая, какая погода въ каждый изъ этихъ дней, начиная съ 13 декабря, такая погода будетъ и въ каждый изъ соотвѣтствующихъ этимъ днямъ мѣсяцъ слѣдующаго года, причемъ 13 декабря соотвѣтствуетъ январю, 14—февралю и т. д.

2. Декабрь 24-е.

Рождественскій сочельникъ называется «Святвечеръ» «Богатый святвечеръ», «богата кутя», а въ слободѣ Покровскѣ—«коляда». Въ этотъ день соблюдаютъ строгій постъ: ничего не ѣдятъ до «звѣзды»; дѣвушки,

въ частности, должны постить, чтобы имъ нашлись хорошіе женихи. Въ этотъ день у всѣхъ крестьянъ обязательно варятъ кутью,—ячныя или пшеничныя крупы, облитыя медовою ситою,—и узваръ,—сушенныя плоды: яблоки, груши, вышни, теренъ, сливы. Когда вынимаютъ изъ печи кутью, то замѣчаютъ: если она поднялась высоко, выдается изъ горшка—это къ благополучію; а если осѣла, то есть не полонъ горшокъ,—къ несчастію. Кутья и узваръ ставятся на покути непремѣнно на ворованномъ сѣнѣ и не голыми руками, а въ рукавицахъ, причемъ, неся горшокъ съ кутьею, говоритъ: «квокъ, кутя, на покутя!» чтобы лучше цыплята выводились. Сѣно же изъ-подъ кутьи отдаютъ потомъ овцамъ и телятамъ, чтобы лучше росли; купаютъ въ немъ дѣтей, чтобы не нападала на нихъ чесотка; кладутъ въ гнѣзда птицъ, чтобы хорошо плодились, и, наконецъ, набиваютъ этимъ сѣномъ подушки умершимъ.

Горшки съ кутьею и узваромъ прикрываютъ не покрышками, а хлѣбомъ или кнышемъ, и, по окончаніи святокъ, этотъ хлѣбъ рѣжутъ на куски и даютъ рабочему скоту и коровамъ.

Всѣ одѣваются по праздничному и, съ появленіемъ звѣзды, затепливъ лампаду или зажегши передъ иконами свѣчу, распускаютъ ладанъ и, прочитавъ обычныя молитвы, усаживаются за столъ вечеряты. Сперва ѣдятъ пироги съ капустой, картофелемъ, горохомъ, фасолью, потомъ капусту—(родъ борща изъ мелкопосѣченной кислой капусты и пшена—любимое кушанье крестьянъ), горохъ, чечевичу и заканчиваютъ ужинъ узваромъ и кутьей.

— Во время вечери, якъ хто ачхикнеть, то батько непримипно тому даруи яку-небуть скотыну, потому винъ счаслывый. Диты до хрестныхъ батькивъ, материвъ и родычивъ носять вечерю. Якъ прынесуть, то кажуть: прыславъ батько и мате, наты вамъ вечерю.—Спасыби, одвичае хазяинъ, дарыть дитей пряныкамы, лентамы и гришмы (сл. Н. Е.).

— На первый святвечеръ треба въ новый чобитъ (сапогъ) встлаты вустилку зъ сина або зъ соломы, надить его на праву ногу и носыты до Нового Году. На Новый Годъ перевернуты іи на другій бикъ, а писля водосвятія выняты и берегты, бо вона згидлива: нею пидкурують корову, якъ захвора (сл. А.). «Вустилку», которую вкладываютъ въ сапогъ наканунѣ Рождества, вынимаютъ на Меланки. Ею подкуриваютъ скотъ отъ «зглазу» и вымя у коровы, когда оно затвердѣетъ; подкуриваютъ также и людей отъ лихорадки и кладутъ ее въ гнѣзда, «щобъ птыця лучче сидила» (сл. Пря).

— Если на святвечеръ идетъ снѣгъ,—жди хорошаго урожая яблокъ; они будутъ падать съ деревьевъ такъ же часто, какъ снѣжинки.

— Если на «коляду» идетъ снѣгъ, будетъ хорошій урожай орѣховъ (сл. Пъ).

3. Декабрь 25-е.

Риздво (Рождество Христово). Съ ранняго утра нищіе и дѣти ходятъ «славить Христа и вершовать». Входя въ комнату, становятся у порога и поютъ тропарь празднику или говорятъ вирши. Въ этотъ день почти всѣ члены крестьянской семьи бываютъ въ церкви, одни—въ заутрени, другіе—въ обѣднѣ. Пришедши отъ обѣдни, тотчасъ садятся обѣдать. Ѣдятъ сначала постные пироги и постную капусту, затѣмъ сало, колбасы, пироги скоромные и капусту, наконецъ локшину (лапшу) съ мясомъ, кутью и узваръ. А вотъ, для сравненія, описаніе Рождественскаго обѣда у великоросса въ сл. Ново-Николаевкѣ со словъ хозяина.

Сегодня мы встали поздно: уже звонили къ заутренѣ. Отецъ, я и два старшихъ моихъ сына пошли въ церковь, а меньшій остался доглядѣть скотинку; жена и мать также остались дома готовить обѣдъ. Пришедши изъ церкви послѣ обѣдни, я развелъ въ черепку огонь, бросилъ туда ладану и затеплилъ свѣчу передъ образами. Потомъ всѣ стали и помолились Богу да и сѣли за столъ. У каждаго изъ насъ свое опредѣленное мѣсто за столомъ. Старикъ-отецъ сѣлъ на первомъ мѣстѣ подъ образами у двороваго окна, съ лѣваго боку отца сѣла мать, съ праваго—я, потомъ мой старшій сынъ и младшій, а жена и средній сынъ сѣли по другую сторону стола, противъ насъ на скамейкѣ. Когда мы усѣлись, отецъ мой и говоритъ: «а ну, Наталья (на мою это жену) давай-ка тотъ пирогъ, што на всю лопату!» Мы всѣ усмѣхнулись. Жена подала на деревянной тарелкѣ большой пирогъ со вчерашнею кутьею, а сверху помазанъ масломъ. (Это у насъ такой ужъ обычай: начинать на Рождество обѣдъ пирогомъ съ кутьею, а для чего?—не знаю. Дѣды и прадѣды держались этого и мы не бросаемъ). Отецъ взялъ ножъ, порѣзалъ пирогъ на части, первый взялъ себѣ рожекъ пирога, перекрестился и сказалъ: «Господи, благослови!», откусилъ пирога да и прибавилъ: «святые москали, хахлы крученые». Дѣти начали смѣяться, но я былъ серьезный: во время ѣды не люблю смѣяться. За отцомъ и мы всѣ взяли по куску пирога. Поѣвши пирога, жена встала, сняла со стола новую скатерть, а застлала старою и пошла къ печкѣ налить борщу. Отецъ нарѣзалъ хлѣба и положилъ передъ каждымъ изъ насъ по ломтю, а жена тѣмъ временемъ разложила ложки и поставила на середину стола большую миску борща. Борщъ былъ съ солониной и мы всѣ, начиная съ отца, стали ѣсть. Во время ѣды меньшій мой сынъ нечаянно уронилъ на полъ

краюшку хлѣба; я посмотрѣлъ на него косо, а отецъ замѣтилъ и говорить: «это онъ упустилъ на кошачью долю, а то мы себѣ нарѣзали хлѣба, а про нее забыли». Послѣ борщу подала жена пироги съ сыромъ. Отецъ взялъ пирожокъ и говоритъ: «хахолъ, а хахолъ, не порть пирога!» Мы не поняли, къ чему это отецъ говоритъ. Тогда онъ началъ намъ разсказывать, какъ москаль угощалъ хахла пирогами. «Позвалъ москаль къ себѣ въ гости хахла и поставилъ на столъ миску пироговъ. Хахолъ взялъ пирожекъ и хотѣлъ его ломать, а москаль кричитъ: «не порть пирога!» Хахолъ не понялъ и положилъ взятый пирогъ назадъ въ миску. Москаль проситъ: «кушай, пирожки хорошіе!» Хахолъ опять за пирогъ и ну ломать, а москаль снова на него: «не порть пирога!» Такъ повторялось нѣсколько разъ, пока москаль не сказалъ, наконецъ, хахлу: «не ломай пирога, ѣшь цѣлый». Тогда хахолъ до пироговъ, а въ мискѣ чисто. «Взглянули и мы на свою миску да и разсмѣялись: и у насъ въ мискѣ было чисто. Послѣ пироговъ подали лапшу съ свининой, скоро въ мискѣ ничего не оказалось; подали вторую, а затѣмъ и третью миску лапши. Отецъ и говоритъ: «наши ребята на борщъ губы сморщъ, а на лапшу губы распусти». Послѣ лапши у всѣхъ явилась жажда и всѣ начали пить воду, которую подавалъ меньшій сынъ. Потомъ подали на большой деревянной тарелкѣ солонину изъ борща и свинину изъ лапши; отецъ взялъ ножъ и порѣзалъ все мясо на кусочки, порѣзавши посолилъ и всѣ принялись ѣсть уже безъ всякихъ разговоровъ. Встаетъ жена и говоритъ: «ну, непрогнѣвайтесь! больше ничего нѣтъ». Всѣ вышли изъ-за стола, помолились Богу и пошли отдыхать, а жена поприбирала все со стола, сняла старую скатерть, а на столѣ положила хлѣбъ, поставила солонку съ солью и накрыла опять новою скатертью.

— У малороссовъ во время обѣда на Рождество, а также и по другимъ большимъ праздникамъ, старики не совѣтуютъ пить воды за столомъ, чтобы не испытывать во время полевыхъ работъ сильной жажды.

— У каждаго члена семьи должна быть особая ложка съ какимъ-нибудъ знакомъ: крестикомъ, кружкомъ, черточкой, двумя.. и каждый ѣстъ своею ложкою. Кромѣ того, строго слѣдятъ, чтобы на столѣ не оказалось лишнихъ ложекъ, такъ какъ лишнія ложки во время обѣда на столѣ предвѣщаютъ какую-нибудъ бѣду, неудачу, поэтому нѣкоторыя изъ старухъ бросаютъ такія ложки въ печь, называя ихъ «злыдни».

— Если на первый день праздника Рождества Христова идетъ снѣгъ, — будетъ изобильный урожай хлѣба (Нъ).

— Иней на деревьяхъ въ теченіе трехъ первыхъ дней праздника къ большому урожаю хлѣба.

Риздво вылыкій празднпкъ: треба его чтыты.

Разъ одна жинка пидъ Риздво начала мыкаты мычки, а дочка и каже: «шо ты, мамо, робышъ?! Сёго дня святый вечеръ, а завтра Риздво: грихъ тоби за це буде'» А вона ій и каже: «Завтра—Риздво, пислязавтрего—Богородыця, а тоди ще шо выдумають, та чырызъ те и пыробыты ничого. На це якъ будымъ потураты, то мы будымъ голи ходыты»! Потимъ того вона упьсть принялась мыкаты. Мыкала усю пичь до самого свита; захватыла роботою и Риздво. Тодп ажъ вона бросыла роботу, полизла на пичь и заснула. А якъ прокинулась, було уже пизно: народъ у церквахъ стоить. Вона устала съ печи та дочери и каже:» Дочка! шо це хиба таке, шо у мене пырыдъ очима прядиво мыріе, а свита мипи ны выдно»?—Ни, у тебе пырыдъ очима ныма пичого, сказала дочка. Тоди та жинка и поняла, шо іи Богъ наказавъ за нарушеніе праздныка слипотою: и днемъ и ночью ничого ны выдно, тико усе пырыдъ очима и уздриваеця прядиво, яке вона мыкала у святый вечеръ. (х. М.)

---

4. Вирши на Рождество Христово.

Священныя событія, воспоминаемыя церковью на Рождественскихъ праздникахъ, составляютъ главное содержаніе виршъ, произносимыхъ крестьянскими мальчиками на первый день праздника. Съ самаго ранняго утра, тотчасъ по выходѣ изъ заутрени, начинаютъ обходить мальчики, по 1, по 2, по 3 и болѣе, все селеніе, заходять по порядку въ каждый зажиточный домъ, гдѣ и спѣшатъ сказать поскорѣе свою виршу, чтобы, получивъ за то копѣйку, двѣ или пряникъ, идти дальше, въ слѣдующій домъ, спѣшатъ потому, что первые вершовщики принимаются почти вездѣ, а опоздавшимъ не рѣдко отказываютъ, запирая передъ ними двери.

1.

Я, маленькій пахолокъ,
Родывся въ вивторокъ;
А въ середу рано
Въ школу оддано
Кныжки читаты.
Васъ съ Рождествомъ Христовымъ
поздравляты (Н. Н.).

Я, маленькій проходчикъ,
Родывся въ вивторчикъ;
А въ середу рано
Мене въ школу оддано;
А въ школи читають:
Ничого нызнають;
А я знаю азъ та буки,—
Пожалуйте копіичку въ руки (сл. Иря).

***

2.

Я, маленькій хлопчикъ,
Злизъ на стовпчикъ,
У дудочку граю,
Христа забавляю,*
А васъ съ праздникомъ Р. Х. поздоровляю (сл. Пря).
*Хрестъ похилился,
А я ему поклонился (г. К. сл. Ново-Ник.).

3.

Христосъ народился, міръ просвѣтился.
Вы, люди, ликуйте, съ Нимъ торжествуйте,
Христа хвалите, съ Нимъ вѣкъ живите.
Я вамъ сіе возвѣщаю и съ праздникомъ поздравляю (Ст.).

4.

Азъ малый птенецъ, Христовъ питомецъ.
Во младыхъ моихъ лѣтахъ, въ зеленыхъ цвѣтахъ;
Мало что знаю, а яко что знаю, все вамъ объявляю:
Христосъ народился, рай и адъ отворился,
И аще кто хощетъ въ раю побывать, Христа повѣдать,
Сребромъ-златомъ нескупитись: со мной подѣлитись.
А я вамъ здоровія желаю и съ праздникомъ Р. Х. поздравляю (г. К.)

5.

Я, маленькій мальчишка, прилежный ученишка,
(Я, маленькій сошокъ, у Бога барашекъ.
Азъ, маленькій вѣночекъ, Рождества спѣвочекъ.)
Былъ я во градѣ Вифліемѣ,
Видѣлъ я чудо толикое, весьма странно и великое:
Какъ ангелы на небеси возгремѣли,
Слава въ вышнихъ Богу запѣли.
А я того гласа убоялся,
Упалъ на землю и не споднялся.
Едва успѣлъ отъ земли встать,
Пустился къ вашему дому бѣжать,
Чтобъ васъ съ симъ праздникомъ поздоровлять.

* *
*

Бувъ я у гради Вифліеми, бачивъ я вылыки чудеса:
Якъ янголи зъ небесъ лытилы, слава въ вышнихъ Богу пилы.
А я того гласу излякався: къ сырій зымли прыклонявся.
Ни успивъ до васъ добыжаты, сіе чудо розсказаты.
А вы, господа, ны скупитесь: златомъ-сребромъ подилитесь,
А я зато-срибро прыймаю, Васъ всихъ съ Р. Х. поздравляю.
Вамъ тишки, на потишки,
А мини, молодцу, на оришки (По всему уѣзду).

6.

Велія радость, съ небеси сладость:
Христосъ родился, въ міръ явился.
Небо ликуеть, весь міръ торжествуетъ.
И вы ликуйте, и съ нами торжествуйте (г. К.).

7.

Здравствуйте, добрые люди! радостъ вамъ вѣчная буде:
Адскіе бѣсы трепещутъ, люди руками плещутъ,
Самъ сатана вопіетъ: Богъ вамъ побѣду даетъ.
Мы-люди блаженны, Богомъ незабвенны.
Я вамъ царствія желаю, съ праздникомъ Р. Х. поздоровляю (г. К).

8.

Ясный мой цвѣточекъ, ясный, всему міру Ты прекрасный,
Отъ Дѣвы рожденъ, въ ясли положенъ.
Пастухи узнали, царемъ Его назвали:
Ой Царю, Царю! мы Тебя прославляемъ.
И всему міру блага желаемъ (г. Старобѣльскъ).

9.

Въ Вифлеемскомъ повѣтѣ родился Богъ на свѣтѣ,
О которомъ чудовна пророковали пророци,
И тріе цари видѣли звѣзду Его на востоцѣ.
Охотно за звѣздою шли, жертву Богу несли.
«Царю ты нашъ, прійми дары отъ насъ!»
Я вамъ це повидаю,
Васъ съ праздникомъ Р. Х. поздравляю (сл. Ново-Ек.).

10.

Миръ вамъ благодатный, господа!
Имѣю честь поздравить васъ на всегда.
Нынѣ прекрасная Дѣвица, небу и земли царица,
Христа раждала, въ вертепѣ полагала.
Пришли три цари, принесли три дары.
Ахъ, какое чудо видали: съ неба ангелы слетали,
На золотые кустики упадали, Христа величали.
И мы будемъ Его величать,
А васъ всѣхъ съ праздникомъ Р. Х. поздравлять (сл. Н-Ек.).

11.

Сей день звѣзда надъ Виѳлеемомъ сіяла
И, шедши, впереди, царямъ путь являла.
Волхвы въ Виѳлеемъ по Рождествѣ явились,
Принесши честные дары, учтиво поклонились (г. К.)

12.

Звѣзда идетъ чудно съ востока на полудни,
Надъ вертепомъ сіяетъ, Христа-царя являетъ.

Слава Ти, Рожденный, отъ всѣхъ прославленный,
Прійми дары отъ человѣки на вѣчные вѣки (г. К.).

13.

Народился нашъ Спаситель, всему міру Искупитель,
Пойте, воспойте, ликуйте, воспѣвайте:
Отецъ будущаго вѣка пришелъ спасти человѣка.
Вамъ всего лучшаго желаю
И съ праздникомъ Р. Х. поздравляю (г. К.).

14.

Воспойте, всѣ предѣлы свѣта,
Избѣгли злого мы навѣта,
Кой данъ чрезъ грѣхъ Адамовъ намъ.
Уже во всѣхъ странахъ несется,
Въ церквахъ и храмахъ раздается:
Христово нынѣ Рождество.
Всѣ силы ангеловъ ликуютъ
И человѣки торжествуютъ.... (сл. Мѣл.).

15.

О вертепе убогій, веселися!
Днесь отъ Дѣвы Христосъ родился.
Прибѣжалъ къ Нему волъ и оселъ,
А ты, хозяинъ будь веселъ!
Пастушки таки, какъ и я,
Принесли маленьке ягня.
Онъ отъ нихъ его принялъ,
А ихъ вѣчнымъ царствомъ даровалъ... (сл. Мѣл.).

* * *

Вертепе, веселися! намъ днесь Отроча родися.
Марія Сына породила и во яслѣхъ положила.
Звѣзда отъ востока грядетъ и трехъ царь за собою ведетъ;
Пришедши надъ вертепомъ стала
И тамъ новорожденнаго Христа показала (г. К.).

16.

Христосъ родывся, увесь міръ возвеселывся
Писля Адамова гриха.
Родывся въ стани, а не въ доми,—
Отъ дыковинка яка!
Звѣзда ясненька, гарна, кругленька,
Надъ Виоліемъ прикатылась,
Да и стала, де сама, знала,
Христа рожденнаго волхвамъ показала.
Волъ и оселъ стояли у яселъ,
Уже и воны Христа признали.
Дышуть на Него: Богъ зна на кого,
Ще й на вколюшки впалы.
Янголи святія, крылати, чудніи
Такъ гарно спивалы
Що мы изъ роду такъ не чувалы.
Пастушки изъ степу прибигли къ вертепу,
По ягнаткови принесли;

На дудки гралы, якои зпалы
А потимъ до дому пишлы,
И я вамъ це возвѣщаю... (сл. Н-Н).

17.

Що за чудо, що за дыво, що Христосъ народывся?
Новорожденный, преблаженный въ яслахъ положився?
Туда цари, туда паны къ Нему приходылы,
Ему дары злато, ливанъ й смырну приносылы.
Я тамъ бувше и се чувше, всимъ объявляю:
И съ праздникомъ Р. Х. поздравляю (г. К.).

18.

Что за чудо нынѣ зрится?
Тварь вся плещетъ, веселится,
Что явилось нынѣ намъ?
Или въ рай—Адамъ?
Точно, къ намъ пришелъ Спаситель,
Грѣховъ нашихъ Искупитель.
Лишь на землю Онъ вступилъ,
Вдругъ Адаму грѣхъ простилъ.
Не одинъ Адамъ ликуетъ,
Въ раю Божіемъ царствуетъ:
Рай добрымъ людямъ всѣмъ открытъ,
Кто добродѣтельство творитъ.
Сего блага досточайте,
Въ царство Божье поспѣшайте!
Путь прямой намъ проложенъ:
Адъ разрушенъ, истребленъ.
Сію вамъ радость возвѣщаю... (г. К.).

19.

Христосъ родился во градѣ Виѳліемѣ Іудейскому,
Объ Немъ извѣстно стало народу вселенскому.
Три царя звѣзду увидали
И царя-Христа по ней искали.
До Ирода-царя заходили
И тамъ ему объявили:
Идемъ поклониться Царю рожденному
И всему міру благословенному.
А Иродъ-царь имъ сказалъ:
Къ Нему идите и объ ономъ возвѣстите.
Ангелъ Божій во снѣ царямъ сказалъ:
«Другимъ путемъ домой идите,
И о Христѣ ему не кажите.»
А царь—Иродъ ихъ дожидалъ
И о томъ своихъ мудрецовъ пыталъ.
Они ему на то сказали,
Что должно Христу въ Виѳліемѣ родиться
И весь міръ Ему долженъ поклониться.
И я вамъ всѣмъ объ этомъ объявляю... (сл. Н-Н.).

20.

Звизда свитла зъ востока гряде,
За собою трехъ царивъ персидскихъ веде,
Поклонъ дати царю и пану,
Вишнихъ силъ всего свита Гетману.
Король-Иродъ дуже смутывся,
Що Іисусъ Христосъ отъ дивы народывся,

Веливъ пытаты, по всихъ земляхъ шукаты,
Веливъ губыты, малыхъ дитокъ избыты.
Одныхъ кипьмы топталы,
Другыхъ вполы роздыралы.
Матки ихъ гирько рыдалы,
Руки свои до Бога пиднималы:
О, Ироде безумный! якъ ты въ соби жалю ны маешь,
Зъ пывинпыхъ младенцивъ кровь проливаешь! (К.).

21.

Ишли три цари ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласилъ, куда идуть спросилъ.
Отвѣчали они ему: «идемъ къ рожденному царю.»
— Къ рожденному идите и мнѣ возвѣстите;
И я пойду поклонюся, передъ царемъ смирюся:
Воздамъ честь обычно, цареви прилично.
Звѣзда идетъ чудно съ востока на полудни,
Надъ вертепомъ сіяетъ, христа-царя являетъ:
Ангелъ имъ вѣщаетъ, на путь наставляетъ:
«Инымъ путемъ идите, къ Ироду не заходите».
Пошли цари въ другія страны,
Христа славословятъ... (г. К.).

22.

О, вылыкий плачъ у Виѳлеіеми случывся,
Якъ Иродъ-царь на Христа взмутывся.
Тоди сталы Христа шукаты
И маленькихъ дитокъ на смерть побываты.
Воны бралы, побывалы и на пикы пиднималы;
Ни одно изъ ныхъ ны всхлыпнуло,
Тикы батькы й матери рыдалы,
Рукы къ небу пиднималы,
Бызбожного царя проклыналы:
«Ой, Ироде, Ироде! ты Христа знаешь, а не почитаешъ!
Его жъ Марія породыла, въ ясли положила,
И небесна звизда мудрицивъ на Его навыла».
Мы про це вси якъ заразъ чуваемъ
И васъ съ праздникомъ поздравляемъ (сл. Нъ).

23.

Всталъ я нынче очень рано,
Посмотрѣлъ на востокъ прямо,
Тамъ звѣзда ярко возсіяла
Тремъ царямъ путь показала.
Три царя приходили,
Дары Богу приносили.
Богъ отъ нихъ сей даръ принялъ,
Имъ блаженство даровалъ.
Когда Іисусъ Христосъ родился,
Весь народъ возвеселился,
А царь Иродъ возмутился:
Послалъ воиновъ младенцевъ избивать.
Воины били-рубили,
На штыки поднимали.
Матери плакали-рыдали,

Царя Ирода проклинали.
Ахъ, дѣти, дѣти! какъ жить вамъ
па свѣтѣ? (сл. Н-Н.).

24.

Звизда ясна возсіяла и тремъ царямъ путь сказала,
Въ храмину уведоша, на колини упадоша.
Иродъ дуже засмутывся, що Сынъ Божій народывся:
Слуги свои посылае, Христа убыты шукае.
Де маленькія все диты, звыливъ Иродъ всихъ побыты.
Правиднии тіи души на викъ просвѣщенніи.
Десять тысячъ и чотыри малыхъ дитокъ погубылы,
Христа убыты шукалы.
Небесный царь одъ Ирода въ Египетъ тикае.
Небесный царь зъ пебесъ зійшовъ,
Въ дивычицьку утробу пройшовъ,—
Господь вичный за насъ гришныхъ на землю прыйшовъ (сл. Р-Н.).
О сколь счастливъ для насъ сей день благословенный,
Въ которомъ родился Сынъ Божій отъ Дѣвы воплощенный!
Волхвы Христа со звѣздою отыскали,
А Ироду на возвратномъ пути не являли.
А Иродъ царь въ злобу впалъ,
Въ Виѳліемъ градъ воиновъ послалъ,
Чтобъ Царя-Христа розыскати
И младенцевъ всѣхъ убивати,
Отъ трехъ, двухъ лѣтъ и ниже.
Іосифъ съ Маріею и младенцемъ въ Египетъ убѣжали
И тамъ до смерти Ирода проживали.
А Иродъ въ скоромъ времени скончался,
Тогда Іосифу во Египтѣ ангелъ являлся,
Сказалъ ему: иди во градъ, Виѳліемъ,
Уже бо нѣту иродовои силы въ немъ.
Иродъ во адѣ Іуду предворяетъ,
Жизнь и рожденье свое проклинаетъ:
«За малыхъ младенцевъ отвѣчаю
И вѣчныя муки за нихъ я принимаю,
Лучше бы мнѣ не родиться,
Нежели во адѣ явиться!».
А я Христа прославляю
И васъ съ праздникомъ поздравляю.
(сл. Н-Н.).

26.

Здравствуте, честные господа,
За многіе прошедшіе года,
Были ли у васъ іудейскіе солдаты
Малыхъ дѣтей искаты?
А къ намъ какъ нынѣ набѣжали
Да все съ острыми тесаками,
Малыхъ дѣтей бьютъ,
А они гласно поютъ:
Слава въ вышнихъ Богу.
И Христосъ давно уже убѣжалъ въ дорогу.
Сію я радость возвѣщаю... (г. К.).

27.

Христосъ народывся, шобъ мыръ взвысылывся
Псля Адамова грѣха: отъ дыковынка яка!

Звизда ясненька, гарна, кругленька
По небу потыкла и въ Ерусалымъ
волхвивъ прывыла.
Воны Ирода вопрошалы, де царь
народывся,
Иродъ злякався, ажъ зашатався,
Почувши си слова,
Заразъ созвавъ мудрицивъ и свит-
скихъ панотцивъ,
Шобъ воны ему сказалы, пролы-
бызувалы,
Де Христосъ родывся.
Воны жъ ему поправди при всій
громади
Мовъ въ око влипылы:
У Вихліеми Винъ народывся.
Янголы святіи, крылати, чудніи такъ
лепсько спивалы.
Що мы родылысь й пожынылысь
далыби такои ны чувалы.
Постушки изъ степу прибиглы къ
вертепу
По ягнятку припыслы.
И на дудци зигралы, якои зналы,
Та й изновъ додому пійшлы.
Тріе цари принеслы Христу дары
Ажъ видъ самого востока,
Тутъ Ему клалы и всѣхъ поздо-
ровлялы
По письменськи звысока.
Ицько старенькій имъ бувъ ра-
денькій,
Гостынци припявъ и добре всихъ
почастувавъ:
«Сидайте жъ у насъ, почастуемъ мы
васъ,
Чимъ Богъ намъ давъ.»
По кухлю сывухы, по каганцю
варенухы
Заразъ имъ пидносывъ.
Воны жъ якъ хлыснулы, то сидячи
й поснулы,
А Ицько и свитло погасывъ.
Янголь Божій, ясный, гожій,
Царямъ на ухо шиппувъ:
До дому махайте, Ирода мынайте,
Щобъ винъ про це й ны чувъ,
Бо въ него вы бувалы и слово
давалы
Разсказаты про наши родыны и
други повыны.
Волхвы проснулысь, заразъ всха-
минулысь,
На ливо повернулы, якъ отъ янголя
чулы,
Та й до дому махнулы.
Иродъ же дожидався, у виконця
приглядався,
А дали закрычавъ, скилько сылы
мавъ:
Війско! до Вихліема махайте,
И малыхъ дитей у всихъ жидивскихъ
людей
До шнура убывайте!
Выхліемскій крыкъ такъ бувъ вы-
лыкъ,
Шо ажъ до Саваохва дойшовъ
И ны одынъ видъ ныхъ мижъ ушей
ны пройшовъ.
Богъ пославъ кару на Иродову пару:
Въ потылици открылысь болячки,
По всимъ ногамъ чирячки;
Пидъ носомъ почервонило, въ жи-
воти воркутило
И все тило горько почервонило.
Доктори пріизжалы; пластыръ при-
кладалы,
Бабки шепталы, до пупа силь клалы—

Но ничого ны помогло!
А дали и згынувъ и царство покинувъ,
Бо ны вмивъ хлиба йсты,
Такъ и пропавъ безъ доброи висты,
Такъ пропавъ дитей мучитель, Христа гонитель.
А мы ему ны подражаемъ, а Христа вылычаемъ.
(сл. Покровскъ. кр. Гр. Поляковъ).

28.

Будьты здорови, та ны лайте мене,
Чого я прыйшовъ—попытайте мене,
Чого прыйшовъ, якимъ дотепомъ?
Ны самъ прыйшовъ я, а зъ вертепомъ,
Щобъ вамъ его показаты и про все чудо росказаты,
Що самъ чувъ и що бачывъ;
Колы захочете пытаты, такъ цуръ ны пырыбываты!
Якъ мы учора пасли овець ватагу—
Та ны вдывляйтесь на видвагу:
Бо се було у теплому краи.
Кормокъ прыдався зелененькій,
Кошары булы готовеньки—
Все якъ на весни бува въ маи—
Усе було гарно, ничого и казаты.
А якъ стало вже смыркаты,
Я давъ раду: гонитъ, хлопци, ватагу,
Та варитъ круту кашу съ саломъ.
А найвшись каши, гонитъ ватагу на базъ,
Та запырайте добре уразъ,
Щобъ якій воряга ны прычвалавъ,
Та й нашои ватаги ны вкравъ.
Тилько що поснулы, збунтовалась вся ватага,
Вся видъ стины: ныначе у пывоварни брага.
«Яцько, Апанасъ и ты, Протасъ! быритъ добру дубыну,
Та спишитъ ворязи усю спину!»
Ажъ гулькъ: а воно сяе и крыламы махае.
Яцько каже: се птаха, а Панасъ; се пряха,
А я кажу: тю, дурню! се-янголь Божій,
Хиба ты ны бачишъ, якій винъ гожій!
И ставъ пытаты, щобъ почуты видъ его гласъ:
«Чого ты, янголь Божій, прылитивъ до насъ?
«Чи души хочешъ ты забраты,
«Чи вивци въ пасъ поодтниматы?»
— Я посланъ не за душами, а посланъ небесами
— Повѣдать вамъ радостную вѣсть:
— Богъ съ неба пришелъ и на землѣ днесь.
«Ой, лыхо! чи ны за грихи караты?»
— Объ этомъ нечего помышлять:
— Которые есть Онъ хочетъ на себя забрать.
«Гей гей, яка чудосія, се збулась та профысія,
«Що дидъ Мусій колысь казавъ!
«Скажи жъ намъ, янголь Божій, де той домъ хорошій.»
— Я радъ бы васъ проводыть, та треба на небо лытить
— И спивать «Дѣва днесь..»
— Смотрите на эту звѣзду пыльненько,
— Васъ доводетъ она пряменько.

«Яцько, Панасъ и ты, Протасъ!
бырить лучшу ярку,
«Та понысемъ породили Божій у
подарку.»
Взялы, пишлы, — чого треба, тей
пайшлы.
Тамъ сидила Породиля Божа, якъ
ясочка хороша.
На рукахъ дитятко держала, а воно
чуть ны вымовляло.
Тамъ стояло багацько царивъ: ажъ
цилыхъ тры,
И шось воны въ подарку пры-
ныслы.
Вона видъ ныхъ те все прынявши,
Та разивъ зъ пять спасиби сказавши,
До дому видпустыла. А дали и мы
прыступилы:
«Прыймы видъ насъ, Маты Божа,
ягнятко,
«Та накормы свое дитятко!»
Вона видъ насъ подарокъ узяла
И разивъ зъ пьять спасиби сказала.
А мы тоди хто вливо взявъ, а хто
въ вправо взявъ,
А я оце до васъ попавъ,
Щобъ вамъ усе це росказаты
И васъ съ праздныкомъ поздоровляты.
(сл. Р-П.).

29.

— Здорови булы та съ тымъ, паны,
Съ чимъ я ось до васъ прыпхався,
Та не перечты лишь мини,
Бо я того не сподивався.
Скажу я вамъ висть чудну й дивну,
Та тико жаль, що половыну
Пошты забувъ, що бачивъ и що чувъ,
Якъ по правдѣ вамъ прызнаця,
А вы скажите, шо було бъ и ны
браця.
Хочъ смійтыся, а це не брыхенька,
Не съ себе выдумавъ я самъ,
(Бо далыби я бачывъ самъ)
Насъ тамъ гурба була не маленька.
И бувъ надъ нымы я лычманъ.
И звалы насъ: я—Опанасъ,
Яцько, Панько и бувъ Протасъ,
Та ще й Явтухъ, пидпасичъ бувъ у
насъ.
И овечатъ була ватага,
Та й не пидходь було воряга,
А вже дамо парла, абы хто вчувъ.
А сежъ було не середъ лита,
Та тилько у теплому краи,
Мы паслы овечатъ до свита,
Якъ на высни бува въ маи.
Кормы задалысь зелененьки,
Кошары булы готовеньки,
Приволья для всего було:
На тырло було де статы,
Була й вода, щобъ напуваты;
Прызнаться, все для насъ брыло.
Денекъ случився веселенькій,
И вивци напаслысь гораздъ;
Надъ вечеръ стало такъ хмарненько
И доццикъ збрызнувъ тико разъ.
И такъ уже повечерило,
Ни зоряно, а похмарнило,
То я Яцькови й заказавъ:
«Жинить лишь вивци вы съ Про-
тасомъ,
Та й запырайте зъ выкрутасомъ,
Та ще щобъ хто тамъ изъ васъ и
спавъ.
А мы пишлы въ вербняжокъ,
Бо недалеко бувъ лужокъ,

Панько, я, та ще й Явтухъ.
А ось бижить Протасъ: трюхъ, трюхъ.
«А що, чи справывся, Протасе?»
— Та глянь лишь, Опанасе,
— Якъ на неби зоря погорила,
— Глянь, якъ руся заярдила!»
Я гулькъ, ажъ далеби шо такъ.
Дывлюсь, а ще шось ясніе,
Тай думаю: видкиля се взялось?
Та и зирныця не буває;
Ни, це шось дивне буты мае!
А дали й хлопцямъ указавъ:
Чи бачите, я имъ сказавъ:
Чи бачилы вы таку зирницю,
Хоть утреню, хоть вечерныцю?
Бо далеби зроду вперве бачу самъ.
«Дывись, нашъ Панько якъ дуе!»
Явтухъ побачивши сказавъ:
«Вже винъ не дурно такъ пылуе!»
А дали ось и закрычавъ:
«Сюды, Явтухъ и Опанасъ!
«Сюды, Яцко и ты, Протасъ!
«Якій-сь воряга причвалавъ до насъ!»
Мы кинулысь туды скорише,
Змовлялысь быть его дружнише,
Щобъ уже бильше винъ не кравъ.
Мы щобъ туды... волосся дубомъ,
Якъ бы одъ видьмы устае,
Мы хто рачки, а хто пупомъ,
Абы побачиты, хто въ кошари é.
Дывимось,—съ края въ край шагае,
Та ще вылыке шось литае,
Не чоловикъ, а бачця схоже.
Панько сказавъ: це гарна птаха!?
Явтухъ: ни, це мабуть пряха!
Протасъ: э, тю, дурни! це янголь Божій.

Якъ вымовывъ оце Протасъ,
Такъ й опустылось серце въ насъ:
Морозъ по шкуры насъ подравъ.
А дали трохи ободрылысь:
Чого жъ намъ янголя бояця,
Винъ не кинеця кусаця:
Бачъ якій винъ гарпый, такъ якъ панъ.
Тоди до его причвалалы,
А дали разомъ вси спыталы:
«Що ты, папе, скажышъ намъ?»
— Идитъ вы до Выхліема въ стапъ,
— Возмитъ съ собою и ягнятко,
— Побачите тамъ паню и дитятко,
— Ему отдайте вы ягня,
— Не думайте, що се брыхня,
— Бо сю ничь Христосъ родывся,
— Сынъ Божій отъ Дивы воплотывся.
Стрепенувся, та й не стало,
Та вжей не выдно его стало.
Ну шожъ робыты тутъ прыпало,
Тутъ и ума мого не стало:
А шо янголь намъ вищавъ, те треба робыты.
Заразъ иты въ кошару ягня ловыты,
Що лучче ягня то й піймалось,
Піймавше якъ на релець пхалысь
Та й ще совиталысь,
Щобъ ще куды не заблудыты:
Темна ничь, не выдно де ходыты.
А дали нашъ Панько напхався,
Объ стаию лобомъ якъ удрався,
Та лежа слухае чмпливъ.
«А шо, Панько, покотывся?»
— Але! на станю нахватывся,
— Та й гарно лобъ свій пидогривъ.
Идитъ же, хлопци, въ станю,
Та вси ривненько говорите,

Щобъ не розсердыты Диву-паню,
Якъ будемо ягня дарыты.
Скоришъ идитъ, та не тащиця,
А якъ казаты—вже не вчиця.
И тики въ станю шо вопхалысь,
То заразъ вси позатулялысь;
Бо свитъ велыкій осіявъ.
А дали трохи ободрылысь,
На вколюшки уси упалы,
Тому Дитятку поклонылысь,
А ягнятко Пани оддалы:
«На, кажимъ, тоби оце ягнятко,
«Щобъ не голодне було твое дитятко!»
Потимъ Вона вылила намъ устаты
И стала насъ ласково витаты,
Якъ будто знала насъ давно.
Быля тіи жъ близенько пани,
Стоявъ у жовтому жупани
Старенькій дуже чоловикъ,
Якъ буцимъ проживъ другій викъ.
Быля того дидка блызько,
Понурывше головки нызько,
Тутъ же у самыхъ яселъ
Стоявъ бычокъ и оселъ,
И воны глянулы на насъ-бурлакъ.
Дидокъ же трохи поворчавше,
Шось Пани на ухо шиптавше,
Балакавъ зъ намы сякъ и такъ,
Затимъ сказавъ: «идитъ вы въ міръ проповидуйте,
Що се родывся Божій Сынъ!»
Прощайте—мы сказали
И кланялысь по ряду всимъ.
Пишлы видтиль, якъ не бувалы,
Идучи, кой—що розмовлялы,
Поки до миста не дойшлы,
И по отари раздилылысь,
А далеби шо вси чудылысь:
Якъ намъ було и шо знайшлы.
Тоди мы хто вливо, а хто вправо взявъ,
А я оце до васъ попавъ.
(Сл. Тарасовка. Кр. М. Мозговой).

Нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ виршъ составляютъ отрывки изъ такъ называемаго «Малорусскаго вертепа», который въ 30-хъ и 40-хъ годахъ текущаго столѣтія былъ въ ходу еще во всѣхъ значительныхъ слободахъ Купянскаго уѣзда, какъ о томъ говорятъ старожилы. Въ концѣ 70-хъ годовъ одинъ мѣстный землевладѣлецъ вздумалъ было возобновить Рождественскую драму, старинный вертепъ. Пріобрѣтены были куклы, устроенъ ящикъ, составленъ хоръ пѣвчихъ, разучены роли. Но дѣло ограничилось представленіемъ Рождественной мистеріи въ двухъ-трехъ домахъ: хоръ разстроился, а съ нимъ исчезъ и вертепъ съ куклами.

Колядовать же въ Купянскомъ уѣздѣ ходятъ не только дѣти, но и взрослые крестьяне. Дѣти и молодые парни и дѣвки колядуютъ вечеромъ на первый день праздника Рождества Христова почти во всѣхъ селеніяхъ уѣзда, за исключеніемъ лишь слободъ съ великорусскимъ или смѣшаннымъ населеніемъ, какъ, напр., Торская, Покровскъ, Араповка, Колодежная, гдѣ колядники начинаютъ ходить съ вечера наканунѣ праздника. Между тѣмъ какъ въ остальныхъ селеніяхъ и въ г. Купянскѣ наканунѣ

Рождества ходятъ только со «звѣздою» пѣвчіе изъ церковныхъ хоровъ или школьники, а колядованіе начинается только на самый праздникъ Рождества. Вечеромъ на второй день праздника ходятъ колядовать и взрослые молодые люди: женатые и замужнія, впрочемъ мужчины ходятъ вообще весьма рѣдко, женщины же чаще.

Ходящіе со звѣздою поютъ обыкновенно тропарь и кондакъ праздника, причемъ носящій звѣзду, тоесть, сдѣланный въ видѣ восьмиугольной звѣзды бумажный фонарь, на одной сторонѣ котораго нарисовано поклоненіе пастырей или волхвовъ, а на другой бѣгство во Египетъ,— вращаетъ ее.

Колядовщики, собравшись гурьбою, человѣкъ до 15-ти, ходятъ по всему селенію, иногда вмѣстѣ парни и дѣвки, иногда отдѣльно парни съ мальчиками, дѣвки съ дѣвочками, и, подходя къ окну дома каждаго зажиточнаго хозяина, спрашиваютъ позволенія заколядовать, говоря или точнѣе крича: «Дай, Боже, вечеръ добрый. Чи заколядуваты вамъ?» И, получивъ согласіе, хоромъ поютъ колядки; въ случаѣ же отказа, уходя, кричатъ: «хозяинъ обрѣпокъ, обрѣпався юшки; не може встаты, намъ колядки даты».

За исключеніемъ ниже приводимаго разсказа, въ народѣ не сохранилось никакихъ преданій о времени происхожденія обычая колядовать, а равно неизвѣстно и слово календы. Но, вмѣсто историческаго воспоминанія о святочныхъ играхъ въ Византіи, давшихъ, вѣроятно, начало и нашимъ колядамъ, мы имѣемъ вотъ какой разсказъ, записанный въ слободѣ Араповкѣ:

«На Святвечеръ одинъ богатый мужикъ, разсердившись за что-то на своего сына, выгналъ его изъ дому, не давши ему даже повечерять. Молодой парень, томимый голодомъ, пошелъ по селу, останавливаясь подъ окнами каждой хаты, пѣлъ пѣсни, въ которыхъ величалъ наступившій праздникъ и хозяевъ хаты. Людямъ это пѣніе очень понравилось и они давали парню, кто хлѣба, кто сала, а кто и колбасу. Вотъ съ тѣхъ поръ и начали ходить колядовать, и теперь поютъ тѣ же самыя колядки, что пѣлъ тотъ парень».

---

5. Колядки.

1.

Ой рано, рано куры запилы—
Ой дай, Боже!
А ще раныше Костюша уставъ—
Святый вечеръ!
Костюша уставъ, лучкомъ забрязчавъ (зазвонывъ)
Ой дай, Боже!

Лучкомъ забрязчавъ (зазвонывъ),
братцивъ пробужавъ--(попужавъ,
побудывъ)—
Святый вечеръ!
«Вставайте, братця, коней сид-
лайте»—
Ой дай, Боже!
«Коней сидлайте, хортивъ склы-
кайте—
Святый вечеръ!
«Та пойидемо въ поле на вловы—
(въ чисте поле на охотеньку
сл. Б.)
Ой дай, Боже!
«Въ поле на вловы, въ темну
диброву—
Святый вечеръ!
«Ой тамъ я назнавъ куну въ дереви—
Ой дай, Боже!
«Куну въ дереви, дивку въ те-
реми—
Святый вечеръ!
«Ой вамъ же, братци, куна въ
дереви—
Ой дай, Боже!
«А мини, братци (молодому) дивка,
въ тереми—(г. К., сл. Т., сл. Б.)·
Святый вечеръ!

А.

Ой рано, рано куры запилы—
Ой дай, Боже!
Ой рано, рано куры запилы—
Святый вечеръ! и т. д.

Каждый стихъ повторяется два раза, за первымъ разомъ слѣдуетъ припѣвъ: ой дай, Боже, а за вторымъ—: святый вечеръ. Къ послѣднему стиху прибавляютъ:

Вонажъ ни царивна, ни короливна,
А Омелькова дочка, дивка Мару-
сенька—
Ой дай, Боже!
Вонажъ ни царивна, ни короливна,
А Омелькова дочка, дивка Мару-
сенька—
Святый вечеръ! (г. К.).
«Вставайте, братци, сидлайте ко-
ней—
Ой дай, Боже!
«Сидлайте коней--святый вечеръ!
«Ступайте въ поле за лысыцями —
Ой дай, Боже!
«За лысыцямы, за куныцями —
Святый вечеръ (сл. П-ъ).

Б.

Ой рано, рано куры запилы—
Ой дай, Боже!
Куры запилы—святый вечеръ!
Раньше того Иванько уставъ—
Ой дай, Боже!
Иванько уставъ—святый вечеръ! и т. д.

В.

Ой рана, рана куры запѣли,
Ещо ранишя братицъ вставалъ,
Братицъ вставалъ, лучкомъ за-
брыщалъ,
Лучкомъ забрыщалъ, братицъ возбу-
жалъ:

«Ставайтя, братцы, вставайтя, купцы,
«Ой я тамъ назналъ дѣвицу-красавицу (сл. Тя). (Ср. Чубинскій. Т. 3, стр. 283, № 18).

2.

Ой орле, орле!
Чи высоко летышъ? Чи далеко бачишъ?
Чи ты бачишъ, орле, синее море?
А на тимъ мори корабель плыве,
А на тимъ корабли Иванько сыдыть,
Та письмо строчить до батеньки шле:
«Батенько мій, прошу я тебе: ожены мене!
«Та скажи мини, яку мини брать:
«Чи попивну, чи короливну?»
— Ой, то намъ не ривня, а то намъ ривня,
Що съ сонцемъ встае и съ сонцемъ ляга (К-а).

3.

Дивка молода, иды зъ намы гуляты—колядуваты.
— Подружки мои, николы мини—
Святый вечыръ!
Ныдавно братикъ прыйхавъ зъ войны—
Святый вечыръ!
Та прывизъ мини тры подарочки:
Святый вечыръ!
Первый подарочокъ—шолковый платокъ—
Святый вечыръ!
Другый подарокъ—золотый перстынекъ—
Святый вечыръ!
Третій подарокъ—зелене сукно—
Святый вечыръ (сл. К-я)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 366, № 45).

4.

Ой въ лиску, въ лиску та на жовтимъ писку—
Ой дай, Боже!
Ой въ лиску, въ лиску та на жовтимъ писку—
Святый вечеръ! [1]).
Тамъ пава ходе, пирьячко роне.
Тамъ Маруся ходе, пирьячко збыра;
Пирьячко збира, въ рукавецъ склада;
Й додому иде, й на скамьи кладе;
А зъ скамьи бере, виночекъ, вье,
А свывши виночекъ, пишла у таночекъ,
Тамъ паны стоялы, шапки снималы,
Шапки снималы, дивку пыталы:
Чи це царивна, чи короливна?
То жъ ны царивна, ны короливна,
То Омелькова дочка, дивка Марусенька.

А.

А въ лиску, въ лиску па жовтимъ писку
Пава ходе, пирьячко роняе—
Святый вечеръ!—пирьячко роняе,
А за нею иде дивка Мавруша—
Святый вечеръ!—дивка Мавруша

---

[1]) Каждый стихъ поется два раза, послѣ перваго раза припѣвъ: ой дай Боже, послѣ второго—святый вечеръ (г. К.).

Пирьячко збирае, въ рукавець складае,—
Святый вечеръ!—въ рукавець складае,
А изъ рукавця бере на скамью кладе—
Святый вечеръ!—на скамью кладе—
А со скамьи бере, виночекъ плете—
Святый вечеръ! виночекъ плете,
Виночекъ сплела, въ станочекъ пишла—
Святый вечеръ! —въ станочекъ пишла,
А изъ станочка шла, въ церковку зашла—
Святый вечеръ!—въ церковку зашла,
Тамъ паны встричалы, шапки скидалы—
Святый вечеръ!—шапки скидалы:
Чи ты попивна, чи короливна?
Святый вечеръ—чи короливна?
Я жъ не попивна, не короливна,
А Никапорова дочка, дивка Мавруша.
Святый вечеръ! (г. К.).

Б.

А въ лиску, въ лиску та на жовтимъ писку,
Тамъ пава ходыть, пирьячко роныть.
Дивка Оксанка пирьячко збыра, въ рукавець склада,
Зъ рукавця бере, на скамью кладе,
А съ скамьи бере, виночки плете,
На головку кладе, до церковки йде.
Паны стоялы, шапки знималы,
Шапки знималы, все пизнавалы:
Чыя се дочка? чи се попивна, чи короливна?
А Пылыпъ каже: «це жъ моя дочка, дивка Оксанка». (сл. Т-и).

В.

А въ лиску, въ лиску та й на жовтимъ писку,
Тамъ пава ходыла, пирьячко роныла,
А за пейю ходы дивка Марьечка,
Пирьячко быре, въ рукавець кладе,
Зъ рукавця быре, на скамью кладе,
Поздоровъ Боже, дивку Марьечку
Зъ отцемъ, зъ ненькойю, зъ цымъ домомъ! (сл. Пя). (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 300, № 37).

5.

Ой рясна-красна въ лузи калына—
Ой дай, Боже, святый вечеръ! [1])
А ще красниша въ панотця дочка,
Въ панотця дочка, дивка Өенночка:
По двору ходе, якъ мисяць сходе,
Въ синычки ввийшла, якъ зоря зийшла.
Въ свитлоньку входе—паны встають,
Паны вставаютъ, шапки знимають:
«Чи се попивна, чи короливна?»
Панотець каже: се моя дочка,
Се моя дочка, дивка Өенночка,

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Дивка Өенночка — премудра швачка:
Вышила въ полихъ турка на
коня,
А на рукавци — сызи голубци,
Коло пазушки — райскіи пташки.
(сл. А.).

А.

Ой красна-ясна калынонька въ
лузи —
Ой дай, Боже!
А ще краснища дивка Варичка —
Святый вечеръ!
По двору ходе —
Ой дай, Боже!
Якъ зоря всходе —
Святый вечеръ!
Въ синычки вошла —
Ой дай, Боже!
Якъ заря взошла —
Святый вечеръ! (г. К.).

Б.

Ой красна-рясна въ лузи каляна,
Еще краснѣя у Есипа дочка, какъ
паняночка.
Она по двору шла, какъ пава
плыла,
У хату вошла, какъ заря взошла,
До обѣденьки шла, какъ пава
плыла,
У церкви стоитъ, какъ свѣча го-
ритъ,
Изъ церкви идетъ — паны стрѣвали,
Шапки скидали, у ей пытали:
«Чья ты дочка, чья паняночка?»
Даруйте ей два стога жита,
Третій — пшеницы на паляницы,
Пятый — овса, какъ колядка вся.
(сл. Тя). (Ср. Чуб. Т. 3,
стр. 395, № 124).

6.

Ой гула, гула камьяна гора, —
Ой дай, Боже, святый ве-
черъ! [1])
Що не вродыла шовкова трава,
А уродыло зелене выно.
Ой того жъ выпа Катря стерегла,
А стережучи крипко заснула
Якъ палынулы райскіи пташки!
Тай подзёбалы зелено выно.
Якъ проснулася дивка Катричка:
Ой шуги-луги, райскіи пташки!
Не дзёбайте вы зелена выпа:
Намъ сего вына багато треба:
Есть у мене братъ, ище не жонатъ
И я молода ще й замижъ не
йшла. (сл. А.)

А.

Ой гула, гула каменна гора, —
Ой дай, Боже!
Ой гула, гула каменна гора, —
Святый вечеръ! [1])
То-жъ не гора, то зелена трава,
Ой то-жъ не трава, то зелене
вино.
А тамъ дивка Лукинька вино бе-
регла,
Вино берегла — крипко заснула.
Налитали райскіи пташки.
Ой прокинулась дивка Лукинька:
Ой шугу-пугу, райскіи пташки!

[1]) Каждый стихъ поется по два раза; за первымъ разомъ припѣвъ: Ой дай, Боже; за вторымъ — святый вечеръ. (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 399, № 126).

Намъ же сего вина самымъ багато треба:
Въ мене сестра ще замижъ не йшла,
É въ мене братъ, ще не женатъ,
Та я молода, та й засватана. (г. К.)

7.

Ой дядьку, дядьку! Богъ тебе кличе,
Шось мае даты: два стогы жита,
А третій гречки на варенычки,
А четвертый пшеныци на паляныци,
А пьятый вивса—и колядка уся (г. К.).

А.

Пане господарю, Богъ тебе кличе дарыты хоче:
Даруе тоби два лапы жита,
Третій пшеныци на паляныци,
Четвертый гречки на гречанычки,
Пьятый вивса — колядка уся (сл. Сл.).
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 370, № 94).

8.

Пане господарю, Богъ тебе кличе,—
Да зрадуются вси святіи на небесахъ! [1])
Богъ тебе кличе, даръ тоби дае:
Даръ тоби дае: два лана жита,
А третій пшеныци на паляныци.
Пане господарю, застилай столы,
Посвиты свичи, клады калачи,
Клады калачи,—будуть до тебе трое гостей:
Первый гость—Святе Рождество,
Другый гость—святый Василій,
А третій гость—Иванъ Креститель.
Святе Рождество намъ радость принесло,
Святый Василій да съ Новымъ годомъ,
Иванъ креститель, шо воду святе. (г. К.).

А.

А въ нашому доми та три святытеля:—
Радуйся земле, Сынъ Божій родывся!
Первый святытель—святе Рожество,
Другый святытель—святое Васылья,
Третій святытыль—Иванъ Хрыстыть.
Святе Рожество намъ радисть прынысло,
Святое Васылья домъ звеселыло,
Иванъ Хрыстытель воду перехрыстывъ (сл. Сл.).

Б.

Ой у Ковалевыхъ на двори тамъ стояло дерево кипарисне,—
Радуйся, земле, Сынъ Божій народывся! [1])
А у тымъ древи тры гробы стояло:
А у первымъ гробу Рождество Хрыстово,
А у другому гробу Васылый вылыкый,
А въ третимъ гробу Иванъ Хрыстытель.

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Рождество Хрыстово святый вечеръ прydносы,
Васылый велыкый Новый годъ прыдносы,
Иванъ Хрыстытель воды пырыхрысты.

В.

Ишла коляда мимо огорода,—
Ой коляда, колядица! [1]).
Зашла коляда къ кузницу у дворъ.
Ой вы, кузницы, куйте топоры!
Рубите сосны, мостите мосты:
Тамъ будутъ идти святителя:
Первый святитель—Рождество Христово,
Второй святитель—Василій великій,
Третій святитель—Иванъ Креститель. (с. К-я).

9.

А въ пана Петра новіи свитлыцы,—
Радуйся, Боже, выселыся, земле, Христосъ народывсь![2]).
А въ тыхъ свитлицяхъ все столы стоять.
А на тыхъ столахъ все кубки стоять.
У первымъ кубочку зелене выно,
А въ другимъ кубочку червоне пыво,
А третій кубочокъ—солодкій медочокъ.
Зеленое вино для его самого,
Червоное пыво для жены его,
Солодкій медочокъ для его дитточокъ (сл. А.).

А.

А у пана Ивана новая свитлыця,—
Радуйся, ой радуйся, Боже! Освятыся земля:
Христосъ народывся! [3]).
А у тій свитлыци усе столы стоять,
А на тыхъ же столахъ все кубочки стоять:
А первый кубочекъ съ зеленымъ выномъ,
А другій кубочекъ съ червонымъ пывомъ,
А третій кубочекъ съ солодкимъ мыдочкомъ.
Зелене вино для его самого,
Червоне пиво для его жыны,
Солодкій медочекъ для его диточекъ (сл. Пъ.)

Б.

Рай развывсь, Христосъ звеселывсь! [3])
Шо мы въ цего хозяина та въ его дому.
А въ нашого хозяина золоти ворота,
Золоти ворота, мурованы домы,
Мурованы домы, застелены столы,
А на тыхъ столахъ три кубочки стоять:

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха. (Ср. Чуб. т. 3, стр. 337, № 67 и стр. 453, № 19).

[2]) Повторяется послѣ каждаго стиха.

[3]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха; къ этой же колядкѣ существуетъ и слѣдующій припѣвъ: Ой радуйся, земле, веселися, Боже нашъ, шо породывъ на свитъ насъ. Радуйся, Ср. Чуб. т. 3, стр. 487, № 113).

У перьымъ кубочку зеленое вино
для хозяина сёго,
А другимъ кубочку красное вино
для хозяички его,
А въ третимъ кубочку медокъ солодокъ для малыхъ дитокъ (г. К.)

10.

Здоровъ, хозяинъ, славный господинъ!
Застилай столы, клади калачи,—
Славинъ яси, нашъ милой
Боже, на небеси! [1]).
Клади калачи съ ярой пшаницы.
Ой будя къ тябѣ да три гостинькя:
Первый гостёкъ—ясное солнышко,
А другой гостёкъ—свитёнъ мѣсяцъ,
Третій гостёкъ—дробенъ дождикъ.
Ясное солнышко выхваляется:
Я какъ взайду—весь міръ пагрѣю,
Свитёнъ мѣсяцъ выхваляется:
Я какъ взайду—весь свѣтъ освѣтю.
Дробенъ дождикъ выхваляется:
А я какъ пайду—всю землю смачу,
Всю землю смачу—весь хлѣбъ уражу—людей награжу (сл. Тя).

А.

Тры товарыщи выхвалялыся:—
Славынъ я сынъ, ой славынъ я сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Первый товарыщъ—ясне солнышко,
Другый товарыщъ—ясный мисяць,
Третій товарыщъ—дробынъ дощыкъ.
Ясне солнышко выхвалялося:
Славынъ я сынъ, ой славынъ я сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Якъ пройду я рано на зори,
Возрадуеця весь мыръ крещеный,
диткы маненьки.
Ясный мисяцъ выхвалявся:
Славынъ я сынъ, ой славынъ я сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Якъ изойду я пиздно звечера,
Возрадуеця весь звирь въ поли и рыба въ мори.
Дробынъ дощыкъ выхваляеця:
Славынъ я сынъ, ой славынъ я сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Якъ упаду я трычи въ маю,
Возрадуюця жито, пшеныця—всяка пашаныця.
Славынъ я сынъ, ой славынъ я сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса! (Сл. Б—я). (Ср. Чуб. т. 3, стр. 409, № 138).

11.

Спидъ лота ворота, весь двиръ на помости—
Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, землѐ, Боже нашъ!
У пана Николая весь двиръ на помости,
Щей свитлыця нова.

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, земле́, Боже нашъ!
А въ свитлыци тры столы стояло позастолюваныхъ,
За тымы столамы три святыхъ сидило.
Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, земле́, Боже нашъ!
Воны службу служилы за пана Николая,
И за жинку его, и за дитокъ его:
Що колосочки, то его сыночки,
Що зирочки, то его дочки.
Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, земле́, Боже нашъ! (сл. Кя).

12.

«Чи дома, дома бидная вдова?»
— Нымае дома: пишла до Бога.
Славенъ еси, нашъ милый Боже, на небеси!
«Шо вона діе?—Золото віе:
Шо обвіечки, то еи диточки,
Шо половенька, то размовенька.
Славенъ еси, нашъ милый Боже, на небеси. (Сл. Кбя).

13.

Коляда, колядица моя!
Тамъ шла по масту, масту по каменномъ,
Колядя, колядица моя!
Тамъ шли три колядника:
Первый колядникъ дровишки рубая,
Другій колядникъ орѣшки щелкая,
Третій колядникъ пярожки валяя,
Пярожки валяя, у печь сажая,
А съ печи выймая и намъ давая.
Коляда, колядица моя!
Вечеръ добрый! Дайте пярягъ довгій,
Съ рукамя, съ ногамя, шобъ бѣгъ за намя.
Коляда, колядица моя! (сл. Кя).

14.

1. Бигла тылычка та зъ бырыжнычка та въ дядынъ двиръ;
2. Я тоби, дядю, заколядую,— дай пырнгъ!
3. Ны дасы пырога, возьму вола за рога,
4. А кобылу за чупрыну, та вывыду на мугылу.
5. Тай насыплю вивса,—тай колядка уся. (г. К., сл. Кза).

А.

Бигла тылычка та зъ бырызнычка та въ дядивъ двиръ;
4. Та повыду на моригъ, та зибью правый ригъ:
5. Волыкомъ буду робыты, а въ рижокъ буду трубыты (сл. Тп).
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 427, 429, 479, №№ 157, 162, 59).

15.

Бигла колядка до Хомы-дядька
Тай стала: дай, дядьку, сала!
(сл. Ия).

16.

Колядую, колядую,
Де горилку чую, тамъ и заночую.
«Колядуй баране!»—Не вмію, пане.
«Въ викно, баране!»—Рогы бо, пане.
«Позбывай, баране!»—Болитымуть, пане.
«Завъяжи, баране!—Ничимъ бо, пане.
«Хустыною, баране!»—Ныма, пане.
«Украдь, баране!»—Піймають, пане.
«Утычи, баране!»—Бытымуть, пане.
Дай, Боже, вечеръ добрый! Выпысить ныдохидъ довгый,
Безъ ручокъ, безъ нижокъ, шобъ не втикъ у снижокъ.
Не даете пырога, озьму вола за рога,
Кобылу за чупрынку, та выведу на могылку,
Та поведу у кабакъ, тамъ продамъ за пьятакъ. (г. К). (Ср. Чуб. т. 3, стр. 428, № 160).

17.

Коляда! Не дасы пырога,
Коляда! Возьму вола за рога.
Коляда! Не дасы пышки,
Коляда! Визьму свыню за ладышки.
Коляда! Не дасы табаку,
Коляда! Я собаку зволоку. (г. К).

18.

Прибигъ я босый, постыльчикъ косый.
Чи дома дядко? чи дома титка?
Чи варылы юшку? Дайте галушку!
Кильчикъ ковбаски, грудочку кашки!
Ковбасу я додому понысу. (г. К.).

19.

Колядувало чотыри бабы, пятый дидъ,
Та наколядували мишокъ кишокъ, та й ще хлибъ,
Та зачалы дилыця, та кишкамы быцця.
Ачхындры, ракъ причыпындры, чухрынды. (сл. Пъ).

20.

Собрались господа съ боярами,
Кстили дитя Петра Митревича:
Кумъ—князь Михайлушка,
А кума Шкурлатова жена.
Одинъ передъ другимъ выхваляются:
Одинъ каже: у мене е слугъ,
Другій—злата много,
Третій—у мене серебра много,
Четвертый—селъ много.
Озвався кумъ Мыхайло: е кони ворони,
Ще озвалась кума—Шкурлатова жена:
Ны по дилу вы, князья, бояре, выхваляетесь!
Якъ у мене е дивки осыновки!..
Идитъ, дивки, въ ходымый теремъ,
Почерпнитъ корецъ зеленого вина:
Я съ кумомъ поздоровкаюсь.
«Изволь, кумъ, вашему здоровью!»
— Изволь, кума, вашему здоровью!
«Когда было, что-бъ кума напередъ кума пила?»

Выпивъ нашъ кумъ, князь Михайлушко:
Его ясни очи помутились,
Его рѣзвыя ноженьки подкосились,
Его бѣлыя рученьки сподмахнулись.
Закричалъ нашъ кумъ, князь Михайлушко:
Подайте вы мого коня вороного!
Идутъ, коня ведутъ.
Сѣлъ нашъ кумъ, князь Михайлушко, на коня.
У коня съ копытъ искры летятъ,
Изъ ноздрей пламя пышетъ.
Встрѣчаетъ его родимая матушка:
«Да то мой милый князь Михайлушко!
«Сколько ты по сосѣдямъ ѣзжалъ,
«Такой пьяный не пріѣзжалъ!»
— Родимая моя матушка,
— Скусила меня кума, Шкурлатова жена.
Къ вечеру князя Михайлушку сповѣдать везутъ.
Къ полуночи князь Михайлушка Богу душу отдалъ.
Къ бѣлому свѣту князя Михайлушку хоронить несутъ:
Попъ-архирей идетъ...
Его матушка, какъ голубушка, гудетъ,
Его дѣтки идутъ, какъ пчелы, гудутъ...
Чѣмъ колядовальника пожалуете?
Кто не дастъ табаку, жену съ печи сволоку;
Кто не дастъ орѣховъ,—кобылу за выхоръ;
Кто не дастъ терну,—овцу изъ кошары сдерну. (сл. Пъ).

(Справка: 23 апрѣля 1610 года у князя Ивана Воротынскаго крестили сына: кумомъ былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, а кумою жена Дмитрія Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова).

21.

Ой на рѣчкѣ, ой на Іорданѣ
Божья Матерь стояла, стояла,
Божьяго Сына купала, купала,
Василички варила, варила,
Въ китаечку вгортала, вгортала.
Какъ ѣхало три короля, короля:
Первый король счастьемъ-здоровьемъ обдарувалъ, обдарувалъ,
Второй король сребромъ-златомъ обдарилъ, обдарилъ,
Третій король чернымъ кадиломъ обкадилъ, обкадилъ.
Дай, Боже, сему хозяину жить такъ, такъ,
Какъ Іисусъ Христосъ живетъ въ раю, въ раю! (сл. Па). (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 323, № 51).

22.

Дай, Боже, вечеръ добрый! Благословы, хозяину, заколядуваты.
Ой на рици на Іордани тыхо вода стояла,
Тамъ Прычыста свого Сына купала,
Йа скупавши, повывачемъ (пеленамы) сповывала

Йа сповывши, чернымъ шовкомъ звязала,
Йа звязавши, въ яселычка вложыла.
Ой надъ тымъ Дытямъ сири волы дыхалы.
До схидъ соньця тры цари прыи̑халы.
(О пивночи тры цари приходылы,
Съ собою дары прыносылы,
На колина упадалы,
Свои дары подавалы). (Св.).
Ой первый царь Сусомъ Христомъ дарувавъ,
А другый царь святымъ мыромъ мырувавъ,
А третій царь квиткою дарувавъ:
Тожъ ны квитка, тожъ Святе Рожыство,
Всему мыру радость прынысло.
(сл. Пя, Кп, Св-а, Св-л.).

А.

Божая Маты Божаго Сына родыла,
А породывши, чорнымъ шовкомъ сповыла,
А сповывши, въ яселычка вложыла.
Надъ тымъ Дытямъ волы дыхалы,
Божого младенца тымъ согривалы.
Йа зъ вечера Божій Сыну родывся,
Той, который небо й землю сотворывъ,
А на схидъ сонця прыихало тры царя:
А едынъ царь мыромъ мырувавъ,
А другый царь Сусомъ Христомъ называвъ,
А третій царь квиточкою дарувавъ:
Тожъ не квиточка, тожъ святое Рождество,
Всему свиту, всему мыру радисно.
(г. К.). (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 323—325, №№ 51 и 52).

23.

У Юрусалими та у Божіемъ дому
Дива Марія Сына родыла
И всихъ святыхъ до себе созвала—
Славынъ Сынъ, рожденный Царю на небесахъ!
Та вси святи за стилъ сидають,
Кныжкы читають, имья шукають.
Далы Ему имья святого Ильи.
Богородыца не злюбыла
И всихъ святыхъ роспустыла,
Не именовала, сыномъ не называла.
Собрався соборъ: вси святи за стилъ сидають,
Кныжкы читають, имья шукають.
Далы Ему имья святого Петра.
Богородыца не злюбыла
И всихъ святыхъ роспустыла,
Не именовала, сыномъ не называла.
Собрався соборъ: вси святи за стилъ сидають
Кныжкы читають, имья шукають—
Нашли Ему имья Исусъ Христосъ.
Богородыца именувала, Сыномъ называла. (Свка).

А.

Богородыца Сына породыла,
Всихъ святыхъ до себе просыла,
Сталы думать и гадать,
Яке имья Сыну дать.

Далы Ему имья святого Илья;
Вона его не взлюбыла,
Всихъ святыхъ посмутыла.
Далы Ему имья прысвятого Васыля;
Вона его не взлюбыла,
Всихъ святыхъ посмутыла.
Далы Ему имья — Самъ Исусъ Христосъ;
Вона его возлюбыла,
Всихъ святыхъ возвысылыла. (г. К., сл. Иъ).

Б.

А хто, хто Христа возлюбе?
А хто, хто Его почитае,
Богородицу и всихъ святыхъ ублажае?
Богородица и вси святи, помогайте намъ!
Помогайте на всякій часъ!
Богородица Іисуса Христа породыла,
Всихъ святыхъ и ангеловъ просыла.
Стали думать та гадать,
Яке Ему имя дать.
Дали имя святого Полевая.
Богородица его не взлюбыла,
Всихъ святыхъ и ангеловъ роспустила.
Богородица и вси святи, помогайте намъ!
Помогайте на всякій часъ!
Богородица Сына спеленала,
Всихъ святыхъ и ангеловъ собирала...—
Дали Ему имя святого Петра.
Богородица его не взлюбыла...
Богородица Сына окрестила...
Дали Ему имя святого Христа.
Богородица Его возлюбыла,
Всихъ святыхъ и ангеловъ наградила. (г. Старобѣльскъ). (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 333, № 62).

24.

А хто, хто Мыколая любы,
А хто, хто Мыколаю služы,
Тому, святый Мыколай,
На всякій часъ помагай.
Мыколаю!
Богородыця сына спородыла,
И всихъ святыхъ до себе спросыла.
Сталы думаты — гадаты,
Яке Ему менья даты.
Мыколаю!
Далы Ему менья святого Васылья.
Богородыця ны злюбыла
И всихъ святыхъ разгнивыла.
Мыколаю!
Богородыця Сына спородыла,
И всихъ святыхъ до себе спросыла.
Сталы думаты — гадаты,
Яке Ему менья даты.
Мыколаю!
Далы Ему менья святого Илья.
Богородиця ны злюбыла
Й всихъ святыхъ разгнивыла.
Мыколаю!
Богородыця сына спородыла...
Далы Ему менья святого Суса Христа.
Богородыця злюбыла
Й всихъ святыхъ звысылыла.
Мыколаю!
Йдитъ, святи, до мены,

Найшовсь сынъ у мены!
Мыколаю!
Горять огни тырновыи,
Тычуть рики мыдовыи,
Пычуть рыбу—осетрыну
Богородыци на родыны.
Мыколаю! (сл. Пря, г. К., сл. Б.; Ти, Сва, Св. Л.)

А.

А кто, кто Миколая любя,
А ше кто Миколаю служа,
Тому, святый Миколай,
На всякій часъ помогай!
Богородица Миколая любя,
Богородица Миколаю служа.
Богородица сына парадила,
Всѣхъ святыхъ до себѣ прасила.
Стали думать и гадать,
Какое имя Сыну дать.
Дали Ему имя святаго Ивана.
Богородица не взлюбыла
И всѣхъ святыхъ исмутила.
А кто, кто,...
Дали Ему имя святое Рождество.
Богородица злюбила
И всѣхъ святыхъ обдарила (сл. Тя).
(Ср. Чуб. Т. 1, стр. 169—170; Д.)

25.

Божая, маты, Божая сыла сына родыла,
Породыла Суса Христа, Бога нашого.
У тыпли Богъ родывся, въ ясляхъ спочывавъ,
Прилытилы два янголы зъ небесъ поючи.
«Достойна ты, Дива Марія, достойна ты намъ!»
«Дай же цёго младенця та на руки намъ!»
Віють витры, віють буйни, весь свитъ обнялы—
Йа къ Рождеству Христову сады зацвилы,
Къ Василію, къ Новому Году рики розлылысь. (г. К.). (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 336, № 64).

26.

Новая рада стала, якъ на неби хвала,
Надъ артепомъ звизда ясна весь свитъ осіяла.
Янголъ явывся, Исусъ отъ Дивы родывся,
Що чоловикъ передъ Богомъ рызою сповывся.
Пастушки зъ ягняткомъ передъ тымъ дытяткомъ
На колинцяхъ прыпадають, Хрыста сохваляють.
Два янголы въ неби хороше воспивають,
Хвалу воздавають яко на неби и на земли.
Воздаемо мы хвалу врожденному царю,
Яко царю рожденному, а Богу презвышнему,
Мы раду спивалы, хвалу воздавалы.
Пошлы, Боже, лита многи цему господарю. (сл. Кя).

А.

Нова рада стала, якъ на неби хмара,
(котора на неби не бывала)
Надъ артепомъ звизда ясна весь свитъ осіяла,
Де Хрыстосъ родывся, изъ Дивы оплотывся,
(Чоловикъ передъ Богомъ пеленамы оповывся),
Пастушки-хлопьятки тамъ паслы ягнятки
На колиньця прыпадалы, Хрыста Бога звысылялы,
Дай въ гуслы гралы, на вси струны ударялы,
Хрыста Бога восхвалялы:
Хвала Тоби, Боже, и ты, Вышній царю,
Пошлы многая лита сему, тому господарю,
(Пошлы лито счаслыве сему господарю)
Ны ему самому—изъ жинкою ёго,
И зъ маленькимы диточками ёго.
(Сл. Б, Сва, Пъ).

Б.

Надъ вертепомъ звизда ясна весь свитъ осіяла,
Весь свитъ осіяла, намъ радость сказала:
Де Христосъ родывся, съ Дивы воплотывся,
Де Владыко пеленами самъ Богъ оповывся.
Передъ тымъ Дитяткомъ пастухи зъ ягняткомъ
На колина прыпадають, царя сохваляють:
Просымъ Тебе, Царю, небесъ Государю,
Пошлы лито счаслыве сему господарю. (сл. А.) (Ср. Чуб. т. 3, стр. 330, № 59).

27.

Ой выды Богъ, выдыть,
Де мыръ погибаеть,
Архангилы Гаврыилы
Благовистять на зори:
Ны заходыть сонце ясно
Безъ дивыци частой.
Вдругъ звизда ясно осіяла,
Трои царивъ оказала.
Туда йшло трои цари,
Ныслы Хрысту Богу дары.
Туда йшовъ—засмутывся,
Видтиль йде—звысылывся,
Що намъ Хрыстосъ народывся.
У крыменьничка ступалы,
На колинычка впадалы,
Хрыста Бога видшукалы.
Заривь Иродъ та въ догаду
Къ люцепыру на пораду.
Ой ны бильше, ой ны меньше
Малыхъ дитокъ якъ двухлитокъ выбивать.
Вы ны плачьты, вы ирахрины,
Будуть въ раи ваши сыны,
Ой у раи у крымыни,
Ой на гори Авраами.
Добрый вечеръ! (Пря).

А.

Ой выдитъ Богъ, выдитъ Творецъ,
Яко мыръ погибае,

Архангела Гавріила въ Назаретъ
посылае
Благовистити въ Назарети,
Стала слава у вертепи.
Отъ Ирцыза трои царивъ шлы
Ко Хрысту Государу дары неслы.
Иродъ засмутывся, шо къ намъ
Христосъ народывся
Одъ пречистои Дивы голубыни..
Вы, безбожни фараоны,
Слугъ своихъ засылаете,
Малыхъ дитокъ убиваете,
У двухъ литахъ и нижащихъ,
А ще къ тому младшихъ. (сл. Сва).
(ср. Чуб. т. 3, стр. 358, № 87).

28.

Прыдвишній полытивъ, родывся,
Ходящимъ по зимли просвитывся.
Новыи лита наставають,
Новый царь царя прыблагаеть:
Родылася хранына:
Высылыся Хрыстова дружина!
Йа Иродъ избурза засмутывся,
Що Хрыстосъ зъ Дивы народывся.
Сталы Его пытаты,
По всихъ земляхъ шукаты
Для зрады.
Йа звизда понудыла царя,
Звиздонька на землю создана.
Создавъ Господь звиздарей.
Еже мудрыхъ пастырей.
Янголи съ пастырямы прыходять,
Цареви подарки прыносять,
Прыдъ ногамы впадають,
Подаркамы здаряють,
Суса новорожденого,
У яслахъ восположеного.
Хто въ яслахъ возлыжить,
Той до вику весь свитъ воздер-
жить.
Отъ вику старшимъ пыруваты,
Создатыля сповываты,
Создатыля нашого
Знаимъ пана вашого
Сусъ свободъ муки свободывъ
Й насъ на зымли воскормывъ,
Й викъ дарувавъ. (сл. Пря).

А.

Заразъ лито проходе, а нове на-
ступае,
Царь царя якъ не ублагае,
Шо Предвичный народывся,
А богатый засмутывся:
Нашъ Христосъ по лѣтѣ родывся,
А Иродъ засмутывся,
Повеливъ Его шукаты
По всихъ земляхъ пытаты
Для зрады,—
Знайты Бога нашого,
Судытеля своего.
Шо звизда Создателя напутыла,
Бижуче въ вертепъ заступыла.
Ангелы съ пастырями приходять,
Исусу Христу подарки приносять,
Сребромъ златомъ воздають,
При ногахъ Его кладуть
У Исуса Христа. (г. К.)
(ср. Чуб. т. 3, стр. 370, № 95)

29.

Не плачь, не плачь, Гаврилея!
— Ой какъ же мнѣ не плакать?
Печальная наша мати
Пошла въ поле рыдати,
Суса Христа звеселяти.
А Сусъ Христосъ звеселился,

На какой день народился.
На небѣ зори ясны
Весь свѣтъ осіяли.
У Суса малыя дѣти—ангелята
Растворили царскія врата (сл. Тя).

30.

Йшла Марія лугомъ берегомъ—
(Шла Марія изъ монастыря).
Алылуя, алылуя! лугомъ берегомъ.
Зострила Марія трои жидовья
(Зустрила Вона трое жидовьятъ)
Алылуя, алылуя! трои жидовья.
Ой чи вы, жиды, Христа мучилы?
Алылуя, алылуя! Хрыста мучилы—
Ой ны мы, жидовья, Хрыста мучилы—
Мучилы жидовья— наши дидовья—
Алылуя, алылуя! наши дидовья.
Ой наши дидовья—старе предковья—
Алылуя, алылуя!—старе предковья.
Ой пишла Марія та на круту гору—
Алылуя, алылуя!—та на круту гору.
Ой тамъ на гори кряжи кряжують—
Алылуя, алылуя!--кряжи кряжують.
Кряжи кряжують, церкву будують.
Алылуя, алылуя! церкву будують.
(Будовалы церквы съ трема викнами,
Съ трема дверями, съ трема главами)
А въ тій церковци тры гробы стоять—
Алылуя, алылуя! тры гробы стоять.
Ой первый же гробъ—Сусъ Хрыстосъ—
Алылуя, алылуя! Сусъ Хрыстосъ,
Ой другый же гробъ—Йванъ Хрыстытыль—
Алылуя, алылуя! Йванъ Хрыстытыль,
А третій же гробъ—Дива Марія—
Алылуя, алылуя!—Дива Марія (сл. Пря).
Надъ Исусомъ Хрыстомъ свичи палають,
Надъ Иваномъ Хрыстытылемъ книги читають
Надъ Дивою Маріею рожа процвита.
А съ тыи рожи та вылытивъ птахъ,
Та й полытивъ птахъ по пидь небеса;
Уси небеса растворылыся,
Та уси святи поклонылыся.
Не есть же це птахъ, це есть Сынъ Божій,
Що Винъ на весь свитъ людей намножывъ—
Алылуя, алылуя! людей намножывъ. (сл. А, Б, Кя, Пп, Пъ, Ти, Тя, Сва)

***

А наши дѣды на крестъ роспиналы—
Алылуя, алылуя! на крестъ роспиналы,

«Ны плачь, Божья Маты, твій
Сынъ воскресъ!»
— Колы мій Сынъ воскресъ,—
воскресне ця рыбка!
На тарильци рыбка стрыпыхнулася,
Божья Маты возжахнулася. (сл. Кя)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 366, № 90)

32.

Ой на гори та на осіянскій.
Тамъ стояла церковъ суборна,
А въ тій церкви Сусъ Хрыстосъ
лыжыть,
А въ головахъ свичи горять,
А по бокахъ янголы стоять,
Та поють писню хырувымську, бо-
гословську.
Ой вы, люды, вы старіи!
Ны лайте жъ вы своихъ ди-
токъ,
Ны называйты жидовьятамы:
Жиды въ Бога проклятіи,
Вопы Суса Хрыста замучилы;
На крестъ Его роспыналы,
Руци й нози прыбывалы,
Тырновый винець накладалы.
Прыйшла къ Нему Дива Марія
Божая Маты стала пытаты:
«Чи на вики, Сынку, умыраешъ?
«За кого ты, Сынку, страсть прый-
маешъ?»
— Прыймаю, Маты, муки й раны
— За вси православны хрыстіяны.
(сл. Кбя)
Летила курка та зъ переулка
Та въ бабынъ макъ. Дай, бабо,
пьятакъ!
Якъ не дасы пьятака, зарижу мо-
лодого быка—
Быка третяка, а свынку—за золоту
щетынку
Поведу до бабы въ макъ, поисть
свинка макъ,
А баби буде на помыны пьятакъ.
А дасть баба пьятакъ, куплю баби
быкъ—третякъ,
А пе дасть пьятакъ,--издохне быкъ
третякъ. (сл. Кбя).
Бигла телыця та й зъ березныця,
А въ бабы макъ. Дай, бабо, пьятакъ!
Якъ не дасы пьятака, возьму быка
третяка,
А кобылу за чубрыну та й поведу
на могылу,
А зъ могылы на тичокъ, куплю
соби пирижокъ,
А въ бабы выпросю соби рижокъ.
(сл. Кбя)

Отъ навечерія Рождества Христова до Богоявленія всѣ вечера называются святыми, а потому, по словамъ старухъ, въ теченіе этого періода работать по вечерамъ грѣшно, позволяется лишь «драть перья» для подушекъ (отдирать отъ стволика пера бородки) и мять прядиво. Впрочемъ, въ послѣднее время большинство крестьянокъ считаетъ святыми вечера до Новаго только года, а отъ Новаго года начинають и мычки мыкать и даже прясть.

6. Декабря 31-е.

Св. Меланіи. На «Меланки» пекутъ кныши, пироги и варятъ вареники съ творогомъ, которыми преимущественно и одѣляютъ «щедровальниковъ». Нѣкоторыя изъ придерживающихся старины хозяекъ рѣжутъ на этотъ день къ обѣду непремѣнно черную курицу, «щобъ куры гарно неслысь та плодылысь». (сл. Св.-Л.).

Вечеръ подъ Новый годъ называется «щедрый вечеръ». Съ наступленіемъ сумерекъ гурьбы дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ ходятъ по слободѣ и, подходя къ окну каждаго дома, кричать: «Дай, Боже, вечеръ добрый! чи защыдруваты, вамъ?» И, получивъ согласіе, поютъ какую-нибудь изъ щедровокъ, за что хозяева даютъ имъ вареники, пирожки, блины, кныши, сало или другихъ съѣстныхъ припасовъ.

У зажиточныхъ крестьянъ пекутъ подъ Новый годъ много кнышей и раскладываютъ ихъ вокругъ на столѣ, а по серединѣ стола кладется самый большій кнышъ съ грудочкою на немъ соли: богатый, молъ, вечеръ, а потому и хлѣба должно быть богато. (сл. Кбя)

Щедривки.

1.

Миланка ходила, Василька просила:
Василечку, нашъ татку, пусти насъ у хатку!
Мы жита не жали—золотый крестъ держали.
Золоту кадильницу, серебряну накрыльницу.
Кадитеся, люди: ось къ вамъ Христосъ буде.
Богу свѣчу ставыте, а намъ пирогъ дайте!
Не дасте пирога,—возьму козу за рога,
Поведу въ кабочокъ, пропью за пятачокъ. (г. К.).

А.

Мыланкы ходылы, васылькы носылы.
Васильку, мій батьку, пусты мыне въ хатку!
Я жыта ны жала—чесный хрестъ держала,
Золоту кадильныцю, стрибну накрыльныцю.
Радуйтеся, люды, до васъ Хрыстосъ буде.
Богу свичу ставты, а намъ пиригъ дайты!

Потомъ кричатъ въ окно: «выноситъ недохидъ довгій! безъ ручокъ, безъ нижокъ, шобъ ны втикъ у снижокъ! (сл. Пбя, Кбя, Сва, Пт., Св-Л.)

В.

Васылева маты ны йшла щедру-
ваты:
Въ престола стояла, честный крестъ
держала и т. д. (г. К.).
(Ср. Чуб. т-3, стр. 445, № 9).

2.

Мыланія риздванія, Мыланія пры-
багата
Дала на церкву стрибла, злата;
Вона дала, накладала,
Нищихъ, убогихъ надиляла,
Церквамъ верхы побиляла.
Щедрый вечыръ!
Панъ—господарь, завыртай Хрыста!
Й ты, царю, до сёго дому чоло-
вика,
Прыбавъ, Боже, ёму вика!
Его жыни, диткамъ маленькимъ
Й братикамъ й сыстрыцямъ.
Щедрый вечыръ!
Панъ-господарь, завыртай Хрыста!
Й ты, царю, бережи, Боже, цёго
товару,
Цёго, того малого стадку!
А намъ дайты за щыдривку
Або калачъ, або пиригъ.
А за той калачъ заплаты багачъ,
А за той пиригъ заплаты самъ
Бигъ (сл. Пря).

3.

Пиду я крутымъ бырыжкомъ,
Тыхымъ Дунаечкомъ,—
Пиду я!
Найду я тее древо зыленое,
Шо на Дунай плыве,—
Найду я!
На що жъ мини тее древо зы-
леное,
Шо на Дунай плыве?
Луче мини мій батынько въ дому—
Порадонька усюму,—
Луче жъ мини!
Пиду я крутымъ бырыжкомъ,
Тыхымъ Дунаечкомъ—
Пиду я!
Найду я тее древо зыленое,
Шо на Дунай плыве,—
Найду я!
На що жъ мини тее древо зы-
леное,
Шо на Дунай плыве?
Луче мини моя матинка въ дому—
Порадонько усюму,—
Луче жъ мини! (сл. Пря).

4.

А въ Юрусалыми рано зазвонылы,
Рано зазвонылы, людей побудылы:
Уставайте, люды, до васъ Хри-
стосъ буде,
Богу свичу ставте, а намъ пиригъ
дайте (г. К.).
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 480, № 62).

5.

Пане-господарю, Богъ тебе клыче:
Застылай столы, клады калачи,—
Боже нашъ, возрадуются вси свя-
тыи—на небесахъ [1].
Буде до тебе тры гостя разомъ:
Первый гость—святе Рожество,

[1]) Этотъ припѣвъ поется послѣ каждаго стиха.

А второй гость—святый Василій,
А третій гость—Иванъ Креститель.
Святе Рожество радость принесло,
Святый Василій—съ Новымъ годомъ,
Иванъ Креститель, шо воду святе—
И съ василичкомъ, и съ кропиличкомъ (г. К.)

А.

Пане—господарю, Богъ тебе кличе:
Обмитай дворы, застылай столы,—
Буде до тебы тры гости разомъ:
А первый гость—святе Рожыство,
А другый гость—святе Василья,
А третій гость—Иванъ Хрыстытыль—
Иванъ Хрыстытыль воду охресты (сл. Пря).
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 453, № 19)

6.

Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!
Добрымъ людямъ на здоровье! [1])
Чи дома, дома панъ—господарь?
(Ой чи дома, дома гырявый Хома?)
А я знаю, що винъ дома,
Сыдыть же винъ въ кинець стола.
А на ёму шуба люба,
А на шуби поясочокъ,
А на поясочку калыточка,
А въ тій калытоци симъ шиляжечкивъ.
Сёму тому по шиляжечку,
А намъ, братци, по пирижечку.
(А намъ малымъ диткамъ, по пирижечку,
А старымъ бабамъ паляныци,
Шобъ плодылысь быки и тылыци,
Бараны и ягныци.
Скильки кочечокъ, стильки дочечокъ;
Скильки дубочкивъ, стильки сыночкивъ. (сл. Арб.).

Припѣвъ: «щедрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на здоровье» поется въ Купянскѣ послѣ каждаго стиха, а въ слободахъ Кабанья, Тополи, Петропавловка и Колодежная послѣ каждыхъ двухъ стиховъ. Затѣмъ пѣніе оканчиваютъ скороговоркою:

Дай, Боже, вечеръ добрый!
Дайте пиригъ довгый,
А хочь коротенькый,
Такъ мачку повненькый,
Безъ ручокъ, безъ нижокъ,
Шобъ не побигъ у снижокъ.
(Ср. Чуб. Т. 3, стр. 455, № 21.)

7.

А въ нашого пана Максыма стояла быреза,—
Щедрый вечеръ! Добрый вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровье! [1])
Стояла быреза ны тонка, высока;
А на тій бырези золота кора.
Де-жъ ны взялыся разныя пташки,
Общекотурылы на тій березі золотую кору.
Та понеслы до коваленка:
«Ковалыку—братыку, скуй намъ виночекъ,
«А зъ остатку—золотую чарку.

[1]) Повторяется послѣ каждаго стиха.

«Я тымъ виночкомъ буду винчатыся,
«Я буду тыю чаркою частуватыся.
(г. К.)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 471, № 40).

8.

Щедрый вечеръ! Добрый вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровье! [1])
Вылытивъ сокилъ зъ вырія на двиръ,
Та й сивъ сокилъ на виконычко,
Та й дывитця въ нову свитлоньку:
Ище свитлонька неметеная,
Въ Маши кисонька нечесаная.
Вона на батенька розгнивалася:
Краялы суквю та й покоротылы,
Чобитки шила та й помалылы,
Панчошки плелы та й поузылы,
Кисоньку плелы та й не вгодылы.
(г. К.)

А.

Прилитивъ сокилъ изъ Кіева та на двиръ,
Та й сивъ пидъ окошечкомъ,
Поглядае та на свитлоньку.
Ой чомъ свитлонька та не метена,
Ой чомъ Сашенька та не чесана?
Не чесалась, не умывалась,
Розсердилась та на батеньку,
Та на батеньку, та на матинку:
Башмачки шили—помалили,
Платья шили—покоротили,
Шубку шили—поузили;
Меньшей сестрѣ угодили:
Обризочки та на квиточки.

[1]) Повторяется послѣ каждаго стиха.

Бувай здорова, Сашенька, со всѣмъ родомъ! (г. К).

Б.

Вылытивъ соколъ та сподъ небесъ и т д. (хут. Н. С).

9.

Ой рано, рано куры запилы,
А ще ранійше Василько уставъ
Та лучкомъ забряжчавъ,
Стрилкою зазвонывъ,
Братцивъ побудывъ:
Вставайте, братци, та кони сидлайте,
Бо назнавъ я, братци, куну въ дерыви
И дивку въ терыми;
Ныхай вамъ, братци, куна въ дерыви,
А мини, молодому, дивка въ терыми (г. К.)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 439, № 1)

10.

Щедрикъ—петрыкъ, дайты вареныкъ,
Грудочку кашки, кильце ковбаски,
Йще того тришки, дайты горщокъ лымишки;
Йще того мало: дайты кусокъ сала;
Дайты кышку—изнимъ у затышку;
Дайты ковбасу—я додому понысу.
(сл. Пря, Куз, Кя).

А.

Щедрикъ—ведрикъ, дайте варепикъ,
Ложку кашки, кильце колбаски,

Пиригъ безъ рукъ, безъ нигъ,
щобъ не втикъ у снигъ;
Або съ руками, съ ногами, щобъ
бигъ за нами.
Не дасте пирога, озьму вола за
рога.
Поведу въ кабачокъ—пропью за
пятачокъ (г. К.)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 477, № 55).

11.

Бигла тылычка та зъ бырезнычка,
Та въ дядинъ двиръ.
Я тоби, дядю, защедрую, дай пи-
ригъ!
Якъ ны дасы пирога,—возьму вола
за рога,
А кобылу за чубрыну, та вывыду
на торжокъ,
Та й продамъ за шажокъ, та й
куплю пирожокъ (сл. Пря).
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 479, № 59).

12.

Лытила курка
Та съ пырывулка,
Та въ бабинъ макъ.
Я тоби, баба, защедрую,
Дай пятакъ! (г. К, сл. Дв, Пря, Пп.)

13.

Сюды гора, туды ызъ,—
Добрыйвечеръ! Дайты кнышъ! (сл.
Пря)
Ой на ричци на Йордани
Тамъ Пречиста рызы прала,—
Щедрый вечеръ (добрый вечеръ)-
добрымъ людямъ на здоровья!
Вона прала, вымахала,
А поправши повисила на калыни,
на ялыни,—
Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровья!
Де взялыся (прылытилы) янголята,
Взялы рызы на крылята,—
Щедрый....
Та й понеслы попидъ небеса,—
Щедрый....
Вси небеса растворылыся,—
Вси святи поклонылыся,—
Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровья!
(г. К, сл. Дв, Куз, Св. Л, Топ.).

А.

Ой на рицы на Ярдани—
(Ой на ричци та й на Ордани)
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
добрымъ людямъ на зоровья (на
весь вечеръ!) [1])
Тамъ Прычиста рызы прала,—
А поправши, полоскала,—
А пополоскавши, повишала
На калыни, на ялыни и п.. д.

Ой сивъ Хрыстосъ та вечеряты,—
Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровье [2])
Та прыйшла къ Ёму та Божая Матерь:
Ой дай, Сынку, золотіи ключи—
Одимкнуты рай и пекло,—
Та выпустыты гришніи души.

[1]) Припѣвъ поется послѣ каждаго стиха. (Сл. Ар, Сво, Пря, Кбя, Тя, Та, хут. Н. С. М.) Ср. Чуб. Т. 3, стр. 442, № 7).

[2]) Повторяется послѣ каждаго стиха. Одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Купянскомъ уѣздѣ щедривокъ. (Ср. Чуб. Т 3, стр 481, № 63).

А одну душу та не выпустыты,—
Що отцу й неньци прогрубыла,—
Ныдилыньку проснидала,—
А въ пьятинку проспивала,—
А въ серыду косу чысала,—
А въ вылыкый пистъ проплясала.

А.

Ой сивъ Хрыстосъ вечеряты,—
Пришла къ Ему Божа Маты:
Ой дай, Сынку, золоти ключи,—
Изъ пекла въ рай праведни души выпустыты,—
А едніи души та не выпустю,
Бо та душа силно согрѣшила:
А въ недилю рано поснидала,—
А въ пьятныцю рано проспивала,—
А ётця й неньку та налаяла,—
Нэ такъ налаяла, якъ подумала.

Б.

Выпустыты праведни души,—
А гришни ны выпускаты:
Перва душа согришила:
Въ пятынку рано проспивала;
Друга душа согришила:
Въ ныдилю рано поснидала;
Третя душа согришила:
Въ серыду косу чесала (хут. Н.-С).

В.

Адну душу да не выпушшу:
А въ пятенку рано ѣла,
А въ субботу до всходъ солнца,
Въ воскресенья да званенья. (сл. Тя).
Мосты золотіи,—
Господы, помылуй!
Туды пшло та тры черныченькы.
Господы, помылуй!
«Де вы булы, Божіи трудовныци?»
Господы, помылуй!
— Булы и бувалы въ Юрусалымы.
Господы, помылуй!
«Шожъ вы выдалы, Божіи трудовныци?»
Господы, помылуй!
— А мы выдалы, якъ душа съ тиломъ розставалася,—
Господы, помылуй!
Розставалася та й и не прощалася:
Господы, помылуй!
Оце тобы, тило, що ты рано йла;
Господы, помылуй!
Оце тоби, главо, що ты много знало;
Господы, помылуй!
А тоби, душе, чомъ ты не терпила.
Господы, помылуй!
Оце тоби, тило, въ земли приты;
Господы, помылуй!
Оце тоби, главо, въ огни горити;
Господы, помылуй!
А тоби, душе, въ смоли кипиты,—
Господы, помылуй!
Въ смоли кипиты: викъ муку терпиты.
Господы, помылуй! Господы, помылуй! Господы, помылуй!
(сл. Св-Л.).

Наканунѣ Нового года деревенская молодежь «парубки и дивчата», почти повсемѣстно гадаетъ:

1. Берутъ пирогъ, выходятъ съ нимъ за ворота и слушаютъ, въ какой сторонѣ залаютъ собаки, въ ту сторону выходить дѣвкѣ замужъ, а парню въ той сторонѣ брать жену.

2. Вышедши за ворота, замѣчаютъ, какое изъ домашнихъ животныхъ первое попадется на глаза и по немъ заключаютъ о своей будущей семейной жизни. Если увидятъ, напр., собаку, то семейная жизнь будетъ незавидна и бѣдна,—будетъ житье собачье, а если попадется овца—жизнь будетъ тихая и безбѣдная.

3. Ходятъ слушать подъ окна и по услышаннымъ словамъ судятъ о томъ, что ожидаетъ ихъ въ наступающемъ году.

4. Спрашиваютъ у прохожихъ имя,-такое имя будетъ имѣть и мужъ или жена.

5. Бросаютъ черезъ ворота, плетень или черезъ голову спятый съ ноги сапогъ или башмакъ, и куда онъ упадетъ носкомъ, въ ту сторону дѣвкѣ идти замужъ, а парню тамъ брать себѣ жену.

6. Считаютъ полѣнья принесенныхъ въ хату дровъ, если ихъ окажется четное число,—предстоитъ свадьба.

7. Зажмуривъ глаза, берутъ изъ кучи дровъ одно полѣно,-если окажется въ корѣ, прямое гладкое и безъ сучьевъ, то суженый со всѣми достоинствами: и богатъ, и красивъ, и добръ, полѣно безъ коры предзнаменуетъ бѣдняка.

8. Также гадаютъ и по кольямъ плетня. Если попадется колъ высокій и въ корѣ, то и мужъ будетъ высокаго роста и богатъ, и т. п.

9. Или считаютъ колья плетня, причемъ, хватаясь за каждый, говорятъ: чи за удивця, чи за молодця. Что придется на крайній колъ: удивця или молодця, таковъ будетъ и суженый.

10. Выдергиваютъ изъ крыши соломинку. Если окажется съ колоскомъ, а особливо если въ колосѣ найдется зерно,—жизнь предстоитъ богатая.

11. Насыпаютъ подъ воротами три кучки зеренъ жита (ржи). Если на утро жито будетъ цѣлое, ожидаетъ счастливая жизнь, въ противномъ случаѣ, когда кучки потревожены или уничтожены, не жди ничего добраго.

12. Беретъ дѣвушка въ передникъ жита и идетъ на то мѣсто, куда выбрасываютъ соръ изъ хаты, и тамъ начинаетъ посыпать житомъ, приговаривая: «съ кымъ мени це жито жаты, съ тымъ мени и вику доживаты.» Суженый долженъ въ эту ночь присниться.

13. Насыпаютъ въ хатѣ на полу кучки зерна, тамъ же ставятъ въ покрышкахъ воду, приносятъ изъ курятника пѣтуха и куръ и смотрятъ, чья курица или чей пѣтухъ что начнетъ дѣлать: ѣсть-ли, пить-ли, пѣть-ли, драться съ другими или же прятаться, по этому и заключаютъ о своемъ суженомъ или своей суженой.

14. Кладутъ подъ головную подушку гребешокъ и, когда ложатся спать, говорятъ: «сужыный—ряжыный, розчыши мини голову!»

15. Дѣлаютъ на тарелкѣ съ водою изъ прутьевъ вѣника мостикъ, ставятъ этотъ мостикъ подъ кровать и, когда ложатся спать, приглашаютъ суженаго-ряженаго явиться и перевести черезъ мостъ.

16. Ложась спать, кладутъ въ одинъ сапогъ или башмакъ кусочекъ хлѣба, а въ другой—кусочекъ кирпича отъ печки. Утромъ, при обуваніи, если возьмется прежде сапогъ съ хлѣбомъ, то наступившій годъ будетъ благополучный, проживется счастливо, а если попадется сапогъ съ «печиною», то годъ будетъ несчастливый даже роковой.

Гадаютъ также и о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, урожайный или неурожайный, дождливый или сухой.

Кладутъ въ одинъ изъ сапоговъ хозяина кусочекъ хлѣба, въ другой—уголь, и заставляютъ кого нибудь изъ дѣтей взять и подать одинъ изъ этихъ сапоговъ хозяину. Сапогъ съ хлѣбомъ предзнаменуетъ урожай, сапогъ съ углемъ—голодъ.

Насыпаютъ на тарелку зеренъ разныхъ хлѣбныхъ растеній, отдѣльно кучками, или втыкаютъ въ хлѣбъ колоски разныхъ хлѣбовъ: ржи, пшеницы, ячменя, овса, и выносятъ изъ хаты на ночь на дворъ. Роса на какомъ-либо хлѣбѣ, или колоскѣ, найденная утромъ предвѣщаетъ урожай этого хлѣба; если же всѣ кучки зеренъ, или всѣ колоски, окажутся сухими,—ожидай сухого и неурожайнаго года.

Очищаютъ 12-ть луковицъ (цибули) отъ верхнихъ чешуекъ, насыпаютъ на каждую луковицу по кучкѣ соли и кладутъ ихъ на ночь на печь. Смотря по тому, на какой луковицѣ за ночь соль смокрѣетъ, такой по счету мѣсяцъ будетъ дождливый.

Существуетъ повѣрье, что въ ночь подъ Новый годъ (по другимъ—подъ Рождество) рогатый скотъ получаетъ даръ слова и между собою разговариваетъ, но только разговоровъ этихъ не должно подслушивать. Вздумалось одному крестьянину подслушать, что говорятъ его волы ночью накапунѣ Нового года. Подошелъ онъ къ загородѣ гдѣ стояли у него волы, и слышитъ: «ложись-ка, братуха, отдохнемъ», говоритъ одинъ волъ другому.—Чего ложиться?! завтра праздникъ: успѣемъ за день отлежаться, возражаетъ ему другой. «Нѣтъ, братуха, не успѣемъ: завтра предстоитъ намъ тяжелая работа, придется везти своего хозяина на кладбище, такъ какъ онъ къ утру умретъ!»

Подслушивавшій ихъ разговоръ дѣйствительно къ утру померъ, а къ вечеру отвезенъ былъ въ кладбищенсую церковь. (сл. Св—Л).

5. Январь 1-е.

Новый годъ. Св. Василія. На Новый годъ, послѣ утрени, мальчики—посыпальники ходятъ изъ дома въ домъ посыпать хлѣбными зернами и горохомъ хозяевъ и поздравлять ихъ съ Новымъ годомъ, съ пожеланіемъ счастья, здоровья и урожая. Въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ церкви, крестьяне на Новый годъ будятъ своихъ сыновей «хлопцивъ» чуть свѣтъ и при этомъ говорятъ обыкновенно: «Вставай, сыну! годи тоби спаты: уже пора посыпаты». Сынъ встаетъ, одѣнется, прибирется какъ слѣдуетъ, возьметъ заранѣе приготовленную имъ самимъ для этого случая вывязанную рукавицу, наполнитъ ее зерномъ пшеницы, ржи, ячменя и гороха и станетъ противъ иконъ. Тогда отецъ говоритъ ему: «посыпай, моя дытыно, упередъ дома, а тоди пидышъ до людей посыпаты и поздравляты зъ Новымъ годомъ та зъ новымъ щастямъ!» Мальчикъ правою рукою изъ рукавицы зерна, бросаетъ ихъ на иконы и во всѣ стороны, приговаривая: «На щастя! на здоровья! Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю! Будты здоровы зъ Новымъ годомъ та зъ Васыльемъ!» —Ну, спасиби тоби, сыну, за то, шо ты насъ обсыпавъ щастямъ; на жъ тоби грошъ, та будь скризь харошъ! говоритъ отецъ, подавая сыну мѣдную монету. Послѣ этого мальчикъ отправляется посыпать по чужимъ хатамъ, начиная съ крайнихъ хатъ села и, присоединяяся къ другимъ посыпальщикамъ, обходитъ вмѣстѣ съ ними все село, заходя почти въ каждую хату.

Первыхъ посыпальниковъ обязательно принимаютъ, а послѣдующимъ нерѣдко и отказываютъ, не впускаютъ въ хату, потому что каждому посыпальнику нужно что-нибудь дать: копѣйку, пряникъ, пирогъ или хотя пампушку, а какъ въ большой слободѣ являтся не одинъ десятокъ мальчиковъ съ поздравленіемъ, то, въ виду значительнаго расхода на благодарность за посыпаніе, предъ ними просто запираютъ дверь. Перваго посыпальника хозяйка сажаетъ на хатнемъ порогѣ и раззуваетъ, чтобы у нея куры лучше плодились, чтобы было больше квочекъ (насѣдокъ), а хозяинъ въ это время беретъ кочергу и начинаетъ сгонять ею съ горища (чердака) куръ, чтобы онѣ начинали скорѣе нестись (сл. Н-Н).

Въ Купянскомъ уѣздѣ «посыпальницъ» извѣстно весьма мало и содержаніе всѣхъ ихъ исчерпывается одною господствующею въ жизни земледѣльца мыслью: тревожной думою о будущемъ урожаѣ хлѣба. Въ нихъ сообщается хозяину радостная увѣренность въ осуществленіе его надежды на урожай, указаніемъ на участіе святыхъ и даже самого Бога въ посѣвѣ хлѣбовъ, и рисуется свѣтлая картина предстоящаго изобилія.

---

6. Посыпальницы (Посыпалки).

1.

Сѣю, вѣю, повѣваю,
Съ Новымъ годомъ поздравляю.
На счастье, на здоровье,
Та на Новый годъ!
Роди, Боже, жито, пшеницу
И всяку пашеницу! (г. К).

2.

Сѣйте, сѣйте на новое лѣто!
Зароди, Боже, жито, пшеницу
И всякую пашеницу!
Въ полѣ ядромъ,
А въ дворѣ добромъ;
Въ полѣ копами,
На гумнѣ стогами,
Въ клѣти коробами,
Въ печи пирогами,
А на столѣ хлѣбами.
А вы, пане, знайте,
По пятачку дайте. (г. К).

3.

На щастя, на здоровья
Та на Новый годъ!
Роды, Боже, жито, пшеныцю
И всяку пашныцю!
А въ поли, поли самъ плужокъ ходе,
А за тымъ плужкомъ самъ Господь ходе,
Святый Петро погоняе.
Богородыця йсты носыла,
Исты носыла, Бога просыла:
— Зароды, Боже, жито, пшеныцю,
Жито, пшеныцю всяку пашныцю!
Будьты здорови, зъ Новымъ Годомъ, зъ Васыльями! (г. К, сл. Пря, Куз, Ар).

А.

А въ поли, въ поли самъ Богъ ходе,
Маты Божа обидать носе,
Обидать носе, та Бога просе:
Роды, Боже, людямъ добрымъ,
Жито та пшеныцю
И всяку пашиныцю!
А Богъ молве:
Людямъ добрымъ усе буде:
Я пошлю й жито, й пшеныцю,
И всяку пашеныцю.
Я оцымъ посыпальныцю кончаю,
А васъ съ Новымъ Годомъ поздравляю (г. К).

Б.

А въ поли, въ поли самъ Богъ ходе,
Маты Его Марія йсты носе.
Дай намъ, Боже, смирно пожить,
Смирно пожить, сладко пойсть! (г. К).

В.

А въ поли, поли самъ Господь ходывъ,
А за Нымъ Божа Мате ходыла,
Богови йсты посыла и Бога просыла:
Зароды намъ, Боже, жито й пшеныцю
И всяку пашныцю!
Сюды махну, туды махну,

Такъ святый Илья жито сіявъ.
Дождыкъ пшовъ: жито росло,—
А въ поли ядро, а дома добро.
(с. Кбя). (ср. Чуб. Т. 3, стр. 451, № 15).

4.

Ходыть Илья на Васылья (на весилья),
Носыть пугу житяную;
Куды ны махнеть,—
Тамъ жито ростеть:
Жито й пшеныця,
Й всяка пашныця.
(Й сюды махне — жыто росте,
Й туды махне — пшыныця росте Пря).
А въ поли ядро,
А въ доми добро;
На огороди стоги,
Въ печи пироги.
Василева маты
На престоли стояла,
Чесный крестъ держала.
А вы, люды, знайте,
Богу свичу дайте,
А намъ, малымъ диткамъ,
По пирижку дайте! (г. К, сл. Ар, Ав, Куз, Пря).

А.

Ходя Илья на Василья,
Нося пугу жительскую.
Туды кивну, туды махну:
Зароди, Божа, жита, пшаницы
На всякаю кашаницу (сл. Тя).

По количеству зеренъ разнаго рода хлѣба, оставшихся послѣ перваго посыпальника на столѣ и по всхожести всѣхъ вообще хлѣбныхъ зеренъ, собранныхъ послѣ посыпальниковъ въ хатѣ, судятъ о предстоящемъ урожаѣ хлѣбовъ. Для этого обращаютъ вниманіе, а не то просто пересчитываютъ число зеренъ каждаго хлѣба отдѣльно, оставшихся на столѣ,—и какого хлѣба окажется больше зеренъ, на тотъ хлѣбъ будетъ въ наступившемъ году лучшій урожай, а поэтому и слѣдуетъ, молъ, сѣять его въ большемъ количествѣ. Иные хозяева, когда дѣти перестануть являться съ посыпаніемъ, собираютъ всѣ разбросанныя по хатѣ зерна и, наполнивъ какую—-нибудь миску пескомъ, садятъ туда собранныя зерна и поливаютъ хорошенько. Вмѣсто миски, другіе сѣютъ въ песокъ, насыпанный на подоконникѣ. Если зерна хорошо прорастутъ,— будетъ урожай, а если плохо,—будетъ недородъ хлѣба. Остальныя хлѣбныя зерна отдаются курамъ, что-бы лучше неслись, а горохъ хранится до весны, когда этимъ горохомъ «и загодовують маненькихъ гусятъ, щобъ скорише рослы и ны глазни булы (Пря)».

Стоя во время заутрени на Новый годъ въ церкви, замѣчаютъ, какъ горятъ въ паникадилѣ свѣчи. Если при этомъ фитиль горящей свѣчи изгибается крючкомъ, то будетъ урожайный годъ, а если сгараетъ прямо,— жди неурожая.

Въ теченіе Рождественскихъ святокъ «смитья» (соръ) изъ хаты не выносится, чтобы не вынести вмѣстѣ съ нимъ и Доли, но собирается въ одно мѣсто къ покути (красному углу).

Рано по утру на Новый годъ выносятъ этотъ соръ въ садъ подъ деревья и зажигаютъ его тамъ, чтобы окурить дымомъ всѣ плодовыя деревья, «щобъ гусеныци не було». Въ это же время обыкновенно пугаютъ старыя безплодныя яблони и груши тѣмъ, что ихъ срубятъ, если онѣ и въ наступившемъ году не принесутъ плодовъ. Продѣлывается при этомъ слѣдующая сцена:» Хто-ныбудь изъ женскаго пола иде въ садъ и сядэ тамъ пидъ яблоню и сыдыть сзаду; а хто-ныбудь изъ мужикивъ бырэ сокыру и йде зъ нею въ садъ, шобъ зрубаты ту яблоню. Прыйдэ мужикъ до яблони и каже: «яблоня, яблоня! я тыбэ зрубаю!» А та жинка, вмисто яблони, и каже: «ны рубай мене, хозяинъ: я тоби одынъ годъ ны вродю, а симъ годъ уродю». Отъ той мужикъ и ны рубае вже тіи яблони, за то, шо вона обищалась уродыты яблоки. Такъ воно и діется, шо яблука одынъ годъ ны вродять, а симъ годъ пидспиль уродятъ. (сл. Н-Н). Въ другихъ слободахъ, пугая дерево, несмотря на его обѣщаніе родить, все же дѣлаютъ на немъ топоромъ три продольныхъ по стволу насѣчки.

Существуетъ у крестьянъ повѣрье, какъ проведешь день Новаго года, что въ теченіе этого дня будешь дѣлать, такъ проведешь и цѣлый годъ и то, что дѣлалъ на Новый годъ, придется часто дѣлать и въ теченіи всего года. По этому богобоязненные старики и старухи говорятъ: пиду до церкви, шобъ Господь пославъ цилый годъ ходыты», а любящіе выпить, «напьюсь сёгодня горилки, шобъ цилый годъ пыты».

На Новый годъ за обѣдомъ не позволяютъ дѣтямъ пить воду, чтобы они лѣтомъ въ дорогѣ или во время полевыхъ работъ не испытывали сильной жажды. Въ старину, когда въ уѣздѣ еще чумаковали, отецъ, сѣвши за столъ обѣдать, бралъ пирогъ и, подавая его сыну, говорилъ: на тебѣ пирогъ, ѣшь да помни! если случится тебѣ зимою сбиться съ дороги во время мятели, то вспомни, съ чѣмъ ты ѣлъ на Новый годъ пирогъ,— и отыщешь дорогу.

Въ другомъ мѣстѣ (см. статью В. Щ. Пища и питье крестьянъ Куп. у). дано уже подробное описаніе состава обѣденнаго стола у малороссовъ К. у, поэтому мы ограничиваемся здѣсь приведеніемъ только разсказа крестьянина—великоросса, жителя слободы Ново-Николаевки, гдѣ населеніе смѣшанное изъ велико—и малороссовъ, объ обѣдѣ на Новый годъ у самого разсказчика·

«Пришли мы: я, жена и дѣти, изъ церкви отъ обѣдни, вошли всѣ въ хату, перекрестились; я обратился къ старику-отцу и къ матери и сказалъ: «поздравляю васъ, батюшка, и васъ матушка, съ Новымъ годомъ и съ новымъ здоровьемъ!» А они мнѣ отвѣчаютъ: «также и тебя, сыночекъ, поздравляемъ съ Новымъ годомъ и дай тебѣ, Господи, и твоей жанѣ и дѣткамъ счастье и таланъ, и доброе здоровье!» Вслѣдъ за мною также поздравили стариковъ жена и дѣти. А отецъ въ это время раздувалъ огонь въ черепкѣ и сыпалъ на огонь ладанъ. Потомъ поставилъ черепокъ на покуть, тогда всѣ, помолившись Богу, сѣли за столъ, каждай на свое мѣсто, а столъ былъ покрытъ чистою скатертью и на немъ находились хлѣбъ, солонка и ножъ. Едва мы усѣлись, какъ отворилась дверь и вошолъ сосѣдскій мальчикъ, а мой крестникъ, и, пройдя къ столу, началъ посыпать къ образамъ рукою зерна ржи, пшеницы и гороха, приговаривая: «на счастье, на здоровье, на Новый годъ! Зроди, Боже, жито, пшеницу и всякую пашницу. Здравствуйте, съ праздникомъ, съ Новымъ годомъ, съ Василичкомъ!» Мы сажали его обѣдать, но онъ несхотѣлъ. Тогда я всталъ далъ ему пятакъ и проводилъ его. Отецъ тѣмъ временемъ нарѣзалъ и разложилъ всѣмъ хлѣба, а жена—разложила ложки и подала на столъ борщъ въ черепяной мискѣ. Борщъ былъ съ кислою капустою и свининой. Отецъ взялъ бутылку съ водкою, налилъ рюмку и поднесъ сначала матери, но она не взяла, а ему отослала. Тогда отецъ перекрестился и сказалъ: «будьте здоровы! Дай, Богъ, чтобы намъ весь годъ водку пить!» и выпилъ одну за другой двѣ рюмки. Потомъ мать, я и всѣ выпили также по двѣ рюмки. Отецъ говоритъ: «на Новый годъ не годится пить по одной, а надо по двѣ для того, чтобъ старые въ парѣ жили, а молодымъ—пара была». Потомъ отецъ взялъ ложку, перекрестился и сказалъ: «Господи, благослови ястіе сіе! а набирая прибавилъ: «ой та густо! и ложкою не повернешь». Это,—щобъ весь годъ густо было. Послѣ борща подали холодецъ, изъ свинины сваренный и застуженный въ деревянной мискѣ, такъ его и подали на столъ, а здѣсь полили сверху бураковымъ квасомъ съ тертымъ хрѣномъ. Всѣ ѣли и прихваливали. Я и говорю сыновьямъ: «вотъ—то—то, дѣтки, нада глядѣть худобку! Вотъ Богъ далъ дождали праздника, анъ есть чѣмъ поскоромиться!» Мать начала разсказывать, какъ въ старину все замѣчали: зарѣжутъ напр., осенью кабана и смотрятъ, если у него коса (поджелудочная железа) отъ головы толще, то зима съ начала будетъ глубокая,—по серединѣ толстая коса,—середина зимы будетъ морозная и снѣжная, къ концу толстая коса и зима къ концу будетъ крѣпкая; если же коса ровная, то и зима будетъ ровная. А то вотъ подъ Новый годъ будетъ хлѣбъ, втыкаютъ въ него

по колоску ржи, пшеницы, ячменя, проса, овса, выносять на дворъ и оставляють тамъ на ночь, а на другой день смотрять, на какомъ изъ колосковъ больше инею, тотъ хлѣбъ нада сѣять. А вотъ мы вчера вечеромъ и забыли это сдѣлать. Въ прошломъ году у насъ упалъ иней на ячмень и на просо, вотъ они и уродили и мы съ кашей, а пшеницу хотя и сѣяли, а она и не уродила, какъ и на колоску пшеницы инея не было. Но отецъ перебилъ: «полно, старуха, то хахлацкія вытійки: прежде жили меньше знали, да хлѣбъ то лучше родилъ. Послѣ холодца подали вареники съ сыромъ, политые масломъ. Отецъ взялъ вареникъ да и говоритъ: «вареники-мученики, сыромъ вамъ бока набивали, масломъ очи заливали, въ чавунѣ кипѣли, за насъ грѣшныхъ муку терпѣли». Поѣли варениковъ, подали блиновъ и тарелку сметаны, а затѣмъ миску молочной лапши; отъ мяса же всѣ отказались: оставили на ужинъ. Во время обѣда отецъ никому не позволялъ пить воду, говорилъ: «коли на Новый годъ за обѣдомъ покрѣпишься, то и весь годъ будешь легко переносить жажду». Пообѣдавши, встали, помолились Богу; отецъ полѣзъ на печь, жена стала прибирать посуду, а мы пошли на улицу».

—На Новый годъ нельзя «ськатьця, щобъ куры стоговъ ны громадылы; нельзя грызть подсолнечныхъ сѣмянъ, чтобы воробьи не выклёвывали подсолнечниковъ. (сл. Пря).

—Иней на деревьяхъ или выпавшій на Новый годъ снѣгъ предзнаменують урожай.

—Какая сторона неба будетъ на этотъ день покрыта тучами, въ той сторонѣ слѣдуетъ ожидать хорошаго урожая (сл. Гонч.).

7. Январь 5-е.

Голодный святвечеръ (голодна кутя) Канунъ Богоявленія называется «Голодный святвечеръ», такое названіе онъ получилъ оттого, что крестьяне въ этотъ день голодаютъ, то есть ничего не ѣдятъ до освященія воды, что бываетъ къ вечеру.

Постъ въ этотъ день соблюдается до того строго, что, не говоря уже о взрослыхъ, даже дѣти ничего не ѣдятъ до вечера, нѣкоторые крестьянки не кормятъ даже и грудныхъ младенцевъ.

Когда принесутъ освященной воды, хозяинъ дѣлаетъ изъ васильковъ кропило, наливаетъ этой воды въ тарелку и кропитъ ею сначала все въ хатѣ, а потомъ во всѣхъ надворныхъ постройкахъ; при этомъ обыкновенно вмѣстѣ съ хозяиномъ ходитъ кто-нибудь изъ дѣтей, мальчикъ или дѣвочка, и носитъ на тарелкѣ, а то просто подъ мышкой, пирогъ, а въ рукѣ ку-

сокъ мѣлу. Какое мѣсто отецъ покропитъ водою, на томъ мѣстѣ, вслѣдъ за нимъ, сынъ пишетъ мѣломъ крестъ. Кресты пишутся въ хатѣ на дверяхъ, окнахъ, мебели и посудѣ, а во дворѣ на дверяхъ всѣхъ построекъ и на всѣхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Окропляютъ освященной водою рогатый скотъ, овецъ и лошадей, не кропятъ только свиней и куръ.

У однихъ принято при писаніи крестовъ откусывать отъ пирога: мальчикъ напишетъ крестикъ и тотчасъ же откуситъ отъ пирога небольшой кусочекъ и съѣстъ, такъ послѣ каждаго крестика долженъ онъ непремѣнно проглотить хоть одну крошку пирога; у другихъ же только обносятъ пирогъ, а по окончаніи кропленія, съѣдаютъ всей семьей въ началѣ ужина. Меньшинство же сначала ужинаетъ, а затѣмъ, поѣвши кутьи, обходитъ уже съ кропиломъ и мѣломъ дворовыя постройки.

«У насъ, якъ святять воду, то вси бижать зъ глечиками та зъ выдрами браты воды свяченои. А посли водосвьятья нысуть ту воду до дому и налывають у кропыло святои воды и роблять изъ васылькивъ вихоть и тымъ вихтемъ кроплять по всему дому. А тоди отець симейный быре кропыло и иде скрозь по двору, та якъ махне де ныбудь вихтемъ на двери то й хрестыкъ напыше крейдою, а хлопчикъ або дивчина носе слидомъ пирогъ на тарильци та й кусае его потрошку, поки скризь обійдуть и покроплять уси постройки, а также худобу усякого рода. Тоди уся симья начинае обидаты, а обидъ діется довго, богато наварюють стравы. А якъ обидають, то одну ложку лышню кладуть на стилъ и клычуть мороза обидаты, шобъ винъ тіею ложкою ивъ. А якъ клычуть, то кажуть у викно: «морозе, морозе! иды до насъ обидаты, та ны морозь нашои пшыныци и всякои пашныци! «(хут. Егоровка). Въ иныхъ слободахъ мороза кличутъ при концѣ ужина, когда подадутъ кутью. Набравъ въ ложку кутьи, хозяинъ подходитъ къ окну и говоритъ: «морозе, морозе! иды до насъ кути исты, а нейдешь, такъ не приходь и не морозъ жита та пшеныци, проса та гречки, ягнятъ та телятъ, гусенятъ та цыплятъ, а тико йды на жиноцьку цыбулю!».

Послѣ ужина кто нибудь изъ молодежи беретъ макогонъ, выходитъ на дворъ, бьетъ макогономъ въ святой уголъ своей хаты а иногда, сверхъ того, и у сосѣда, и говоритъ: «геть, кутя, съ покутя, а ты озваръ, иды на базарь!» У другихъ выносятъ на дворъ горшокъ отъ кутьи и, сказавъ приведенныя слова, бросаютъ его и разбиваютъ о ворота. У кого есть ружье, тотъ дѣлаетъ въ заключеніе три выстрѣла.

По окончаніи вечери хозяйка кладетъ въ особый горшочекъ по три ложки всякаго кушанья—это для Доли, которую въ этотъ день каждый можетъ увидѣть, стоитъ только выйти за ворота въ то время, когда не-

сутъ отъ церкви освященную воду,—послѣдній несущій воду и будетъ Доля того, кто смотритъ.

Послѣ ужина всѣ кладутъ свои ложки въ миску отъ кутьи, а сверху на нихъ хлѣбъ, чтобы родилъ хлѣбъ. Чья ложка ночью перевор̆отится, тотъ въ текущемъ году умретъ. Оставшуюся отъ ужина кутью, выносятъ курамъ, чтобы птицъ въ дворѣ было столько, сколько было людей около церкви па водосвятіи.

Вода, освященная въ навечеріе Богоявленія, «вечирня вода», считается болѣе святой, чѣмъ крещенская, говорятъ она «зглидлыва на всякое лыхо».

— Если на голодный святвечеръ темно, будетъ хорошій урожай на гречку.

— Если на этотъ день идетъ снѣгъ, жди урожая также гречки: идетъ снѣгъ утромъ, уродитъ ранняя, въ полдень—средняя, вечеромъ—поздняя.

7. Январь 6-е.

Крещеніе (Богоявленіе Господне). Въ полночь подъ крещеніе вода въ рѣкѣ, какъ вѣрятъ крестьяне, волнуется, поэтому нѣкоторые изъ нихъ ходятъ наблюдать это явленіе съ тѣмъ, чтобы, тотчасъ послѣ волненія воды, набрать ее въ сосудъ, какъ весьма цѣлебную воду, имѣющую большое примѣненіе въ хозяйствѣ при разныхъ видахъ заболѣванія людей и скота.

Гдѣ есть рѣка, тамъ къ Крещенію дѣлаютъ изо льда кресты, а также вырубливаютъ на рѣкѣ во льду, до половины толщины его, большой крестъ съ тремя отверстіями до воды. А чтобы вода черезъ эти отверстія не выходила наружу на ледъ, затыкаютъ ихъ небольшими колышками. Расчищенное около вырубленнаго во льду креста мѣсто обставляется ледяными крестами, сосенками, а иногда дѣлается здѣсь изъ льда сооруженіе въ видѣ часовни. Предъ тѣмъ, какъ священнику погружать крестъ въ воду, сказанные колышки вынимаютъ изъ отверстій и вода моментально наполняетъ углубленіе вырубленнаго во льду креста. Колышки, которыми были заткнуты отверстія, беретъ себѣ тотъ крестьянинъ, что дѣлаетъ кресты: это его заработокъ, такъ какъ ихъ у него охотно покупаютъ торговцы, шинкаря и пасичники, чтобы у первыхъ въ лавкахъ и въ шинкахъ также толпился и тѣснился народъ, какъ это обыкновенно бываетъ при освященіе воды на Іордани, а у послѣднихъ, чтобы было столько роевъ, сколько было на рѣкѣ народу.

— Если на Крещенье, когда идутъ на Іордань, пролетятъ впереди хоругвей воробьи, будетъ въ томъ году большая смертность на дѣтей; если грачи—на молодыхъ людей, а если гуси,—то на старыхъ.

— Если въ то время, когда священникъ погрузитъ въ первый разъ крестъ въ воду, заговоритъ человѣкъ,—будетъ моръ на людей, если же въ это время заревѣтъ скотъ,—будетъ падежъ скота.

— Если въ это время идетъ снѣгъ, то будутъ хорошо роиться пчелы, а также колоситься хлѣбъ.

— При погруженіи креста въ воду, всѣ черти выскакиваютъ изъ рѣки и остаются на землѣ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь женщина не придетъ на рѣку мыть бѣлье. Когда грязное бѣлье опустится въ воду, то вмѣстѣ съ нимъ нырнутъ въ воду и всѣ черти, мерзшіе до того на землѣ.

Поэтому благочестивыя старухи не позволяютъ своимъ невѣсткамъ мыть бѣлья въ теченіе недѣли послѣ Крещенія, чтобы выморозить за эти дни побольше чертей, которые пропадаютъ отъ крещенскихъ морозовъ.

— Если на Крещеніе упадетъ на деревья иней, то весною въ соотвѣтствующій день недѣли должно сѣять пшеницу.

— Золу, послѣ Рождественскихъ святокъ остающуюся, нельзя ни въ домѣ, ни во дворѣ хранить: случится пожаръ, а слѣдуетъ выбрасывать въ оврагъ или на рѣку.

— Зимою старики обуваются на печи, «шобъ свыни плодылысь» (сл. Пря).

— Если на Крещеніе день ясный, солнечный, то хлѣбъ будетъ чистый: если же—пасмурный, то въ хлѣбѣ будетъ много зоны.

8. Январь 8е.

Заканчивается празднованіе святокъ. Въ этотъ день знакомыя женщины сходятся вмѣстѣ и гуртомъ отправляются въ шинокъ пить водку. Пьютъ и поютъ разныя пѣсни, выкрикивая при этомъ: «тики прытики, що починки прывылыки», указывая тѣмъ, что наступило время снова браться за пряжу.

9. Февраль 2-е.

Стритынья (Срѣтеніе Господне). На этотъ день малороссы обращаютъ большое вниманіе на погоду, такъ какъ въ этотъ день зима съ лѣтомъ встрѣчаются и борятся: «на цей день зима иде туды, де було лито, а лито иде туды, де була зима, и воны стричаюця и спорять. Колы къ вечеру стане тыплышъ, то значить, лито пырыспорыло зиму, а якъ холоднишъ, то зима».

— Якъ перекоты на Стритенье витеръ во поли соломынку черезъ дорогу, такъ прибырай изъибы: все скотына перейсть, а къ якъ зима

пробуде ще довго и весна буде пизня и холодна: богацько треба корму скотыни (сл. Св-л., Пря, Кбя).

— Если 2-го февраля каплетъ съ крышъ, долго будутъ отъ мороза капать изъ глазъ слезы, а потому готовь для скота хорошій запасъ корма.

— Если на этотъ день пѣтухъ напьется воды передъ крыльцомъ изъ лужи,—жди сильной стужи,

— Ясный и тихій день предзнаменуетъ хорошій урожай и хорошую ройбу пчелъ, вѣтреный—неурожайный годъ.

— Гадаютъ по росѣ на счетъ урожая хлѣбовъ, ставя для этого, какъ и подъ Новый годъ, на ночь тарелку съ хлѣбными зернами на дворѣ.

— «Дуй не дуй», говорятъ при сильномъ вѣтрѣ и морозѣ: «не къ Риздву йде, а къ Великодню».

10. Февраль 11-е.

Св. муч. Власія. Власій считается покровителемъ скота: скотській богъ. Зажиточные крестьяне служатъ ему въ этотъ день по дворамъ молебны, или носятъ икону св. Власія въ загороды, гдѣ стоитъ скотъ, окропляютъ скотъ святою водой и окуриваютъ ладаномъ, чтобы предохранить скотъ отъ болѣзней. Весной предъ выгономъ скота въ поле на пашу служатъ въ нѣкоторыхъ слободахъ молебны не только св. Георгію, но и св. Власію.

— Бабы въ этотъ день ходятъ компаніями въ шинокъ пить водку, «щобъ коровы булы ласковы», а по возвращеніи изъ шинка домой бьютъ своихъ мужей «дныщами», чтобы мужья были ласковы (сл. Пря).

11. Февраль 20-е.

Св. Льва. Если больной въ ночь 20 февраля увидитъ падающую звѣзду, то ему въ текущемъ году непремѣнно умирать (сл. Кбя).

12. Февраль 29-е

Преп. Кассіана. Касьяна считаютъ сердитымъ и немилосерднымъ. «Чого ты Касьяномъ дывыся», говорятъ на сердитаго или нахмурившагося человѣка. О родившемся 29 февраля ребенкѣ, тоже и теленкѣ, говорятъ: «Касьянъ окомъ наглянувъ—не буде съ цего рожденнаго добра». У Касьяна такія длиныя бровы и рѣсницы, что онъ за ними ничего невидитъ; но черезъ каждые три года онѣ у него поднимаются, и горе тому, на что онъ прежде всего взглянетъ! Взглянетъ на людей—мрутъ люди,

взглянетъ на скотъ—начинается падежъ скота, па поля—полный неурожай (г. К. сл. Кбя).

— У Касьяна бровы довги, ажъ ныже колипъ.

На Касьяна ныззя до схидъ сонця выходыть зъ хаты, щобъ винъ ны глянувъ. Якъ пагляны Касьянъ на скотыпу, такъ буде падежъ, а якъ на людей, такъ моръ (сл. Пря, Св-Л.).

— На Касъяна не должно работать, потому что онъ жестоко караетъ работающихъ: когда онъ подниметъ свои длинныя вѣи (вѣки) и взглянетъ на скотъ—гибнетъ скотъ, взглянетъ на лошадей, свиней, овецъ, птицъ—все гибпетъ; щадитъ же только чтущихъ день его (сл. Двя и Кя).

— Существуетъ повѣрье, кто на Касьяна встанетъ спостели рано утромъ до солнечнаго восхода, того Касьянъ непремѣнно накажетъ болѣзнію, а поэтому многіе изъ крестьянъ на этотъ день спятъ до восхода солнца, или, по крайпей мѣрѣ, не выходятъ изъ хаты. Касьянъ не милосердъ къ людямъ зато, что они его не почитаютъ, рѣдко празднуютъ.

— Явился Касьянъ къ Богу, одѣтый по модѣ: шляпа на головѣ, въ перчаткахъ и съ тросточкою въ рукахъ, да и жалуется, что люди Николая угодника почитаютъ больше, чѣмъ его, и празднуютъ чаще: «вонъ понастроили па его имя множество церквей, а мнѣ нѣтъ ни одной не только церкви, но даже и часовни». Господь выслушалъ жалобу Касьяна и сказалъ: «позовите ко мнѣ Николая—угодника!» Пошли искать Николая угодника, осмотрѣли всѣ райскія обители, осмотрѣли все небо: нѣтъ нигдѣ. «Гдѣ-же онъ?» спросилъ Господь.—На морѣ спасаетъ корабль отъ крушенія, отвѣчали посланные, «Ну, обожди немного», сказалъ Господь Касьяну. Черезъ нѣсколько времени Господь вторично посылаетъ за Николаемъ, но святителя опять не оказалось па небѣ: онъ па землѣ спасалъ людей отъ пожару. Когда пошли въ третій разъ, Николай—угодникъ былъ въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько невинно осужденныхъ и гдѣ онъ утѣшалъ ихъ въ несчастіи, чтобы не допустить ихъ до отчаянія. Наконецъ Николай угодникъ предсталъ предъ Богомъ и сталъ рядомъ съ франтомъ Касьяномъ: босой, свитенка старенькая, внизу обдрепанная, лычкомъ подпоясанная и въ грязи. «Гдѣ это ты былъ?» спросилъ его Господь.—Помогалъ, Господи, мужичку вытащить изъ багна кобылу съ возомъ. «Вотъ видишь», сказалъ Господь Касьяну: за что люди почитаютъ Николая-угодника, его почти никогда не найдешь на небѣ,—все на землѣ помогаетъ людямъ, за это то люди и почитаютъ его, а ты, вишь какъ франтъ, все по небу только гуляешь, къ людямъ и не заглянешь, а хочешь, чтобы и тебя чтили, какъ Николая-угодника. Нѣтъ, далеко тебѣ до Николая; а зато, что ты началъ на меня роптать, тебѣ люди

будутъ праздновать только одинъ разъ черезъ три года. Съ тѣхъ то поръ и сталъ Касьянъ на людей сердитъ и немилосердъ къ нимъ (г. К. сл. Кбя).

Передаютъ и совсѣмъ въ иномъ смыслѣ причину, почему крестьяне на Касьяновъ день избѣгаютъ выходить до восхода солнца изъ хаты и двора, въ смыслѣ вполнѣ благопріятномъ для характеристики святаго.

Говорятъ, что св. Касьянъ въ теченіи трехъ лѣтъ неотступно сидитъ надъ чертомъ и, не переставая, бьетъ его по головѣ молоткомъ, чтобы не давать черту времени обдумывать свои ухищренія на людскую пагубу; бьетъ ударъ за ударомъ, стараясь поглубже загнать черта въ землю. И свое занятіе св. Касьянъ оставляетъ въ день своихъ имянинъ лишь для того, чтобы побывать въ церкви, откуда возвращается съ восходомъ солнца и снова приступаетъ къ своему дѣлу. Во время отсутствія Касьяна чертъ пользуется полной свободой, вылазитъ изъ бездны на поверхность земли и тутъ-то на что ни глянетъ, все заражаетъ смертоноснымъ ядомъ, и все, на что падаетъ злобный взглядъ его, неминуемо въ теченіе года погибнетъ.

Въ силу этого повѣрья, крестьянинъ въ Касьяновъ день не выглядываетъ до солнечнаго восхода изъ хаты и не выпускаетъ своего скота и даже птицы на улицу. (сл. Колод.)

Февраль-«цей той мисяць, шо кажы: эхъ, якъ бы я такый, якъ мій батько, такъ я бы быку-трытяку рогы ссадывъ!»

Предшествующая масляницѣ недѣля называется «всеидна». Если на всеѣдной недѣли съ крышъ висятъ длинныя ледяныя сосульки, то «медна бжола буде.» Если на этой недѣли курица напьется изъ лужи,--весна будетъ теплая.

— Когда на всеѣдной бываетъ снѣжная мятель, то говорятъ: «всеидна йдеть въ гости», если мятель бываетъ на масляницѣ, то говорятъ, что это масляница ѣдетъ изъ гостей, а когда мятетъ на первой недѣлѣ великаго поста,— масляна идетъ «дытыну шукаты,» которую она потеряла, ѣхавши пьяною изъ гостей.

Хотя собственно недѣля, непосредственно предшествующая масляницѣ, большинствомъ крестьянъ называется «рябою», потому что въ среду и въ пятницу ѣдятъ постную пищу, а всеѣдной или сплошной называется предыдущая недѣля, когда въ среду, въ пятницу по церковному уставу можно ѣсть скоромную пищу.

13. Масляница.

Мясопустъ называется заговины на масныцю, или «пижкови заговины!»; послѣднее названіе произошло отъ того, что въ этотъ день почти каждая крестьянская семья ѣстъ холодецъ (студень) изъ свиныхъ ножекъ.

Послѣ обѣда на заговѣны ходятъ въ гости къ родителямъ или къ тестю и тещѣ и тамъ вечеромъ заговляють. Идя въ гости, берутъ съ собою печеный хлѣбъ въ даръ отцу, матери, тестю или тещѣ. Безъ хлѣба никто не рѣшится пойти въ этотъ день въ гости, особенно къ тестю, потому что это было бы со стороны зятя не только предосудительно и невѣжливо, но и оскорбительно по отношенію къ тестю. Вечеромъ всѣ садятся за столъ заговлять, а какъ въ этотъ день, по обычаю, у зажиточныхъ крестьянъ бываетъ очень много наварено и напечено, то, не смотря на усиленную и продолжительную ѣду, обыкновенно и послѣ ужина остается еще достаточное количество изъ приготовленнаго. Какъ тутъ быть? Пища мясная, поэтому завтра, въ понедѣльникъ, нельзя ѣсть ее; отдать собакамъ считается большимъ грѣхомъ.

Остается поставить ее въ печь, чтобы не застыла, лечь спать, проснуться до полуночи, встать и снова за ѣду да ужъ такъ, чтобы ничего не осталось. Большею частью это такъ и дѣлается.

Въ эту ночь мужъ не долженъ спать съ женою, а не то, въ противномъ случаѣ, волки поѣдятъ у нихъ всѣхъ поросятъ (сл. Кбя).

— На «пижкови заговины» нельзя ничего шить,--будетъ заушница (свинка).

Въ понедѣльникъ на масляницѣ замужнія женщины ходятъ по домамъ, гдѣ есть взрослые парни и дѣвушки, и привязываютъ матерямъ этихъ «вязальниковъ,» а иногда и имъ самимъ колодку, маленькій дубовый чурбачекъ, или кусокъ полѣна, къ ногѣ, въ наказаніе матери за то, что она сына не женила или дочери не выдала замужъ, а молодымъ людямъ зя то, что они сами не поспѣшили вступить въ теченіе прошедшаго мясоѣда въ бракъ. Хозяйка угощаетъ пришедшихъ съ колодкой женщинъ водкой, блинами да варениками, а молодежь, чтобы отвязали колодку, даетъ денежный выкупъ. Собранныя за колодку деньги въ тотъ же день всѣ пропиваются.

Въ теченіе всей масляницы ежедневно варятъ вареники и пекутъ блины да сырники, а борща почти нигдѣ не варятъ; если есть рыба, то ее жарятъ въ скоромномъ маслѣ. Борщъ же, обыкновенно съ рыбою, готовится только на заговѣны. Масляница установлена, по словамъ нѣкоторыхъ, для очищенія желудка отъ мяса, накопляющагося въ немъ за Рождественскія святки и мясоѣдъ.

Въ четвергъ на этой недѣлѣ бабы собираются компаніями и идутъ въ шинокъ «ласкать телятъ,» то есть, пить водку, но подъ предлогомъ чтобы коровы были ласковы къ телятамъ и не бодливы, а «щобъ тылята булы повненьки та ласкови», и выпиваютъ непремѣнно сразу по полной рюмкѣ.

Въ теченіе масляницы женщины не прядутъ: «шобъ масла було бильшъ и шобъ воно не гиркло», а кто будетъ на этой недѣлѣ прясть, у того въ коровьемъ маслѣ неминуемо заведутся черви.

Можно сказать, безъ большого преувеличенія, что всѣ дни масляницы посвящены истребленію блиновъ, варениковъ да водки: «масляна, масляна! яка ты мала,—якъ бы тебе симъ недиль, а посту одна!» такъ выкрикиваютъ иногда толпы пьяныхъ мужиковъ, расхаживающихъ по улицамъ въ тѣхъ слободахъ, гдѣ прежде были военныя поселенія.

Воскресенье предъ Великимъ постомъ «постови заговины» проводится болѣе тихо и чинно, чѣмъ предыдущіе дни, хотя блиновъ и варениковъ поѣдается, а водки выпивается едвали не большее количество.

«Когда мы пришли изъ церкви, говорилъ Ново-Николаевскій крестьянинъ, и хотѣли молиться Богу, чтобы садиться за столъ обѣдать, оказалось, что отца нѣтъ въ хатѣ, я и посылаю своихъ ребятъ на дворъ позвать старика, да вспомнилъ, что сегодня сыропустъ и говорю: постойте, не ходите! онъ, вѣрно, пошолъ въ шинокъ—у насъ по старинному заведенію въ этотъ день и до обѣда и послѣ обѣда шинокъ посѣщаютъ. А тутъ и отецъ входитъ въ хату. Помолилися всѣ Богу, сѣли за столъ; отецъ вынулъ изъ кармана бутылку водки, потребовалъ, налилъ, перекрестился и говоритъ: «Дай же, Боже, шонъ все было гоже! а все не гоже—не дай, Боже!»

Выпилъ самъ, за нимъ мать, потомъ я, жена, старшій сынъ. Жена подала на столъ холодное изъ рыбы. Когда поѣли холодное, отецъ и говоритъ: «а ну ка, сынокъ, поднеси ты еще по стаканчику, а то послѣ одной не обѣдаютъ». Выпили по одной и начали ѣсть галушки. Когда ѣли ихъ, я разсказалъ побрехеньку, какъ одинъ бѣдный человѣкъ угощалъ своего богатаго кума галушками. Какъ то раздобылъ себѣ бѣдный мужикъ пшеничной муки, наварилъ галушекъ и вздумалъ угостить своего богатаго кума.

Пришелъ кумъ, сѣлъ на покути, хозяинъ высыпалъ всѣ галушки въ миску и поставилъ ее передъ гостемъ. Кумъ, человѣкъ богатый, безстыжій, за ложку и ну уплетать галушки. Видитъ хозяинъ, не поспѣть ему за гостемъ, возьметъ ложку галушекъ да и скажетъ: «кумъ, а кумъ! мука то довго добована». А онъ отвѣчаетъ: «катъ его батька беры, хоть купована, хоть добована,—мини іи не отдаваты». Не выдержалъ хозяинъ

да и говоритъ: «та ты таки, куме, йжъ та и честь знай, знай честь!" А тотъ: „и радъ бы брать по шесть, та съ ложки летятъ».

Послѣ галушекъ подали намъ варениковъ съ сыромъ, и мы выпили еще по одной передъ варениками, такъ что, поѣвши варениковъ, отецъ и пѣсенку заигралъ: „ой выпиймо, родыно, щобъ намъ жито родыло, и житычко и овесъ и зибрався ридъ увесь." Затѣмъ старикъ сталъ дремать, а когда подали блины на яйцахъ, то съѣвши одинъ блинчикъ, всталъ изъ-за стола, помолился Богу и легъ спать. Послѣ блиновъ жена приготовила яичницу и подала ее на сковородѣ на столъ. Отецъ проснулся и говоритъ: „вы про меня и забыли и не будите, а я то и самъ проснулся: услышалъ, что яичничка пахнетъ».

На это мать сказала· «спитъ сова, а куръ бачитъ». Но отецъ только перевернулся на другой и опять заснулъ. Послѣ обѣда я пошелъ къ шинку потолкаться между людьми, постоялъ тамъ, перекинулся кой съ кѣмъ словомъ да и пошелъ звать къ себѣ заговлять сестру съ зятемъ.

Вечеромъ на «постови заговины» малороссы, преимущественно пожилые люди, ходятъ къ роднымъ и знакомымъ «прощаться», т. е., просить прощенія; посѣщаютъ съ этою же цѣлью и кладбища, чтобы тамъ испросить себѣ прощеніе и отъ умершихъ родителей.

Войдя въ хату, кланяются въ поясъ каждому, не исключая и маленькихъ дѣтей, по три раза и говорятъ: «просты мене». На что слѣдуетъ отвѣтъ: «Богъ простыть».—«И въ другый разъ!"—Богъ простыть! «И въ третій разъ!»—Богъ простыть!

Многіе вѣрятъ, что страшный судъ будетъ въ этотъ именно вечеръ, а по этому богобоязненные крестьяне проводятъ наступившій вечеръ у себя дома, среди своей семьи, въ тишинѣ и благочестивыхъ разговорахъ; однако это не мѣшаетъ заговѣть какъ слѣдуетъ, хотя и безъ водки.

На масляницѣ крестьянская молодежь начинаетъ весеннія игры и весеннія пѣсни «веснянки» вожденіемъ «козла» и заканчиваетъ ихъ на троицкихъ святкахъ, переходя къ лѣтнимъ сѣнокоснымъ и купальскимъ пѣснямъ. Веснянки приведены ниже послѣ описанія пасхальной недѣли и слѣдующихъ за нею „проводъ," на „заговины" поютъ:

— Масляная, воротыся! до Велыкодня простягныся,
Отъ Велыкодня та до Петра, а отъ Петра та до тепла.
Непускае мене маты на улыцю погуляты,
А хоть пусте тай прыгрусте:
Иди, доню, не барыся: на синечныхъ та дверечкахъ воротыся!
Бо на двори пистъ наступае,
А хото его проскаче, той Велыкодня не побаче.

14. Великій Постъ.

Первый день Великаго поста называется «жиловый понедилокъ», потому что на первой недѣлѣ поста пекутъ коржики, называемые ,,жиляниками,“ и ѣдятъ ихъ натощакъ, ,,щобъ жилястымъ буты;“ другіе это названіе объясняютъ тѣмъ, что у работающихъ на этотъ день болѣютъ, обрываютъ, на пальцахъ жилы, а иные говорятъ, что такое названіе дано этому дню стариками, у которыхъ отъ голода всѣ жилы трясутся, такъ какъ старики обыкновенно весь день до вечера ничего не ѣдятъ, то къ вечеру сильно ослабѣваютъ. Вообще въ этотъ день ничего не варятъ, а ѣдятъ коржи съ тертымъ хрѣномъ въ бураковомъ квасѣ да порѣзанную ломтиками рѣдьку; но за то ,,полощутъ зубы.“ Старики и старухи дѣлаютъ это дѣйствительно, чтобы во рту не осталось между зубами чего-нибудь отъ масляницы: кусочковъ сыра, рыбы; а другіе по просту пьютъ водку, приговаривая: ,,це мы полощимъ зубы писля масляной,“ причемъ женщины пьютъ въ этотъ день водку не изъ рюмки, а изъ новой покрышки и притомъ съ хозяйственною цѣлью: ,,щобъ на пшеныци зоны не було.“

— Въ этотъ день ничего не слѣдуетъ давать сосѣдямъ, ,,щобъ разна нечисть на двиръ ны зійшла (сл. Пря).

— Если въ этотъ день первый встрѣчный или первый посѣтитель будетъ женщина, то это считается дурнымъ признакомъ; если же мужчина хорошимъ (сл. Кя).

15. Мартъ 1-е

Св. муч. Евдокіи. ,,Бабакъ проснеця, выйде изъ скоты (норы) на свитъ, свысне три раза и опьять ляже на другій бикъ, а гаврашокъ тико переверныця».

— Если день будетъ солнечный,—уродитъ пшеница; а если пасмурный,—уродитъ просо и гречиха.

— Если утро ясно,—слѣдуетъ сѣять раннюю пшеницу; если среди дня ясно,—сѣять ее въ среднее время; къ вечеру ясно—поздній посѣвъ самый удачный.

— Теплый солнечный день предзнаменуетъ также хорошій урожай льна: ,,якъ на Вдокіи соняшно зранку, то ранній ленъ уроде; якъ—опивдня,—средній уроде; якъ передъ вечеромъ,—пизній, а якъ увесь день соняшный, то-всякый (сл. Ар.)“

— Если около порога лужи воды, то пасѣчникъ будетъ купаться въ меду. (сл. Кбя).

— Срѣзываютъ верхушки плодовыхъ деревьевъ, чтобы лучше родили (сл. Пря).

16. Мартъ 5-е.

Св. муч. Конона. Любители лошадей (коней) празднують этотъ день, потому что считаютъ св. Конона покровителемъ коней (сл. Пря).

17. Мартъ 9-е.

Св. 40 мучениковъ. Сорока кладетъ въ свое гнѣздо 40 палочекъ; прилетаетъ изъ теплаго края 40 жаворонковъ; хозяйки пекутъ по 40 бубликовъ или по 40 изъ тѣста птичекъ—жаворонковъ.

— «На цей день прылитають изъ виріи сорокъ жайворонкивъ, а бабы печуть бублыки и жайворонки и разносять по хатахъ, шобъ гусы ныслысь лучче, шобъ ны портылысь яйця, шобъ выводылы благополучно усихъ молодыхъ гусятъ (хут. Маліевъ).»

Со дня сорока святыхъ начинается весна; въ подтвержденіе, что этотъ день слѣдуетъ праздновать приводятъ слѣдующую легенду:

«Сѣялъ мужикъ «на сорокъ святыхъ» горохъ въ полѣ. Идутъ мымо него 40 человѣкъ и говорятъ: «що се ты сегодня сіешъ? сегодня жъ празныкъ сорокъ святыхъ!»—Нехай же мене Богъ простыть, отвѣчалъ мужикъ: я й не знавъ, що сегодня празныкъ. Тогда тѣ сорокъ человѣкъ сказали: «ну, вроде жъ тоби горохъ по сорокъ струкивъ на стебли и по сорокъ горошинъ въ стручку.»—Та якъ бы то Богъ давъ, отвѣтилъ мужикъ. Горохъ дѣйствительно уродился такой, какъ сказали сорокъ святыхъ. На другой годъ нашъ мужикъ выѣхалъ сѣять горохъ опять на 40 святыхъ. Идутъ мимо него опять сорокъ человѣкъ и говорятъ, что грѣшно въ этотъ день сѣять. Но мужикъ имъ на это возразилъ: «я торикъ сіявъ на сей день, такъ уродывъ такый горохъ, що такого я йзроду не бачивъ!» Тогда каждый изъ сорока святыхъ далъ нашему мужику по сороку кулаковъ въ спину, такъ что онъ ледве—ледве до дому дойшовъ». (сл. Ар.).

Въ хуторѣ Маліевѣ эта легенда передается въ такомъ видѣ:

«Разъ святый Петро йшовъ по полю и уздривъ тамъ чоловика, сіявшого горохъ. Дило було на сорокъ святыхъ. Св. Петро и каже тому чоловику: «сегодня празныкъ сорокъ святыхъ, а ты сіешъ горохъ, якъ у другый разъ сіятымешь на цей день, то сорокъ чирякивъ нападеця на тебе!»—Просты, святый Петре, я бильшъ ны буду цего робыты,» сказавъ той чоловикъ». «Богъ простыть». И якъ дождався той чоловикъ уражая,—горохъ, уродывся гарный, чистый: горошина въ горошину,—сорокъ мишкивъ намолотывъ. Дождався той чоловикъ другого года и дума: торикъ мини удалось на счетъ гороху; сіявъ я ёго на сорокъ святыхъ, собравъ сорокъ мишкивъ: посію и цей годъ на сорокъ святыхъ, винъ уроде такъ

якъ и торикъ. Узявъ и поихавъ... сіявъ, сіявъ, а жъ шось заболило на бокахъ. Колы подывывся, а воно сорокъ чирякивъ нарядылось на бокахъ. Тоди винъ здумавъ, шо ему св. Петро прыказувавъ, и каже: «бачъ! треба святыхъ слухаты».

18. Мартъ 17-е.

Св. Алексія, человѣка Божія. Якъ на «теплого Олексія» буде тепло, то и весна буде тепла, а якъ холодно, то и весна буде холодна.

Празднуютъ этотъ день преимущественно пасѣчники, у которыхъ много пчелъ. Они начинаютъ на этотъ день выставлять изъ омшаниковъ пчелъ, ставятъ ихъ въ защищенное отъ вѣтра мѣсто, молятся Богу и св. Алексѣю и просятъ, чтобы Богъ послалъ имъ медовое лѣто. Ясность погоды на этотъ день знаменуетъ урожай на хлѣбъ и изобиліе роевъ; причемъ если утро ясно, то рои будутъ выходить по утрамъ, если вечеръ будетъ ясный, то—по вечерамъ (сл. Н. Гл).

Рыбаки также празднуютъ этотъ день, чтобы лучше былъ уловъ рыбы. Если выйти рано утромъ на рѣку, то можно услышать и увидѣть, какъ щука разбиваетъ хвостомъ ледъ, тогда ее можно взять руками (сл. Кбя).

— На Евдокію, на сорокъ святыхъ и на теплаго Алексѣя, пришедши изъ церкви, отбираютъ для посѣва пшеницы лучшее зерно.

— На девятій недили писля Рождества Христова прылитають зъ вирья гракы, на десятій—жайворонкы, а на дванадцатій вдова выйзжае въ поле съ плугомъ (сл. Пря).

---

19. Крестопоклонная недѣля.

Сердохрестна. Въ середу на крестопоклонной недѣлѣ пекутъ изъ тѣста кресты (хрыстци, хрещикы); часть ихъ въ тотъ же день употребляютъ въ пищу, а часть хранятъ до времени посѣва въ закромахъ въ зернѣ. Выѣзжая на посѣвъ, берутъ эти кресты съ собою. Пріѣхавъ на мѣсто, кладутъ ихъ на землю, молятся Богу, а потомъ съѣдаютъ ихъ, размочивъ предварительно въ водѣ, причемъ обыкновенно говорятъ: «дай же, Боже, и на слѣдующій годъ ѣсть свой хлѣбъ!».

Иные берутъ съ собою только два креста, одинъ съѣдаютъ, а другой закапываютъ на нивѣ, чтобы лучше родила. Другіе только первый вынутый изъ печи крестъ кладутъ въ зерно, назначенное для посѣва, а остальные ѣдятъ. Пріѣхавъ въ поли, кладутъ этотъ крестъ на уголъ нивы, становятся лицомъ къ востоку, читаютъ молитву Господню; потомъ,

взявъ въ руку зерна, бросаютъ его на крестъ крестообразно и говорятъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Господи, поможи, Господи, благослови, дай, Боже, счастье!» Сѣетъ первую горсть зерна и ѣстъ поднятый съ нивы крестъ. Если въ это время надъ сѣятелемъ высоко поднимаются съ пѣніемъ жаворонки, то это предвѣщаетъ хорошій урожай, а если летаютъ низко, то-плохой.

— При печеніи крестовъ, втыкаютъ въ нихъ хлѣбныя зерна, чтобы узнать, на какой хлѣбъ будетъ урожай. Въ одинъ крестъ воткнутъ зерно пшеницы, въ другой—ячменя, въ третій—овса: какое изъ воткнутыхъ зеренъ выйдетъ наверхъ, на тотъ хлѣбъ и будетъ урожай.

— А какъ «починъ дороже денегъ,» то въ нѣкоторыхъ, особенно многолюдныхъ, крестьянскихъ семьяхъ стараются узнать, кто изъ членовъ семейства счастливѣе, чтобы онъ и началъ посѣвъ. Для указанной цѣли пекутъ три особыхъ креста и въ одинъ изъ нихъ хозяйка запекаетъ какую-нибудь монету. Эти три креста хранятся, по обыкновенію, въ зернѣ, назначенномъ для посѣва, и берутся на ниву. Тамъ обходятъ съ ними вокругъ нивы, потомъ молятся Богу и трое, взявъ по кресту, разламываютъ ихъ. У кого окажется монета, тотъ считается счастливцемъ, а потому онъ и начинаетъ посѣвъ.

Отъ нивы зависитъ благосостояніе и нищета крестьянина, его значеніе въ семьѣ и въ обществѣ. А чѣмъ ограниченнѣе область знанія, тѣмъ шире и распространеннѣе область повѣрій. Напримѣръ, чтобы нива не заростала сорными травами, а только однимъ чистымъ хлѣбомъ, нѣкоторые изъ крестьянъ выѣзжая на посѣвъ, надѣваютъ ту рубаху, въ которой причащались, для чего послѣ принятія святыхъ тайнъ, пришедши домой, немедленно снимаютъ съ себя сорочку и хранятъ чистой до времени посѣва, когда и надѣваютъ ее вновь (сл. Бор.).

— Отъ засухи зарываютъ на нивѣ въ землю кувшинъ съ святою водою (сл. Кам).

— Зарываютъ также Благовѣщенскую просфору, или, засушивъ ее, стираютъ въ порошокъ и, смѣшавъ съ землею, сѣютъ по четыремъ угламъ и по серединѣ пашни: засуха не коснется этой нивы (сл. Бор).

— Зарываютъ на нивѣ куски полотна, которое для этой цѣли предварительно кладется на плащаницу: будетъ хорошій урожай (сл. Бор).

---

20. Мартъ 25-е.

Благовѣщеніе—такой большой праздникъ, что даже птица не вьетъ гнѣзда. Говорятъ, что кукушка когда то свила себѣ гнѣздо на Благо-

вѣщеніе и съ тѣхъ поръ въ наказаніе за оскорбленіе святости праздника потеряла способность вить гнѣзда и вынуждена класть свои яйца въ чужія гнѣзда: «Вила зузуля соби гниздо, та й осталась повикъ безъ гнизда.»

На этотъ день выпускаютъ изъ клѣтокъ пѣвчихъ пташекъ: чижей, снѣгирей, щегловъ, синицъ.., на волю, чтобы онѣ благословляли Бога и просили у Него счастія тому, кто выпустилъ ихъ изъ неволи.

— Яйцо, снесенное курицей на Благовѣщеніе, не годится подъ насѣдку, потому что изъ него выйдетъ уродливый цыпленокъ.

— Какая погода на Благовѣщеніе, такая и на Свѣтлый праздникъ. Если на Благовѣщеніе будетъ пасмурная погода или дождь, то лѣто будетъ дождливое и урожайное.

— Градъ никогда не выбьетъ той нивы, на углѣ которой зарыта часть Благовѣщенской просфоры, и дождевая тучка не пронесется надъ нею безъ того, чтобы не оросить ее небесной влагой (сл. Кбя).

— Порошекъ отъ Благовѣщенской просфоры всыпаютъ въ медъ, которымъ закармливаютъ пчелъ, выставляемыхъ на этотъ день. Кромѣ того въ кормовой медъ прибавляется еще порошекъ отъ высушенной и стертой головы Благовѣщенской (сваренной 25 марта) щуки, перецъ и муравьи,—все это дѣлается для того, чтобы пчелы были зубасты, какъ щука, сердиты, какъ перецъ, и трудолюбивы, какъ муравьи. Нѣкоторые изъ пчеловодовъ, выставивъ колодку пчелъ, вкладываютъ въ летокъ черепъ Благовѣщенской щуки такимъ образомъ, чтобы пчела могла выходить изъ улья только пролазя между зубами черепа щуки. Такая пчела не дастся уже въ обиду, а скорѣе сама станетъ грабить чужихъ пчелъ.

— Благовѣщенскую просфору обыкновенно хранятъ; употребляютъ же ее во время болѣзни, преимущественно противъ лихорадки.

— Воры стараются на Благовѣщеніе что-нибудь уворовать, вѣря, что укравшій и непойманный въ этотъ день, не будетъ пойманъ въ теченіе цѣлаго года (сл. Кбя).

— Нѣкоторыя изъ хозяекъ сѣютъ капустную разсаду наканунѣ Благовѣщенія, другія на самый праздникъ «до схидъ сонця» и ищутъ между листьями головокъ капусты сѣмянъ, изъ которыхъ выростаетъ будто бы прекрасная брюкова.

— Расчесывать на этотъ день женщинамъ волосы или искать въ головѣ—обычное занятіе деревенскихъ женщинъ въ послѣобѣденное время по праздникамъ—грѣшно и кромѣ того птица разгребетъ все, что посѣяно или посажено на грядкахъ (сл. Кя).

«Разъ одна жинка на Благовищиння ну скаты у своеи сыстры въ голови, та и каже: сьогодня Благовищиння, а ты, сестричко, мини

вошц бьешъ; колы бъ за це Богъ ны наказавъ тебе».—Ничого ны буде, сказала та. Дождалы высны и лита, у всихъ жинокъ уродыла цыбуля (лукъ), а у тіи жинки, шо была воши на Благовищиння, ны було ни одніи цыбулынки: вся була выйдына червячкамы (хут. М.)

21. Мартъ 26-е.

Соборъ арх. Гавріила, Благовистныка. Въ этотъ день носятъ въ нѣкоторыхъ слободахъ хлѣбныя зерна для освященія въ церковь, а потомъ смѣшиваютъ ихъ съ тѣмъ зерномъ, что предназначено для посѣва. Въ другихъ слободахъ хлѣбныя зерна для посѣва освящаются 1-го марта, когда опредѣляется будущая весна, потому что по народнымъ примѣтамъ, какая погода на Евдокію, такова и весна будетъ: «якъ на Вдокіи віе витеръ знызу (съ юга) такъ и выла брось, а якъ зъ-горы (съ сѣвера), такъ и зъйды (?) приберы».

---

22. Похвальная недѣля.

Пятая недѣля Великаго поста называется Похвальной, говорятъ: «похвальна чимъ-небудь та похвалыця, або дождемъ, або снигомъ,» и считается самымъ удобнымъ и лучшимъ временемъ для посѣва. «Въ похвальну субботу сіютъ лены щобъ було чимъ выхволяця». Ленъ сѣютъ, приговаривая: «робы, Боже, на стебель стыблыстый, на корень коренистый и на волокно волокнистый (сл. Пря).

Когда ленъ сѣетъ мужчина, то бабы просятъ его, чтобы онъ сѣялъ безъ штановъ, потому что при такомъ посѣвѣ ленъ выростаетъ чистый, безъ повилицы, или даютъ ему круто сваренныя куриныя яйца. Пріѣхавъ на поле, прежде чѣмъ приступить къ посѣву льна мужикъ очищаетъ отъ скорлупы яйцо, скорлупу зарываетъ на нивѣ, а яйцо безъ скорлупы кладетъ въ карманъ и тогда уже начинаетъ сѣять. Предпологается что посѣянный съ соблюденіемъ этихъ условій ленъ выростетъ безъ сорныхъ травъ и головки (сѣменныя коробочки) его будутъ крупны и часты, какъ очищенное яичко.

— Для того же, чтобы уродилъ хорошій и крупный горохъ, пріѣхавши на ниву для его посѣва, не должно останавливать лошади словомъ тпру; а, вставши съ воза, не бросать на землю топора, а бросить прежде дрова, а затѣмъ уже можно бросить и топоръ (хут. М.).

Говорятъ: «Похвальна хвалыця, Вербна поставыця, а Била щей побилыть,» то есть, если на Похвальной недѣлѣ холодно, то на Вербной

будетъ еще холоднѣе, а на Страстной—настоящая зима; напротивъ, если на Похвальной недѣлѣ тепло, то на Вербной будетъ еще теплѣе, а на Страстной настоящая весна: зацвѣтутъ цвѣты.

---

23. Вербная недѣля.

Шестая недѣля Великаго поста называется вербной, говорятъ: «Прыйшовъ вырбычь два кожухы нарычь, а третю свыту зверху.» На этой недѣлѣ не должно ни сажать, ни сѣять огородныхъ овощей, такъ какъ все посаженное или посѣянное на Вербной недѣлѣ выростаетъ горькимъ.

«На Вербни недили не годыця сіяты бураки, а то будуть гирки и стовбурки» (сл. Иря).

Если хотятъ посадить принесенную изъ церкви вербу, то ее садятъ въ землю, не заходя въ хату.

Войдя же въ хату, начинаютъ шутя бить другъ друга или не бывшихъ въ церкви вербою, приговаривая. «верба бье, не я бью, за тыждень Велыкдень, недалечко червоне яечко.» Вѣточки освященной вербы хранятся за иконами. Домъ, въ которомъ есть осв. верба, безопасенъ отъ молніи. Отъ лихорадки подкуриваютъ, сожигая вѣточки этой вербы. Золою же посыпаютъ всѣ четыре стороны капустной грядки, «щобъ потыльныця (тля) капусты не нападала» (сл. Иря).

«На вербніи ныдили ны годыця бакши садыты, а на кличальній—полоты, а то огиркы будуть гирки» (сл. Иря).

---

24. Страстная недѣля.

Седьмая недѣля Великаго поста называется Останя страшна, або Била недиля—соблюдается самый строгій постъ. Нѣкоторые изъ пожилыхъ крестьянъ въ пятницу и субботу даже совсѣмъ ничего не ѣдятъ и, поужинавъ въ четвергъ, разговляются на Свѣтлый праздникъ. Кто ѣстъ въ Великій постъ скоромное, тотъ не долженъ св. Пасхой разговляться, онъ уподобляется Іудѣ-предателю. Особенно грѣшно ѣсть скоромное на Страстной недѣлѣ: при жизни въ такого человѣка можетъ вселиться душа Іуды, которая не имѣетъ мѣста даже въ аду, а скитается безпріютно по землѣ, вселяясь на время въ людей и причиняя имъ страшную болѣзнь «чорну хворобу» (падучая болѣзнь); а по смерти душа такого грѣшника испытываетъ безпрерывныя мученія.

«Одынъ чоловикъ ны соблюдавъ постивъ. Богъ тырпивъ, тырпивъ и наказавъ его скоропостыжною смерью. Чырызъ годъ его жинка замырала и бачила на тимъ свити свого чоловика въ ваду; тамъ его лукави мучилы и ны давалы покоя: возьмуть за языкъ крючкомъ, прычеплять и повисять; потимъ отчеплять и у глыбоку яму укинуть, а тоди горячимъ пискомъ загорнуть, и де винъ лыжить, тамъ саме высока могыла. Тоди упьеть росковыряють могылу и выймуть его видтиля гострымы зализнымы вылами. Такъ его мучать цилый день и цилу ничь безъ перестанку. Та нытилко его, а усыхъ, хто ны почитавъ постивъ.

Таке наказанье усымъ ныпочитавшимъ постивъ, потому що люды таки, якъ ны соблюда одного поста, то ны соблюда и усыхъ постивъ» (хут. М).

Если женщина, кормящая ребнека, будетъ въ постъ ѣсть скоромную пищу, то ея ребенокъ умретъ малолѣтнимъ. Если мужъ и жена не соблюдаютъ постовъ, то дѣти у нихъ будутъ уроды, калѣки или недолговѣчны (сл. Тра).

Случайно оскоромиться самому или оскоромить даже ребенка то же грѣхъ. «У одной женщины маленькое дитя съѣло по недосмотру матери въ страстную пятницу яйцо. На другой годъ это же самое дитя снова повторило свою продѣлку: съѣло въ страстную пятницу красное яичко. И вотъ ночью, когда женщина легла уже спать, постучался кто-то къ ней въ окно и строго сказалъ: «чи щей на третій годъ твоя дытына зъйсть яице?» Женщина съ постели да къ окну,—видитъ, со двора идетъ высокая дѣвушка съ длинной, предлинной косою, ниже пятъ, такъ и волочится по землѣ. Это была свята Пьятныця (сл. Св-А).

Вообще вѣрятъ, что діаволъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ и всякою людскою слобостію, чтобы ввести человѣка въ грѣхъ, и особенно старается объ этомъ въ посты; поэтому Великій постъ и преимущественно страстная недѣля весьма опасны, въ теченіе ихъ легче всего можно согрѣшить, такъ какъ діаволъ въ это время неусыпно бодрствуетъ и подстрекаетъ человѣка на грѣхъ.

Сказанное подтверждаютъ слѣдующимъ происшествіемъ, случившимся въ сл. Тарасовкѣ:

«Вмеръ одынъ заможный чоловикъ: осталась жинка и два сыны жонати. Браты жилы, якъ голубки межъ собою, такъ вже дружно та любовно—на дыво. Маты тожъ жинка була добра, тыха, а невистки не ладылы межъ собою: зъ ранку до ранку грызутця. А у насъ межъ бабамы, колы и ладъ, такъ воны усе наровять, шобъ своихъ мужикивъ посварыть,—такій вже жиноцькій звычай,—а колы бабы не въ ладу, то

певно и мужикивъ презвыдуть на сварку. А ци браты не мишалысь межъ бабьихъ дилъ, тилько якъ сберутця въ хату та що почують, то й скажуть обои: «мовчить, поки мы въ хати!» Такъ дождалы страшнои недили. Бабы началы къ празднику снаряжатся та огороды копать и, якъ на грихъ, межъ нымы сварка за сваркою, одня билшъ другій, що день. Мужики у поли робылы, мало и дома бувалы, не чулы, а въ четвергъ прыйхалы съ поля, сходылы на страсты, прыйшлы додому и полягалы спаты. Тилько старшій почувъ, хтось стукавъ въ святимъ углу въ викно. Выйшовъ винъ на двирь, дывитця, а батько покійный стоить въ святимъ угли пидъ викномъ. Глянувъ на сына, глянувъ та й головою покачавъ. Той злякавсь, перехрыстывсь та мерщи у хату, лигъ та й заснувъ. Ранкомъ прокинувсь та и каже своимъ, шо за прычина була ему у ночи, тилько не згада, чи то ему снылось, чи взаправду було. Погомонилы и пійшовъ меньшій братъ дрова рубаты, а старшій де що въ хати робывъ. Бабы коло пасокъ поралысь и началы сварытця. Старшій слухавъ усе мовчки. Дали меньшій внисъ дрова и кладе беля печи, а старшій и каже ему: «Братуха, скажи своій жинци, шобъ вона трошки меньшъ балакала.» А той и крыкнувъ: «Параско! я тоби казавъ: наберы въ ротъ воды—гарнишъ буде!» А Параска такъ и вскыпулась на обохъ. Дивирь заспорывъ зъ нею, а чоловикъ еи стоявъ, мовчавъ, мовчавъ да якъ дзвызне въ неи полиномъ,—вона брыкъ и впала. Якъ вона впала, а въ хати шось якъ зарыгочетця, та завоня на всю хату, та якъ дымъ и потянулось у пичь. До Параски, а вона мертва. Такъ іи чоловикъ видъ того часу ума тронувсь: ничого не балака, опричь усе пыта: «хто пе такъ рыгочетця?»

— Одна женщина случайно оскоромилась на страстной недѣли и на нее напала лихорадка.

---

25. Чистый четвергъ.

Четвергъ Страстной недѣли называется «чистый».

Въ этотъ день всѣ моютъ себѣ голову, а у кого накожная сыпь, тѣ до «схидъ сонця» купаются даже въ рѣкѣ; купаютъ также на утренней зорѣ и лошадей, чтобы избавить ихъ отъ чесотки или предохранить отъ нея. Хлѣбъ, посѣянный въ этотъ день будетъ чистъ отъ сорныхъ травъ. Кусокъ соли, обожженый въ печи «Четвергова соль», хранится въ домѣ съ одной стороны для того, чтобы въ немъ не зоводилось никакой нечисти, а съ другой—потому, что «четверговая соль» згидливиша: помогаетъ овцамъ, коровамъ и людямъ отъ боли живота и отъ «сглаза».

Яйца, окрапленныя въ чистый четвергъ до свѣта, могутъ сохраняться, не портясь, до Вознесенья (сл. Кбя).

Возвращаясь домой изъ церкви, каждый старается донести домой горящую свѣчу, чтобы накоптить этой свѣчей на сволокѣ кресты. Потомъ сберегаютъ ее до будущаго чистаго четверга, употребляя ее затѣмъ только въ извѣстныхъ случаяхъ.

Напримѣръ, во время сильной грозы зажигаютъ страстную свѣчу, и, поставивъ ее предъ иконами, молятся; во время продолжительной предсмертной агоніи даютъ ее въ руки умирающему; зажигаютъ ее и ставятъ предъ образами также во время трудныхъ родовъ. Тѣ 12 восковыхъ шариковъ, что налѣпливаются на свѣчѣ во время чтенія въ церкви евангелій, считаются полезными отъ лихорадки, равно какъ и копоть съ креста на сволокѣ: послѣднюю даютъ пить съ водою отъ лихорадки и отъ боли живота. «Страшни свички згидливы противъ хворобы у скотыны» (сл. Св-Л.).

Крестъ, накопченный страстной свѣчей на сволокѣ, у однихъ никогда не затирается, потому что онъ предохраняетъ домъ отъ зажженія его молніей, у другихъ же остается только до Вознесенія, «щобъ зоны въ хлиби не було» (сл. Пря).

Кто хочетъ увидѣть домового, тотъ долженъ, возвращаясь со страстей домой, пойти прямо съ горящей свѣчой въ рукахъ въ загороду, или посмотрѣть за дверь въ сѣняхъ, или взлѣзть на чердакъ,—въ одномъ изъ этихъ мѣстъ непремѣнно увидишь домового: въ загородѣ чаще всего въ видѣ бычка, за дверью въ видѣ человѣка, въ углѣ на чердакѣ въ видѣ кошки или также въ видѣ человѣка съ красной шапочкой на головѣ. Если домовой будетъ весь въ шерсти, то все будетъ благополучно, во всѣхъ дѣлахъ будетъ удача, если же будетъ голый, то ожидай бѣды «Якого цвита шерсть на домовому, такои масты треба скотину держаты: та масть значить по двору» (сл. Пря).

«Якъ прыйдышъ изъ страстивъ, такъ изъ тіею страшною свичкою. якъ полизешъ на горище, такъ тамъ побачишъ домового, который и розскаже, чимъ заниматьця» (сл. Св-Л).

Въ Чистый четвергъ до восхода солнца воронъ купаетъ въ рѣкѣ своихъ дѣтей, человѣку желающему освободиться отъ язвъ или сыпи на тѣлѣ, нужно скупаться въ рѣкѣ раньше, чѣмъ воронъ успѣетъ выкупать своихъ дѣтей, иначе, опоздавъ, не получишь исцѣленія (сл. Св-Л.).

— Если при выходѣ изъ церкви со страстей бываетъ тихо,—ожидаютъ урожая гречки (сл. Пря).

---

26. Страстная пятница.

Въ пятницу на Страстной недѣлѣ обыкновенно красятъ яица, приготовляютъ крашанки; писанки же начинаютъ готовить съ первыхъ дней недѣли; а въ былое время, когда простыя, домашняго притотовленія писанки были въ большемъ ходу, чѣмъ теперь, начинали писать ихъ заблаговременно, даже съ начала поста.

О происхожденіи крашанокъ расказывается слѣдующее: «Якъ воскресъ Сусъ Христосъ изъ мертвыхъ, то Винъ и сказавъ тымъ жидамъ, шо стереглы Его гробъ: идитъ и скажитъ всимъ: Христосъ воскресъ! А шобъ вамъ повирылы, нате вамъ оцей знакъ,—и давъ всимъ имъ по крашанци, котори Винъ взявъ изъ свого гроба» (сл. Ар.). Извѣстно также уподобленіе яйца всему міру и объясненіе крашанки, приписываемое обыкновенно Іоанну Дамаскину; приводимъ таковое по одной находящейся у насъ старинной рукописи: «о велицедни и о яйце—свидѣтельство Іоанна Дамаскина. Небу и земли подобно по всему яйце. Чего дѣля червлено яйце на Великъ день? Толкъ: Яйце примѣнено ко всей твари: скорлупа аки небо, плева аки облацы, бѣлокъ аки воды, желтокъ аки земля, а сырость по средѣ яйца, аки въ мірѣ грѣхъ.

Г҃ь нашъ І҃с Х҃с воскресе отъ мертвыхъ, всю тварь обнови своею кровью, яко же яйце украси, а сырость грѣховную изсуши, яко же яйце изгусти».

Передается и сказаніе о подпесеніи Маріей Магдалиной императору Тиберію краснаго яйца, причемъ святая сказала: «Христосъ воскресе!» По другимъ, св. Марія Магдалина, узнавъ о воскресеніи Господнемъ отъ ангела, побѣжала домой и, взявши тамъ попавшіяся ей на глаза крашанки, отправилась къ апостоламъ, встрѣтивъ которыхъ на дорогѣ сообщила радостную вѣсть словами: «Христосъ воскресе» при этомъ они поцѣловались и она дала имъ по крашанкѣ (сл. Тар.).

Писанки пишутъ въ воспоминаніе страданій Спасителя, какъ говорятъ въ сл. Араповкѣ, въ знакъ того, что когда жиды мучили Христа, то все тѣло Его «попысалы», избили бичами.

Краски для писанокъ и для крашанокъ однѣ пріобрѣтаются крестьянками въ лавкахъ, какъ красный и синій сандалъ, другія приготовляются ими самими, напр., желтая краска добывается изъ коры кислицы, изъ шелухи цыбули (лука) или цвѣтовъ желтой купавки, синяя изъ гречаной половы и сушеныхъ цвѣтовъ синей мальвы; зеленая—изъ пролѣсковъ, а черная—изъ коры ольхи и молодыхъ листьевъ черноклена; обыкновенно предварительно окрашиванія яйца «галунятся» то есть, погружаются въ растворъ галуна (квасцовъ).

Крашанкамъ приписываютъ немаловажное значеніе, онѣ употребляются то какъ предохранительное, то какъ лѣчебное средство.

— Въ видахъ сохраненія здоровья и красоты, собираясь къ заутренѣ въ свѣтлое Воскресенье, кладутъ въ ту миску съ водою, изъ которой умываются, двѣ крашанки и мелкую монету; потомъ, умывшись этой водою, крашанки и монету берутъ съ собою въ церковь и при выходѣ отдаютъ нищимъ (г. К. сл. Кл.).

Въ слободѣ Преображенной, умывшись водою, въ которой лежала крашанка, бросаютъ эту послѣднюю въ рѣку русалкамъ и утопленникамъ.

— Нѣкоторые изъ молодежи выкачиваютъ лицо крашанкою, что-бы стать красивѣе (г. К.).

— Какъ крашанки, такъ равно и ихъ скорлупа считаются предохранительнымъ средствомъ для хлѣба отъ мышей, поэтому, привезя съ поля снопы новаго хлѣба и положивъ на крестъ четыре снопа, кладутъ подъ нихъ крашанки или только скорлупу ихъ, иногда вмѣстѣ съ ними кладутъ кости отъ пасхальнаго поросенка (мощи) и освященный съ паскою хрѣнъ (г. К., сл. Св-Л.).

— Первая пара яицъ, вынутая изъ краски во время выноса въ церкви плащаницы, а равно и первое яйцо полученное на Свѣтлый праздникъ, хранятся потому, что имѣютъ свойство тушить пожаръ: стоитъ только три раза обнести вокругъ горящаго зданія—пожаръ прекратится (г. К. сл. зв, Кя).

— «Бережи ту крашанку, шо получишъ на Велыкдень съ кимъ первымъ похристоскаеся, бо вона згидлива для бджолъ, отъ лихорадки и жовтяныць» (сл. Св-Л.).

— Когда лихорадка не поддается медицинскимъ средствамъ, вѣшать больному на шею ту крашанку, которая была въ церкви въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье (сл. Кал.). Положенная въ хатѣ за иконы эта крашанка можетъ пролежать тамъ годы, не портясь (сл. Н-Н.).

— Скорлупой отъ крашанокъ подкуриваютъ людей и домашнихъ животныхъ отъ разныхъ болѣзней: отъ лихорадки, рожи и отъ «сглазу» (г. К. сл. Ар. Дв. Кл. Пря.).

— Подъ первый улій пчелъ на пасѣкѣ кладутъ первую полученную крашанку или, что гораздо чаще, писанку «безконешникъ,» щобъ безконечно роились бджолы.

— Одни на первый день Пасхи, другіе на второй, а иные на проводы ходятъ съ крашанками на могилы христосоваться со своими покойниками, причемъ принесенныя крашанки зарываютъ въ могилу, а въ слѣдующій затѣмъ день отрываютъ ихъ и раздаютъ нищимъ. Суще-

ствуетъ повѣрье: если всѣ крашанки окажутся въ наличности, значитъ, душа покойника угодна Богу, въ противномъ же случаѣ—нѣтъ, и ужъ неизвѣстно, чѣмъ можно помочь этой грѣшной душѣ (сл. Ар.).

— Нѣкоторые убѣждены, что покойникъ будетъ слышать все, что ему говорятъ, если положить на его могилу ту крашанку, которую получили отъ перваго похристосовавшагося на Пасху (сл. Кал.). А другіе добавляютъ, что душа покойника съѣдаетъ красное яичко, оставляемое на его могилѣ (сл. Кбя).

— Скорлупу крашанокъ не выбрасываютъ изъ хаты,-ее или хранятъ, какъ выше упомянуто, или сожигаютъ въ печи, или выносятъ на рѣку. Въ послѣднемъ случаѣ прежде, чѣмъ бросить въ воду, мнутъ въ рукахъ, чтобы не осталось цѣлыхъ половинокъ, такъ какъ въ такихъ яичныхъ скорлупкахъ разъѣзжаютъ по рѣкѣ русалки (г. К.).

Примѣчаніе. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ преданіями и повѣрьями, относящимися къ писанкамъ и крашанкамъ, отсылаемъ къ статьѣ. проф. Н. Ѳ. Сумцова: «Писанки» изд. ред. ж. Кіевская Старина. 1891.

Въ Страстную пятницу въ полѣ не работаютъ и до «плащаницы» ничего не ѣдятъ. Стараются проводить день въ мирѣ и тишинѣ: «одна женщина, поссорившись съ сосѣдкой, выбранилась и у нея тотчасъ одеревенѣлъ языкъ» (сл. Тар.).

---

27. Страстная суббота.

Утромъ въ субботу ходятъ въ церковь приложиться къ плащаницѣ, не приложившись къ плащаницѣ, нельзя ѣсть. Пекутъ пасхи и жарятъ поросятъ; заканчиваютъ всѣ приготовленія и уборку хаты къ празднику. Посадивъ въ печь пасху идутъ въ огородъ сѣять капустную разсаду, «щобъ вона такъ живо росла, якъ въ печи паска» (г. К., сл. Пар., Св-Л.).

Хозяйки примѣчаютъ, если пасха въ печи поднимется выше формы, спечется высокая, то къ счастію; а если опадетъ, выйдетъ низкая,—въ семействѣ случится какое-нибудь несчастіе.

— Подъ Свѣтлый праздникъ грѣхъ спать на подушкахъ; кто въ эту ночь не спитъ, къ тому въ теченіе всего года не залѣзутъ воры (сл Пр. Кбя).

— Темная ночь подъ Свѣтлый праздникъ предвѣщаетъ хорошій урожай хлѣба. (сл. Ар.).

— «Пидъ Вылыкдень, якъ читають на всюношній, такъ шкарбы (клады) выходять на верхъ земли и горять, якъ свичка, ажъ поки до Христа дочитаютця. Кому случитця побачиты таку свичку, то иды туды

съ страшною свичкою: тры раза копнешъ лопатою и безъ труда возьмешъ шкарбъ» (сл. Св. Л.).

— «А хто хочить буть знахуромъ, то саме, якъ дочитаютця на всюношній до Хрыста, пиды на перехрестну дорогу и тры раза отрычись отъ Хрыста, такъ усе тоби й буде, чого ни захочишъ. А шобъ узнаты, яка баба видьма, такъ дывысь, якъ выйдуть съ корогамы писля того, якъ дочитаютця до Хрыста, воны, видьмы, тоди замокъ, шо церква заперта, цилують,—ото й воны» (Сл. Св-Л.).

---

28. Пасха.

Свѣтлое Воскресенье, Велыкдень, Свѣтлый Праздникъ—радостный день, когда почти поголовно все населіе хуторовъ и слободъ спѣшитъ въ праздничной одеждѣ къ своей приходской церкви за долго еще до перваго удара колокола къ заутренѣ. Сотни возовъ съ дѣтьми окружаютъ церковную ограду снаружи, а внутри ея цѣлая гирлянда изъ разнообразно убраныхъ пасокъ, жареныхъ поросятъ съ хрѣномъ въ зубахъ, окрайцевъ ржаного хлѣба, кусковъ свиного сала, разнаго рода узелочковъ съ пшеномъ, солью, макомъ, и всюду на бѣлизнѣ рушниковъ ярко выступаютъ крашанки. Для освященія приносятся всегда одни только красныя яйца; хотя бы въ домѣ и были приготовлены къ празднику крашанки и другихъ цвѣтовъ: желтаго, зеленаго, синяго, но подъ пасху кладутъ исключительно красныя. Рушникъ, въ который завязываютъ пасху, служитъ единственно для того, чтобы въ немъ носить пасху, ни начто другое онъ не употребляется, за исключеніемъ развѣ случая, когда въ семействѣ бываетъ ребенокъ, страдающій такъ называемымъ, «родимчикомъ», тоже младенческое», тогда во время припадка больного ребенка прикрываютъ этимъ рушникомъ.

По освященіи пасхи, каждый стремится скорѣе добраться домой. По всѣмъ улицамъ, по всѣмъ дорогамъ слышенъ веселый шумъ быстро ѣдущаго и идущаго народа. Самое солнце принимаетъ участіе въ общей радости: оно при восходѣ въ этотъ день играетъ, мѣняетъ свои цвѣта и какъ бы танцуетъ. И даже умершіе грѣшники освобождаются на этотъ день изъ ада и собираются въ домъ Давида (сл. Пг.).

По народному вѣрованію, на первый день Пасхи отверзаются двери свѣтлаго рая, адъ запирается, а мытарства уничтожаются, поэтому каждаго умершаго въ этотъ день душа безпрепятственно идетъ прямо въ рай и вселяется въ обители праведныхъ. Объ умершихъ въ первые три дня святой недѣли крестьяне выражаются такъ: «свята душа! сподобывъ Господь умерты на Велыкдень, удостоивъ свитлого раю и царства небесного».

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одинъ изъ варіантовъ широко распространенной легенды о наказанномъ ангелѣ, такъ какъ въ немъ кромѣ общей идеи о промыслѣ Божіемъ, все устрояющемъ ко благу, въ заключеніе говорится и о томъ, что души умершихъ на Свѣтлое Христово Воскресенье вознеслись вмѣстѣ съ ангеломъ на небо.

— Послалъ Господь ангела взять душу у одной бѣдной вдовы. Ангелъ прилетаетъ ко вдовѣ и видитъ, что она лежитъ больная, а кругомъ ея обсѣли маленькія дѣти и горько плачутъ.

Жаль стало ангелу осиротить ихъ и онъ подумалъ: «неужели Господь осудитъ меня за то, что я сжалюсь надъ этими несчастными малютками». И вотъ полетѣлъ онъ къ сосѣдкѣ бѣдной вдовы, женѣ богатаго бездѣтнаго человѣка, взялъ изъ нея душу и отнесъ ее въ небесныя обители.

Но какъ только явился онъ съ нею на небо, Господь приказалъ другому ангелу возвратить на землю принесенную душу а принести оттуда душу вдовы.

Когда второй ангелъ прилетѣлъ ко вдовѣ, Господь наслалъ въ ея дворъ множество красивыхъ пташекъ которыя стали пѣть и щебетать разными голосами. Дѣти вдовы, заслышавъ пѣніе и щебетаніе птичекъ, бросились къ окнамъ посмотрѣть на появившихся птичекъ, а когда возвратились къ матери, то нашли ее уже мертвою. За ослушаніе Богъ опалилъ крылья первому ангелу и низвергъ его на землю.

Очутившись на землѣ, изгнанникъ неба сталъ обдумывать, какъ жить ему между людьми и чѣмъ заниматься. Наконецъ онъ рѣшился отправиться къ одному сапожнику и поступить къ нему работникомъ. Сапожникъ принялъ ангела, выучилъ его сапожному ремеслу, и ангелъ прожилъ у сапожника три года. Въ теченіе всего этого времени онъ до того скромно держалъ себя, что даже ни разу не засмѣялся.

Но вотъ однажды приходитъ къ его хозяину знакомый богатый человѣкъ и проситъ его сдѣлать сапоги къ извѣстному числу, такъ какъ онъ разсчитываетъ быть того числа на пиру у одного изъ своихъ пріятелей. Сапожникъ обѣщалъ исполнить заказъ къ назначенному сроку. Бывшій при этомъ ангелъ, услышавъ повторенную просьбу богача о срокѣ, усмѣхнулся.

Когда заказчикъ ушелъ, хозяинъ сказалъ своему работнику: «Вотъ ты прожилъ у меня три года, но я ни разу за все это время не видѣлъ, чтобы ты смѣялся, а вотъ сейчасъ, когда я говорилъ съ этимъ человѣкомъ, что заказалъ себѣ сапоги, ты усмѣхнулся. Скажи же мнѣ, чему ты усмѣхнулся?» Ангелъ отвѣчалъ: сказать то можно, но только послѣ того мнѣ

уже нельзя будетъ у тебя жить. Этотъ отвѣтъ еще сильнѣе возбудилъ любопытство сапожника, и потому онъ сказалъ: «хотя мнѣ и жаль лишиться такого хорошаго, какъ ты, работника, да все таки я желаю знать причину твоего смѣха: за три года ни разу не улыбнулся, а тутъ на!— въ первый разъ видитъ и слышитъ человѣка и смѣется!?» Тогда ангелъ открылъ сапожнику о себѣ, кто онъ и за что сосланъ на землю, а потомъ сказалъ, что усмѣхнулся потому, что человѣкъ, заказавшій имъ сапоги и твердившій, чтобы сапоги непремѣнно были готовы къ назначенному сроку, самъ не доживетъ до этого срока. Какъ ангелъ сказалъ, такъ и случилось: сапожникъ, явившись въ домъ заказчика къ назначенному дню съ готовыми сапогами, засталъ лишь тѣло знакомаго на столѣ, а возвратясь къ себѣ домой, не нашелъ и работника.

Отъ сапожника ангелъ отправился къ одному благочестивому священнику и нанялся къ нему также въ работники съ условіемъ, чтобы ему позволяли въ каждый праздничный день ходить въ церковь. Здѣсь, у священника, ангелъ прожилъ четыре года; работалъ усердно, ходилъ въ церковь исправно, но и у священника, какъ прежде у сапожника, за всѣ четыре года ни разу не засмѣялся. Но вотъ однажды, стоя въ церкви, увидѣлъ онъ, что туда вошелъ молодой, прилично одѣтый, человѣкъ вмѣстѣ съ молодою, богато одѣтою, дѣвушкою, увидѣлъ ихъ ангелъ и свѣтло улыбнулся. Священникъ замѣтилъ эту улыбку на лицѣ своего всегда печальнаго работника и, когда вышли изъ церкви, сталъ допрашивать его, почему онъ засмѣялся, при видѣ двухъ молодыхъ людей, вошедшихъ въ церковь. Ангелъ сказалъ и священнику то же, что и сапожнику: «если я открою причину своей улыбки, то долженъ буду уйти отъ васъ». Но и священникъ, подобно прежнему хозяину, не въ силахъ былъ преодолѣть своего любопытства, а потому настаивалъ, чтобы работникъ открылъ ему свою тайну. Тогда ангелъ разсказалъ о себѣ все: и кто онъ и за что наказанъ Богомъ, и кто тѣ молодые бывшіе въ церкви люди и почему при видѣ ихъ онъ улыбнулся. То были двое изъ числа тѣхъ, какъ онъ думалъ, несчастныхъ сиротъ, изъ сожалѣнія къ участи которыхъ онъ дерзнулъ ослушаться воли Божіей, за что и терпитъ теперь должное наказаніе, въ то время какъ они по всемудрому промыслу Творца живутъ безъ матери лучше, чѣмъ жили бы при ней. Выслушавъ исповѣдь ангела, священникъ сказалъ ему: «Если ты дѣйствительно ангелъ, то спой мнѣ ангельскую пѣснь». На это ангелъ отвѣчалъ: «теперь Великій постъ, вотъ наступаетъ Страстная недѣля,—предложи желающимъ изъ твоихъ прихожанъ ничего не ѣсть отъ Чистаго четверга до Свѣтлаго Христова Воскресенья, тогда только я могу запѣть въ церкви ангельскую пѣснь, а они

услышать ее. Священникъ сказалъ объ этомъ своимъ прихожанамъ и желающіе поститься, конечно, нашлись. Вотъ и канунъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, вотъ и полночь и крестный ходъ начинается вокругъ церкви; тогда ангелъ сказалъ, чтобы всѣ постившіе отъ четверга остались въ церкви. И когда всѣ люди за исключеніемъ ничего неѣвшихъ отъ четверга, вышли изъ церкви, ангелъ запѣлъ ангельскую пѣснь и, по мѣрѣ того какъ онъ пѣлъ, у него выростали за плечами крылья: выше и выше неслась его пѣснь, а вмѣстѣ съ нею все выше и выше поднимался и онъ самъ, унося съ собою на небо и души всѣхъ остававшихся съ нимъ въ церкви (сл. Араповка. Зап. уч. М. Скубакъ).

«На Велыкдень, якъ дочытуютця до Хрыста, такъ иде, або сынъ, або дочка, або жинка до чоловика хрыстоскатьця на кладовище съ покойныкомъ и говорыть трычи: Хрыстосъ воскресе! Потимъ у могилу закопуе крашанки стики, скики прынесе, а вже на другый день празныка, на Богородыцю, иде упъять на кладовыще, откопуе и роздае дитимъ. Якъ то вси крашанки цили, такъ значить душа покійныка угодна Богови, а якъ то собаки, або хто другый, ихъ поодрыва и не вси будуть, такъ значыть душа не вгодна Богови и незвисно, чымъ помогты тій души» (сл. Кр.). Однако такъ поступаетъ незначительное меньшинство; большинство же крестьянъ спѣшитъ изъ церкви прямо домой, чтобы поскорѣе разговѣться, а затѣмъ уже, разговѣвшись дома, отправляются и на кладбище, чтобы похристосываться тамъ съ покойниками. Когда принесутъ домой пасху и поставятъ ее на столъ, старшій въ семьѣ развязываетъ рушникъ, осматриваетъ всю пасху въ особенности же шишку на ней, не найдется ли волоска или шерстинки, потому что по цвѣту найденной на нихъ шерстинки заключаютъ, какой масти скотъ будетъ ко двору. Предполагается, что и на домовомъ шерсть такого же цвѣта и что онъ любитъ лошадей и скотъ своей масти. Шишка и узелки съ пшеномъ, макомъ, ладономъ, солью, перцемъ, а иногда, если бываютъ, сверхъ того иголка, кусокъ точильнаго бруска, что косы точатъ, и щепка съ отверстіемъ, дыркой, отъ выпавшаго сучка,—все это отдается хозяйкѣ на храненіе, потому что все это въ хозяйствѣ «згидливе», нужно. Самъ же хозяинъ беретъ и рѣжетъ на кусочки сперва просфору, потомъ окраецъ ржаного хлѣба, далѣе кусокъ сала, отрѣзываетъ отъ пасхи часть и разрѣзываетъ ее на куски по числу членовъ семьи, очищаетъ и рѣжетъ пополамъ крашанки и отрѣзываетъ куски отъ поросенка, затѣмъ всѣхъ одѣляетъ, начиная съ просфоры, а все оставшееся ставится на покуть и прикрывается рушникомъ. Всѣ съѣдаютъ сперва по кусочку просфоры, потомъ по кусочку ржаного хлѣба съ саломъ, а затѣмъ уже

ѣдятъ пасху, яица, поросенка и наконецъ, обѣдаютъ. Предъ ѣдою, перекрестившись, хозяинъ обыкновенно благодаритъ Бога за то, что онъ удостоилъ присутствующихъ дожить до пасхи, и выражаетъ пожеланіе дождаться и слѣдующей, при чемъ прибавляетъ: «ныхай лыгенько згадается нашимъ родытылямъ, родычамъ и всымъ прыятылямъ», не прибавляя къ слову «родытылямъ» слова «помершимъ», хотя его родители уже покойники, потому что, по народному представленію, въ этотъ день всѣ живы и умершіе слышатъ, что говорятъ ихъ дѣти (х. М.). По окончаніи обѣда пасху и все «свячене» ставятъ па столъ. Такой порядокъ соблюдается три дня. Спать послѣ обѣда въ этотъ день грѣшно; другіе поясняютъ, что въ этотъ день Спаситель съ своими учениками развозитъ людямъ счастье, а поэтому, заснувшій можетъ проспать свое счастье-долю. Существуетъ также убѣжденье, чдо въ теченіе 40 дней, отъ Пасхи до Вознесенія, Іисусъ Христосъ съ апостолами ходитъ по землѣ въ видѣ нищихъ или странниковъ, а потому въ теченіе этого времени не должно никому отказывать въ подаяніи.

— Желающему увидѣть свою Долю совѣтуютъ, разговѣвшись на первый день Пасхи, выйти за ворота съ освященной крашанкой въ рукахъ,—первый показавшійся и попавшійся на глаза человѣкъ и есть Доля.

— Все съѣдомое «свячене» слѣдуетъ хорошенько прятать отъ мышей, такъ какъ у мыши, съѣвшей кусочекъ чего-нибудь изъ освященнаго на Пасху, тотчасъ выростаютъ крылья, и она становится летучею мышью, то есть, кажаномъ. А какъ около церкви всегда остаются крошки послѣ освященія пасокъ, то вотъ и объясненіе, почему на церквахъ и колокольняхъ водятся кажаны. Если крестьянину случится поймать кажана, то, убивъ и засушивъ, стираетъ его въ мелкій порошокъ. Этотъ порошокъ употребляется отъ лихорадки, также даютъ его лошадямъ, «закармливаютъ», чтобы лошади были жирны.

Встрѣчается повѣрье, что на Свѣтлый праздникъ слѣдуетъ ѣсть только одни свяченыя яица. «Якъ хто исть на Велыкдень не освячени яйца и стико зъйсть ихъ, то стико й побаче за лито гадюкъ, и треба ихъ боятыся тому чоловику, а то воны укусять его, а винъ и умре тоди» (хут. М.)—Будетъ вонять изо рта (г. К.)

— Скорлупки освященныхъ крашанокъ и кости пасхальнаго поросенка сберегаютъ и употребляютъ какъ врачебное средство: «скорлупки свяченыхъ яичокъ бережуть: якъ роспухпе вымя у коровы, то ими пидкурюють и проходе; молоденькихъ гусятокъ и курятокъ пидкурюють, якъ хто погладе; пидкурють й квочокъ, шобъ воны изъ усихъ яицъ

вывелы курчатъ; якъ нападе на чоловика бишиха або пропасныця, то пидкурують и чоловика» (сл. Н.-Н).

— Когда корова пачнетъ плохо доиться, вслѣдствіе предполагаемой порчи вѣдьмою, то берутъ небольшой черепокъ, кладутъ туда жару (горячихъ угольевъ), а на жаръ скорлупокъ освященныхъ крашанокъ, кости пасхальнаго поросенка, прутки священной вербы, воску отъ страстной свѣчи, кусочки мѣла, которымъ писали кресты подъ праздникъ Богоявленія и херувимскаго ладону, и всей этой смѣсью подкуриваютъ корову и при этомъ читаютъ молитву Господню три раза (сл. Кбл.).

— Освященнымъ макомъ и пшеномъ осыпаютъ отелившуюся корову, при чемъ приговариваютъ; «хто буде сей макъ збыраты, той буде сиру, гниду (смотря по масти коровы) корову зъйдаты». Это дѣлается для того, чтобы никто «не наврочивъ, не зглазывъ коровы». А для того, чтобы «первистци» (корова съ первымъ телкомъ) не доила вѣдьма, для этого просверливаютъ у коровы правый рогъ тонкимъ буравчикомъ, въ отверстіе насыпаютъ священнаго маку, пшена, скорлупы яицъ и затѣмъ забиваютъ колышкомъ изъ квичальной осины. Говорятъ, что лиха личина (чертъ), помогающая вѣдьмамъ доить коровъ, придерживая послѣднихъ за рога, не посмѣетъ уже тогда къ нимъ прикоснуться. Когда телокъ при коровѣ, вѣдьма не можетъ подоить ее; по этому принято на Свѣтлый Праздникъ и на всѣ дни заговѣнъ телковъ отъ коровъ не отлучаютъ, такъ какъ въ эти по преимуществу дни вѣдьмы и являются доить коровъ. Добавлю, кстати, когда корова станетъ давать значительно меньше, противъ нормальнаго количества, молока, то привязываютъ на веревку кусокъ ржаного хлѣба и ночью, когда уже всюду спятъ, идутъ къ колодцу, опускаютъ въ него на веревкѣ кусокъ хлѣба, приговаривая при этомъ: «якъ ся крыныця прибавля воды, такъ шобъ и паша сира корова прыбавыла молока». Затѣмъ эту краюху хлѣба даютъ съѣсть коровѣ. (г. К., сл. Ар. Пп).

— Когда корова отелется, даютъ ей размоченные въ водѣ и посыпанные освященной солью кусокъ пасхальной шишки и окрайчика ржаного хлѣба, что освящался съ пасхой (г. К., х. М.).

— Если у коровы гдѣ нибудь на тѣлѣ появится опухоль, то ее подкуриваютъ сказанными шишкой и окрайчикомъ хлѣба (г. К., сл. Пн. Дв.).

— Освященнымъ макомъ посыпаютъ вылупившихся цыплятъ, утятъ и прочую домашнюю птицу, чтобы никто ихъ не сглазилъ, а освященнымъ пшеномъ закармливаютъ цыплятъ. (г. К., сл. Св. Л.).

— Даютъ жевать пшено дѣтямъ отъ тошноты, а взрослымъ на водѣ отъ желудочныхъ спазмъ (г. К.).

— Освященнымъ галуномъ (квасцы) присыпаютъ язвы на тѣлѣ (г. К.), а нагрѣтымъ брускомъ придавливаютъ опухшее у коровы вымя (сл. Вб. Св.-Л., Н. Н., Пи.).

— Льютъ по каплямъ чрезъ отверстіе въ освященной щепкѣ воду и потомъ этой водою промываютъ глаза у людей, больныхъ такъ называемой куриной слѣпотою, или предлагаютъ этимъ больнымъ смотрѣть при восходѣ и закатѣ солнца на солнце въ ушко освященной иглы (г. К., сл. Пря., Н. Н.).

— Молодые люди, женихи и невѣсты, носятъ освященную иглу въ платьѣ, закалывая ее на груди или на спинѣ, но непремѣнно вверхъ жаломъ (г. К., сл. Н. Н., Св. Л.), чтобы никто не сглазилъ.

— Освященное сало дается скоту и свиньямъ, когда у нихъ заводятся черви,—черви всѣ выпадаютъ; этимъ же саломъ смазываются язвы у рабочаго скота на шеѣ (г. К.).

— Кто на свѣтлый праздникъ поправитъ крестъ на могилѣ, тому прощается самый тяжкій изъ грѣховъ, поэтому нѣкоторые въ этотъ день поправляютъ на кладбищахъ ветхіе кресты.

— Во время заутрени крадутъ чью-нибудь палку и потомъ бросаютъ ее въ голубятникъ: голуби будутъ хорошо водиться (сл. Бор.).

На Свѣтлый праздникъ въ однихъ селеніяхъ тотчасъ послѣ заутрени, въ другихъ—разговѣвшись, ходятъ преимущественно небольшіе мальчики поздравлять съ праздникомъ, причемъ говорятъ и вирши за что чаще всего получаютъ красное яйцо.

Пасхальныя вирши.

1.

Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!
Христосъ воскресъ! и насъ вознесъ:
Тамъ пташки литали,
Весело спивали,
Не мы будемъ спивать,
Христа звеселять
Будьте здоровы, съ праздникомъ
Воскресеньемъ Христовымъ (сл. Кбя Пря).

2.

Христосъ воскресъ!
За насъ вознесъ,
Не самъ собою
Души къ покою.
А ты, мате, не плачь, не рыдай,
Свого Сына зъ гроба не копай:
Твой Сынъ воскресъ,
Намъ радость принесъ.
Мы радость принимаемъ,—
Васъ съ праздникомъ поздравляемъ
(сл. Гус.).

A.

Христосъ воскресъ!
На насъ вознесъ
Самъ собою
Вишный покою.
Анголы литають,
Весело спивають,
И я веселюся,
Христу поклонюся (г. К., сл. Дв.).

3.

Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!
Христосъ воскресъ! Не самъ вознесъ,
Не самъ собою души упокою:
Попавъ за наши муки
Христосъ жидамъ у руки.
Сталы Его быты, кататы,
На крести распынаты.
Дива Марія пидъ крестомъ стояла,
Плакала й рыдала,
Своего Сына возлюбленого величала:
Сынъ мій возлюбленый, якого дня
Устанешъ ты изъ гроба?
Третьяго дня.
Ангелы це чулы, сталы піяты,
Намъ раду казаты.
Мы цій рады давно желаемъ
И васъ съ праздникомъ Св. В. поздравляемъ (сл. Кбя).

4.

Христосъ воскресъ: радъ мыръ увесь,—
Дождалыся паски, Божой ласки.
Теперъ всякъ найвсякъ въ смакъ
Свяченои паски.
Вси гуляють, восхваляють
Воскресшаго Бога,
Авжежъ тая намъ до рая
Протерта дорога.
Злыи дуси, якъ ти муси
Вси воны послызлы:
Знавъ Исусъ въ пекло покусъ,
Щобъ хрыстіянъ ны грызлы.
А смерть люта, иго намъ пута
Вельми докучала,
По очеретахъ, по болотахъ
Бижуче крычала.
Хай суцига теперъ бига,
Якъ шалена зъ ляку. (г. К.).

5.

Христосъ воскресе!
Царей, царей, другъ людей,
Жертва злобы, вставъ изъ гроба,
Жизнь разлилъ.
Торжествуй и ликуй,
Тварь земная, воспѣвая
Богу силъ.
Богъ боговъ, царь вѣковъ
Всѣхъ отрада, жало ада
Притупилъ,
И рабовъ злыхъ духовъ
Царь вселенны отъ геенны
Свободилъ.
Золъ вину—сатану,
Смерти брата, супостата
Низложилъ;
И сей духъ нынѣ вдругъ
Тронъ надзвѣздный въ бездну бездны
Уронилъ.
Рушивъ адъ, въ рай преградъ
Богъ Спаситель, Искупитель
Нашъ лишилъ,

И въ эдемъ, людямъ всѣмъ
Недоступный, онъ пріютный
Путь открылъ.
Наконецъ Богъ отецъ,
Всѣхъ сзывая, двери рая
Растворилъ.
Торжествуй и ликуй
Тварь земная, воспѣвая, прославляя
Богa силъ (г. К.).

6.

О высносни и вылыки Хрыстосъ тырпивъ муки,
Якъ Его жиды взялы въ бизбожни свои руки;
И тяжки Ему муки завдавалы:
За власа тягалы и бычувалы,
И трость на глави Его ломалы,
Терновый винецъ на главу Ему возложилы,
Руци и нози къ древу гвоздямы прыбылы.
Руци и нози Его къ древу прыбыша
И остамы съ желчью Его напоиша.
Хрыстосъ въ вылычайшемъ своимъ мученьи
Изглаголаша всимъ свое изрѣченіе:
«Совершися! Отче, тоби предаю духъ мой!»
Потимъ умре, испустя Отцу небесному духъ свой.
Единъ изъ воиновъ въ ребро копіемъ Хрыста прободе,
И изъ раны Его кровь и вода истече.
Смертъ Спасытеля и мученье открылыся:
Сонце и мисяць на тры часа затмылыся,
Завѣса церковная во храмѣ надвое раздрася,
И въ градѣ томъ цилый день земля тряслася.
Де прычистая Дива при Хрысти стояла
И жалостнымъ плачемъ до Его взывала:
Увы мнѣ, надежда моя, сладчайшій Сыне мой!
Увядаю я серцемъ и душою, Боже мой!
Како злодѣйскимъ судомъ чадо мое осуждено
И неправедно на крестѣ пригвождено.
О страшное сіе видѣнье и слышаніе:
Чрезъ насъ грѣшныхъ Хрыстово страданіе.
Хрыстосъ воскресъ, крестъ претырпивый въ гробѣ пребывый,
Смертью своею всихъ вирныхъ одъ ада свободывый.
Я вамъ радость сію возвищаю
И васъ съ празныкомъ В. Хр. поздравляю. (г. К.).

7.

О несносныя и великія Христосъ терпѣлъ муки,
Когда Его въ саду взяли безбожные жиды въ руки.
Брали Его, вязали, въ глаза Ему плевали,
По ланитѣ ударяли, за власы терзали,

На крестѣ съ разбойниками распинали.
Мать Его подъ крестомъ стояла,
Горькими слезами рыдала:
О, сыне мой, сыне! очей моихъ свѣте!
О, кресте, кресте! на тебѣ царя распяли,
На тебѣ царь небесъ умираетъ.
Звѣзды и солнце въ страхѣ свѣтъ свой скрываютъ,
Вся земля восклицаетъ;
Мертвые встаютъ, къ Тебѣ припадаютъ,
Своимъ избавителемъ Тебя называютъ.
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!
Адъ трепещетъ, а мы въ восторгѣ восклицаемъ:
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!
И съ праздникомъ Воскресеньемъ Христовымъ поздравляемъ (г. К.).

8.

Во святомъ было во градѣ во Іерусалимѣ,
На позорномъ лобномъ мѣстѣ, на горѣ Голгоѳѣ,
Безглаголенъ, обезчещенъ Іисусъ, Сыне Божій,
Весъ въ кровавыхъ язвахъ на крестѣ былъ распятъ.
Тутъ стояла Дѣва-Мати, плакала, рыдала,
Сокрушалась и терзалась о своемъ любезномъ Сынѣ:
«Ахъ ты, Сынъ, моя надежда, Іисусъ, Сыне Божій!
«Гдѣ архангелъ, кой пророчилъ, что Царемъ ты...
«Я всего теперь лишилась: я теперь безчадна...
«Бейся, сердце, сокрушайся и утроба вся терзайся!»
Со креста узрѣвъ Сынъ Божій плачущую Мать,
Услыхавъ Ея рыданья, тако проглаголалъ:
«Не рыдай Мене, о, Мати, и отри потокъ ты слезный,
«Веселися ты надеждой: я воскресну,
«Царемъ буду надъ землей и небомъ;
«Я тебя тогда прославлю
«И тѣхъ вознесу со славой, кто Тебя возвеличитъ. (г. К. сл. Бѣловодскъ, Староб. у.).

9.

Пророки пророчили за тысящу лѣтъ,
Другіе сказали за триста годовъ,
Во пятой во тысящи, въ пяти стахъ годахъ
Рожденье, мученье Исуса Христа.
Во мартѣ, во мѣсяцѣ, во послѣдмихъ дняхъ
Въ Страстныя нядѣли во пятишной день,
Плакала-рыдала Святая Дѣва
Во святомъ во градѣ Іерусалимѣ
При ней были три мироносицы жены.
На сустрѣчу имъ грядутъ два жида.
Восплакала, вопросила Святая Дѣва:
«Гдѣ вы, жиды, были, куда грядете?»

— А мы били-мучили Исуса Христа,
— Бивши-мучивши, въ темницу всадили,
— Въ шестомъ часу въ пятницу распяли Его,
— Въ ноги и во длани прибиша гвоздями,
— Вѣнецъ наложиша на главу Его,
— Мученья и ранъ Его не можно исчислить:
— Копіемъ пробиша Исуса ребро,
— Земля обогрѣлася отъ крови Его
Услышала глаголы ихъ Святая Дѣва,
Ударьлась о землю, едва бысть жива:
«Увы, мать-сыра земля, возьми мя къ себѣ!
«Сыне мой любезный, надежда моя,
«Почто не послушалъ матери своей
«Нынѣ сердце мое все терзается.
«Суставы и плоти разсыпаются,
«Кровію уста мои закипаются
«Почто оставляешь едину мя здѣ?
«Вкупѣ бы вкусила съ Тобою горькую я смерть.
«Кто нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ мя слезъ?»
«Со страха великаго и со ужисти
«Скрылися-бѣжали апостоли вси,
«Едину оставили плакати мене
«Кто мнѣ нынѣ, Сыне, поможетъ въ слезахъ?»
Господь проглагола къ Матери своей:
«Любезная Мать моя, не плачь обо мнѣ».
«Плачьте, стоните, небо и земля!
«Плачьте, рыдайте, рѣки и моря!
«Плачьте, стоните, солнце и луна!
«Плачьте, стоните, вдовы, сироты,
«Наставникъ - учитель покинулъ всѣхъ васъ,
«Сыне мой любезный, надежда моя,
«Волею пойде на крестную смерть».
Господь проглагола къ Матери своей:
«Любезная Мать моя, не плачь обо мнѣ:
«Въ третій день воскресну и прославлю Тебе,
«Радость и веселье — не будетъ конца. (Сл. Н-Н.).

10.

Кажуть будто, молодыци — лыдащици,
Вси пужлыви, якъ зайци, ажъ не правда панотци.
Глядь, Марія среди ночи изовсій пустылась мочи
Плакаты на гробъ Христовъ, на Голгофу межъ кустовъ.
Поздырала соби ноги, ны боялась сынагоги,
И напала тамъ Христа, Винъ же ій сказавъ спроста:
«Ты чого, Маріе, плачешъ? Я уже воскресъ, якъ бачешъ».
Пусть жиды на путь крычать, що нарушена пичать:
Сторожамъ далы плату, щобъ брыхалы такъ Пилату,
Будто змигъ ихъ крипкый сонъ, а Христа унисъ хтосъ вонъ.
Нить, Христосъ бувъ па работи, насъ избавивъ отъ заботы,

Уже пекло погасывъ, и Адама воскресывъ.
Куца сатана почула, шо и смерть уже заспула,
И Адамъ сміяцця ставъ, зъ Моисеемъ засвиставъ.
Прыбигають ко Арону здилать справку по закону,
А Аронъ очки надивъ и въ скрыжали поглядивъ,
Поглядивши засміявся, бо винъ заразъ догадався,
Що уже воскресъ Христосъ. Въ землю потупывши носъ,
Выбилъ на некельну браму, ажъ Христосъ иде къ Адаму.
Брама впала передъ Нымъ, муръ розсыпався, якъ дымъ;
Смерть лыжала у кусточку, рвала на соби сорочку,
Надулася и сопла и на Бога шось несла.
Куцый збигався изъ ляку: круто стало небораку,
Заразъ пекло погасывъ, а Христосъ его спросывъ:
«Де старенька баба Ева, шо кислычку зъила зъ древа?»
Куцый кочергу узявъ и все въ пекли помишавъ:
Еву вынули изъ печи, обгорилы въ неи плечи,
А за нею и Адамъ, весь испеченый и самъ
Бидныхъ бачивши всю кару, шо спеклыся вси одъ жару,
Зъ голоду запавъ живитъ, задъ нагайкамы побытъ,
Адамъ слизамы облывся, Христу до нигъ поклонывся,
Горько, горько зарыдавъ и на Еву поглядавъ
Христосъ взявъ его за руку и сказавъ: «такую муку
Ты, Адаме, забывай, та иды пряменько въ рай»!
Тутъ далы вси съ пекла драла,
Ева на вси жилы брала,
А Адамъ ажъ употивъ, що попереду лытивъ.
И тоди велыку зграю провелы воны до раю:
Тутъ и богатырь Самсонъ, що ласенькый бувъ на сонъ,
Наробывъ по пеклу трусу, крыкнувъ Навыну Исусу,
Щобъ винъ сонце задержавъ, самъ затрясся, задрожавъ.
Чувши це Мусій зъ рогамы тупнувъ, якъ солдать, ногамы,
Що симтянъ потопывъ, самъ за море ухплывъ.
Вси 14-ть тысячъ дитей вышлы, А Илья лытивъ при дышли,
Елисею давъ жупанъ, щобъ пырыйшовъ на Іорданъ.
Царь безъ племени и роду йхавъ верхи до народу.
А за нымъ святый Ахветъ нисъ шаблю и мушкетъ.
А Исавъ казавъ Исаку: «забувайте стару драку!»
Тутъ же за руки взялысь и до раю потовклысь.
На дорози встрилы Лота, ажъ валила пина зъ рота,
И той чеше въ райскій садъ невоглядкою назадъ

Ной старенькій пидтоптався, вы-
пывъ съ трудовъ тай заспався,
А премудрый Соломонъ выгляда изъ
раю вонъ (зазвонывъ у райскій
звонъ).
Затряслося въ раю было, що ажъ
Ною досадыло,
Пробудывся старый дидъ, ажъ тутъ
клычуть на обидъ,
Косо поглядивъ на Хама, тай по-
тягъ до Авраама,
Тамъ засунувся за стилъ, прыея-
брывся та и сивъ.
Тутъ далы по чарци пыва, а Да-
выдъ наче на дыво
Прыударывъ въ гусли такъ, що
скакать хотивъ усякъ.
Сара кинула и ложку, размахала
свою ножку,
А за нею и Рахиль, Лія кинулась
въ постиль,
Протырала свои очи; а Ревека зу
всій мочи
Понеслася гопака, а Сусанна изъ
садка
На долыну поглядила и на танецъ
полытила;
А красывая Есфирь красну вы-
няла псалтырь,
Предъ Давыдомъ развернула и за-
грать ему шепнула...
Ажъ до алтаревыхъ рогъ, де пред-
сыдыть вичный Богъ.
Тутъ и бабы, тутъ и внуки вси
побралыся за руки,
Заплылыся въ хороводъ: «слава
Богу въ родъ и въ родъ!»
Ны здывуйсь, святый владыко,
може для тебя и дыко,
Що я виршу такъ сказавъ, та ще
пысанки ны взявъ,—
Ны затымъ шо поскупывся, а на
гарну ны разжився,
А погану стыдно несть,—сю я
знаю трохи честь.
Ни пригожа наша мова, колы
брешемъ хочъ пивслова,
Озьмы серце розверны,—есть брех-
ня, такъ заверны. (г. К., сл. Тар.,
П., Александровка, Староб. у.).

На Свѣтлое Воскресенье, пойдя въ церковь къ заутренѣ во всемъ новомъ, въ первый разъ надѣтомъ, можно увидѣть тамъ и вѣдьму съ дойницей на головѣ и черта, стоящаго задомъ къ алтарю (х. М.).

Хотя на Свѣтлый праздникъ всѣ крестьяне, отъ мала и до велика, радостно стремятся къ церкви, но и при такомъ всеобщемъ влеченіи къ церкви, малорусскій раціонализмъ не преминулъ напомнить, что внутреннее благочестіе важнѣе внѣшняго публичнаго его выраженія, приводя въ примѣръ случай съ старикомъ, никогда не посѣщавшимъ церкви. Сущность содержанія легенды такова:

Жилъ хорошій хозяинъ, почтенный старикъ, жилъ со всѣми мирно, не пьянствовалъ, ни съ кѣмъ не бранился и не ссорился, бѣднымъ помогалъ, милостыню подавалъ,—совсѣмъ хорошій человѣкъ, да вотъ странность: въ церковь никогда не ходилъ, однако дома молился, что знали

и свои и чужіе. Сосѣди удивлялись его поведенію, а молодежь стала даже смѣяться надъ внуками старика, обзывая дѣда ихъ «бузувиромъ», «нехрыстомъ». Дѣти не разъ съ плачемъ выговаривали старику, что черезъ него, изъ-за него имъ нельзя и на улицу показаться. Догло крѣпился старикъ, наконецъ не выперпѣлъ: пошелъ на Свѣтлый Праздникъ къ заутрени въ свою слободскую церковь. Тамъ онъ видѣлъ, какъ чертъ записывалъ на лошадиной кожѣ грѣхи людей, а на возвратномъ пути изъ церкви старикъ этотъ, при переходѣ черезъ рѣку, замочилъ подошвы сапогъ, между тѣмъ какъ, шедши въ церковь, перешелъ черезъ рѣку по водѣ, какъ по льду. (г. К.).

Второй день Пасхи называется «Богородица», а третій «Тройца». Христосуются обыкновенно при встрѣчахъ до Вознесенія, но обычай этотъ уже не строго соблюдается не говоря уже о молодежи, но даже и пожилыми.

— Если на второй день Пасхи будетъ сухая и ясная погода,— лѣто выйдетъ сырое, дождливое.

Отъ Пасхи до Вознесенія вечера считаются святыми и крестьянки, поэтому часовъ съ 4-хъ пополудни не работаютъ, а собираются на «юлыцю», гдѣ и ведутъ бесѣды. Многіе вѣрятъ, что отъ Великодня до Вшестья ходятъ не только Христосъ съ апостолами, но и души всѣхъ умершихъ, посѣщая хаты, какъ днемъ, такъ равно и ночью. Другіе же убѣждены, что по ночамъ бываютъ въ хатахъ Богородица и ангелы-хранители, а поэтому каждая хозяйка всегда на ночь подметаетъ въ хатѣ. (г. К., сл. Св-Л.. Кбя, Пря, Дв.).

— Въ теченіе всей Свѣтлой недѣли (Великодній ныдили) не выбираютъ изъ печей золы, а выбираютъ ее сразу на Проводы и потомъ этой золою посыпаютъ разсаду и капусту, чтобы не заводилась на нихъ зиля (попильнуха) и блошакъ.

Проводы.

Проводами называется поминовеніе умершихъ, совершаемое въ понедѣльникъ, а иногда, и во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Въ эти дни, по окончаніи литургіи въ церкви, служатся панихиды на кладбищѣ на родовыхъ могилахъ, вокругъ которыхъ и располагаются, по окончаніи панихиды, всѣ пришедшіе помянуть своихъ покойниковъ. Могилы къ проводамъ приводятся въ порядокъ, обкладываются зеленымъ дерномъ, посыпаются пескомъ; кладутъ на нихъ и букеты или вѣнки весеннихъ цвѣтовъ.

— Существуетъ повѣрье, что на Проводы, въ ожиданіи прихода священника, всѣ покойники сидитъ на своихъ могилахъ и читаютъ поминальницы, а когда придетъ священникъ и начнется панихида, тогда и они присоединяются къ молящимся (сл. Пря.).

— Нѣкоторые «якъ поминають покойныкивъ, та выльють тры чарки горильки на могилу, шобъ и покойныки тамъ покуштовалы, и зокопують въ могилу яйця, шобъ покойныки розговились», большинство же только закапываютъ въ могилу яйца, а, вмѣсто водки, иные выливаютъ на могилу канунъ.

— Начиная закусывать, говорятъ: «Дай, Боже, царство переславущимъ душамъ», или: «Царство небесне, вичный покій,—дай вамъ, Боже, легко лежаты и Христа въ очи выдаты», или же: «нехай надъ вамы земля перомъ». А за водкой: «дай, Боже, намъ на свити пожиты».

Поминовеніе на могилахъ совершается вообще тихо, благопристойно: ведутся приличествующіе мѣсту и обстоятельствамъ разговоры, кое-гдѣ слышится плачъ и причитываніе, но все безъ крика и, такъ сказать, чинно. Не то бываетъ по возвращеніи съ кладбища вечеромъ въ слободѣ, когда старики, бабы и молодежъ, разбившись на особые кружки, заканчиваютъ поминки усиленно налегая на водку. Тогда за плачемъ не рѣдко слѣдуетъ пляска, а за объятіями и поцѣлуями—драка, послѣ которой мировая заключается въ шинкѣ.

На проводы справляютъ поминки объ умершихъ естественною смертью, душъ же самоубійцъ въ этотъ день нельзя поминать. Иные полагаютъ,—какъ это видно изъ слѣдующаго разсказа,—что этихъ погибшихъ душъ даже грѣшно поминать.

«Жила жинка; у неи була одна дочка, дивка, своею смертью вона не вмерла, а повисылась. Маты сыльно плакала за нею, шо нилзя іи помынаты. Отъ и стала вона просыты Бога, шобъ ій хочь у сни побачыты іи. Дочка не явылась у сни, а явывся нѣкоторый старыкъ и сказавъ: «Ны плачь, а то и сама зъ нигъ звалыся; ты собырысь на обидъ, та тики не зовы соби никого на помигъ, бо якъ станешъ поратыся сама коло печи, такъ ни съ кимъ тоби буде лыхословыты. Якъ напечешъ и наварышъ усякои стравы, та мазатымешъ горячи пырижки, такъ отхылы двери и тоди побачишъ свою дочку: вона прыйде до тебѣ въ тимъ наряди, въ якому була жива». Якъ казавъ, такъ и зробылось: тильки шо ввійшла въ хату дочка, а тутъ шось якъ застука на горищи, а маты и скажи: «шо воно, дочко, товчетьця, якъ головко, (чертъ) въ погриби?» А дочка и каже: теперь же вы, мамо, мене бильшъ не побачете, а шо вы кажете, такъ то гришни души пару хватають (утопля-

ныки, вишалныки, ризалныки), тымъ воны тики и пытаютця. А теперь вы, мамо, усе те, що напыклы, та наварылы, хочь и собакамъ оддайты: уже вы согришилы,—ваше не приметця». (сл. Кругл.).

— На проводы души грѣшниковъ, находящіяся въ аду, видятъ рай, потому что на этотъ день адское пламя поднимается вверхъ и рай появляется предъ глазами грѣшныхъ душъ (сл. Бар.).

Веснянки.

Съ масляницы начинаютъ пѣть весеннія пѣсни, иначе веснянки. Праздникомъ «козла» и открывается рядъ веснянокъ, въ которыхъ обрысовываются взаимныя отношенія двухъ половъ, изображается стремленіе молодежи другъ къ другу и будущая семейная ихъ жизнь. Въ сборникѣ «Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ» нами приведена нѣсколько пѣсенъ, распѣваемыхъ молодежью, когда «козла» водятъ, но мы сочли нелишнимъ дать и здѣсь мѣсто варіантамъ нѣкоторыхъ изъ числа помѣщенныхъ въ сказанномъ сборникѣ пѣсенъ.

Въ слободѣ Араповкѣ дѣвушки, одѣтыя въ новыя свитки и всѣ подпоясанныя красными поясами, собравшись на ровномъ мѣстѣ за слободою, берутся за руки и выстраиваются въ одну шеренгу. Затѣмъ, начиная сь конца, пробѣгаютъ подъ руками двухъ первыхъ дѣвушекъ, не разрываясь, одна за другой, при чемъ послѣднія перекруживаются, выворачиваясь подъ своими руками. Въ такомъ порядкѣ совершается движеніе и по улицамъ слободы. Увлекая одна другую все впередъ и впередъ, всѣ поютъ, точнѣе сказать: всѣ кричатъ:

1.

Черную чернушку, зеленую петрушку,
Да ладо, ладо,—петрушку.
Та вловымъ козла за рижокъ,
Та поведемъ козла на торжокъ,
Та продамо за рубля,—
Пришла додому загула:
Дешево козла продала.
Та булобъ браты сто рублывъ,
Та купиты сто конивъ,
Та вспахаты все поле,
Та сіяты все ячминь:
Старымъ бабамъ на кисиль,
Та варыты все пыво:
Дивчатамъ же все пыво,
А ребятамъ все дыво.
Та вскочивъ козелъ въ огородъ
Та поивъ козелъ лукъ-часнокъ,
Ще й зеленую петрушку
И биленькую капусту,
Ще й червоніи буряки.
Одаривски хлопци дураки,

А наши хлопци молодци:
Піймалы козла за рижокъ,
Повелы козла на торжокъ,
Продалы козла за шажокъ,
Купылы дивчатамъ пырижокъ.

А.

Вскочивъ козелъ въ огородъ,
Да ладо, ладо,—въ огородъ,
Та поѣлъ лукъ-часнокъ,
Да ладо, ладо,—лукъ часнокъ,

Въ сл. Преображенной, какъ и въ большинствѣ другихъ селеній уѣзда, водящія «козла» дѣвушки, взявшись за руки, бѣгутъ одна за другой, начиная съ задней, пробѣгая подъ руками впереди стоящихъ заплетая плетень, то есть, обѣгая одну спереди, а слѣдующую сзади, пока задняя не протянетъ всего ряда подъ руками передней пары, ставъ, такимъ образомъ, во главѣ новаго ряда, на концѣ (въ хвостѣ) котораго находится пара, бывшая во главѣ.

Б.

Ой вскочивъ козелъ въ огородъ, въ огородъ,
Та пойвъ козелъ лукъ-часнокъ, лукъ-часнокъ,
Та піймалы козла за рижокъ, за рижокъ,
Та повелы козла на торжокъ, на торжокъ,
Та продалы козла за симъ кипъ, за симъ кипъ,
Та купилы симъ воливъ, симъ воливъ,
Та выоралы симъ ланивъ, симъ ланивъ,
Та посіялы ячминю, ячминю
Та й уродыло ячменю за жменю, за жменю.

Въ сл. Гусинкѣ къ этому добавляютъ:

Та й наробылы солоду, солоду:
Отъ вамъ, дивчата, помыться, помыться,
А вамъ, хлопьята, напыться, напыться.

2.

Наши хлопци молодци
Поихалы на ловы
Пидъ зелени дибровы,
Упіймалы комаря—
Великого господаря,
Тай понеслы до пана.
Сталы суды судыты,
Якъ комаря дилыты.
Сёму тому по стегну,
А панови голову,
А Өедоту тулупець:
Винъ хорошій моладець;
Иванови кишички—
Къ Велыкодню стежики;
А Петрови кендюшокъ—
Къ Велыкодню картузокъ;
Сизёнивськи парубкы,
Сизёнивськи дуракы
Покохалысь, пороcлы,
Поихалы на лугы
Рудыхъ мышей ловыты.
Ны піймалы ны мыши,
А піймалы комаря,
Та й повылы до суда.
Сталы суды судыты и т. д. (г. К.)

А Өедькови тѣлеса—
Его Маруся нечоса.
Возьми, Өедько, борону,
Пригладь Маруси голову. (сл. Ар.)

А.

Кропивое колесо выше тыну стояло,
Бильше дыва выдало.
Преображеньски парубки
Поихалы на ловы:
Рудыхъ мышей ловыты.
Не впіймалы ни мышки,
Та впіймалы комаря,
Та повызлы до пана.
Сталы суды судыты,
Якъ комаря дилыты:
Сему тому по стегну,
А (имя парня) голова,
Шо здоровый безъ ума;
А (имя) нижычки,
Шо въ его чорни бривочки;
А (имя) крылычко,
Шо хорошый на лычко;
А (имя) толупець,
Шо хорошый молодець;
А (имя) ребра шматъ,
Шо здоровый неженатъ:
А (имя) лопата,
Шо его дивчина горбата;
А (имя) пичинка,
Шо оборвався съ прычилка;
А (имя) легеня,
Шо его дивчына Олена;
А (имя) кишычки,
Затыкаты пляшечки;
А (имя) довгый хвистъ,
Шобъ стало грызты на весь пистъ (сл. Пря).

3.

У мене мылый ревнывый,—
Мій кудрявче, мій кучерявче!—
ревнывый [1]):
Не велыть, мини рядытьця
И на вулыцю ходыты;
А я его не боюсь:
У недилю нарядюсь,
На вулыцу я пиду,
Дивкамъ козла поведу;
А за мною тры посла:
Первый посолъ—нагайка,
Другый посолъ—шабелька,
Третій посолъ—самъ мылый.
Я нагайку перерву,
А шабельку переломлю,
А мылого упросю (сл. Ар.).

А.

Тыжъ, барвинку зыленый,—
Мій кудрявчикъ, мій кучирявчикъ! [2]) —зыленый,
Ны стылыся по гринку,
Постылыся по садку,
По маненькому слидку.
Ой де мій мылый походе,
Такъ барвинокъ посходе
А теперъ мій мылый рывнывый
На вулыцю ны пуска,
А я таки сама йду
Усимъ дивочкамъ таночокъ завыду
Шо вывыду, та стану,
По дивочкамъ погляну,
Чи вси дивочки у таночку.
А одніи нымае,
Шо зъ королемъ гуляе.
А за нею тры посла.

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха съ добавленіемъ на концѣ послѣдняго слова стиха.

[2]) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ съ добавленіемъ на концѣ одного или двухъ послѣднихъ словъ стиха, смотря по смыслу.

Первый поселъ—шабылька,
Другый поселъ—нагайка,
Третій поселъ—самъ иде.
Я шабыльку пырыбью,
А нагайку испалю,
А мылую спать положу.
Маты рожу ламае
И доныньку научае:
Якъ пидемъ, доныньку, у таночокъ,
Та ны становысь край короля,
Бо король пышное дытя:
И на нижиньку наступе,
Золотый перстынекъ зъ рученьки
зниме (г. К.)

4.

Тума танокъ водыла,—
Шо выведе та й станы,
На всихъ дивчатъ погляны:
(По всихъ дивочкахъ погляне
сл. Ар.)
Чи вси дивочки въ таночку?
Самои кращои (имя) немаи:
(Лишь роженьки немае сл. Ар.)
Маты косу чысала,
«Та чышучы наючала:
«Ой, доненько, ты жъ моя роженько,
«Не йды въ таночекъ
«Гуляты до дивочекъ,
«Та не становыся край тумы:
«Тума изведе изъ ума—
На ниженьку наступы,
Чырывычекъ розлупы;
За рученьку здавы,
Золотъ перстень роздавы (г. К.,
сл. Ар. Пря., Пп., х. М.).

Въ сл. Араповкѣ игра—козла водить—оканчивается такъ: одна изъ крайнихъ дѣвушекъ беретъ палку и гонитъ другую дѣвушку по надъ руками всего ряда и, догнавши, бьетъ. Этимъ показывается, какъ ревнивый мужъ погонитъ свою жену домой съ гулянья, почему въ это время припѣваютъ:

Гей, жона, до дому, до дому:
Диты плачуть, йсты хочуть!
Тамъ на полыци
Три паляныци,
Та й ти дай!
— Воны тіи пойлы,
— Якого трясця схотилы.

5.

Игра, «въ короля» идетъ въ сл. Араповкѣ въ такомъ порядкѣ: Двѣ дѣвушки отдѣляются отъ общей группы и становятся вдали отъ нея; прочія берутся за руки и выстраиваются въ рядъ. Первыя дѣвушки нараспѣвъ спрашиваютъ.

«Чомъ не йдемъ, чомъ не йдемъ!»
Стоящія въ ряду отвѣчаютъ:
— Боюся, боюся.
«Кого жъ боишься, боишься»?
— Короля, короля.
«Короля дома нема»
— Сынъ дома, сынъ дома.
«И сына дома нема».

При последнихъ словахъ, сказанныхъ двумя дѣвушками, рядъ бросается къ нимъ и во время бѣга поетъ:

А въ нашого короля
Королиха молода,
И сынъ Максимъ,
И дочка Галька.
Зеленая травка
Полягла, полягла.

Но когда рядъ подбѣжитъ близко, то двѣ дѣвушки выхватываютъ изъ него одну и, убѣгая дальше, поютъ.

«Одъ вашого полку одбуло,
«А къ нашему полку прыбуло.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока во второй группѣ, въ бывшемъ ряду, останется двѣ дѣвушки.

А.

«Чомъ не йдешъ, чомъ не йдешъ»?
— Буюся, буюся.
«Кого жъ ты буися, буися»?
— Короля, короля
«Якого, якого?»
— Старого, старого.
«А короля дома нема—
«Сама королыця.
«Королыця Марія
«Не за царя Павла.
— Король иде,—земля гуде:
Війско, стой! (сл. Пря.).

6.

Сызъ горобейко коло города ходывъ,
Сызъ горобейко тай у городъ уступывъ,
Сызъ горобейко соби парочку шукавъ,
Сызъ горобейко соби парочку найшовъ.
Сызъ горобейко, поклонитеся нызенько,
Сызъ горобейко, поцылуйтыся мыленько!

Когда поютъ эту пѣсню, становятся въ кругъ, причемъ одинъ изъ играющихъ обходитъ кругъ сначала снаружи, потомъ, при словахъ: «сызъ горобейко тай у городъ уступывъ», входитъ въ кругъ, а при словахъ: «сызъ горобейко соби парочку найшовъ» беретъ одну изъ стоящихъ въ кругѣ дѣвушекъ, затѣмъ эта пара кланяется другъ другу и цѣлуется. (сл. Пря.).

7.

Уже нашъ дударь захворавъ—занедужавъ,—
Ой люли, ой люли, захворавъ—занедужавъ:
Ручоньки склавъ, ниженьки простягъ,—
Ой люли, ой люли, ниженьки простягъ.
Ходить, подруженьки, зильячка копаты,—

Ой люли, ой люли, зильячка копаты,
Зильячка копаты, дударя скупаты,—
Ой люли, ой люли, дударя скупаты.
Зилья накопали, дударя скупали,—
Ой люли, ой люли, дударя скупали.
А теперь нашъ дударь и въ скоки, и въ боки,—
Ой люли, ой люли, и въ скоки, и въ боки,
И въ скоки, и въ боки—наввприсядки, гопъ,—
Ой люли, ой люли навприсядки гопъ.
Та скажи! дударю, якъ стари диды пляшутъ?
Ой люли, ой люли, стари диды пляшутъ.
Отакъ воны пляшутъ, отакъ воны скачутъ,—
Ой люли, ой люли, отакъ воны скачуть:
Отакъ сутуливше, отакъ сгорбуливше,—
Ой люли, ой люли, отакъ сгорбуливше,
Ой такъ не хороше, ой такъ не пригоже,—
Ой люли, ой люли, ой такъ не пригоже.
Та скажи, дударю, та якъ бабы пляшутъ?—
Ой люли, ой люли, та якъ бабы пляшутъ?
Отакъ воны пляшутъ, отакъ воны скачутъ,—
Ой люли, ой люли, отакъ воны скачутъ:
Отакъ сутулывше, отакъ сгорбулывше,—
Ой люли, ой люли, отакъ сгорбулывше,
Ой такъ не хороше, ой такъ не пригоже,—
Ой люли, ой люли, ой такъ не пригоже.
Та скажи, дударю, якъ парубочки пляшутъ?
Ой люли, ой люли, якъ парубочки пляшутъ?
Отакъ воны пляшутъ, отакъ воны, скачутъ,—
Ой люли, ой, люли, отакъ воны скачутъ:
Отакъ хорошенько, отакъ пригоженько,—
Ой люли, ой люли, отакъ пригоженько.
Та скажи, дударю, якъ красни дивки пляшутъ?
Ой люли, ой люли, якъ красни дивки пляшутъ?
Отакъ воны пляшутъ, отакъ воны скачутъ,—
Ой люли, ой люли, отакъ воны скачутъ:
Та отакъ хорошенько, та отакъ пригоженько,—
Ой люли, ой люли, та отакъ пригоженько.

Поющіе составляютъ кружокъ, въ серединѣ котораго лежитъ парень, изображающей «дударя» и сообразующій свои движенія съ словами пѣсни (сл. Кбя).

8.

По вулыци по широкой—
Ладомъ, ладомъ,—по широкой,
Та ходыло дивочекъ таночекъ—
Ладомъ, ладомъ,—таночекъ,
А мижъ нымы дрима дримыть—
Ладомъ, ладомъ,—дримыть.
«Устань, дрима, продримыся—
Ладомъ, ладомъ,—продримыся:
«Свекорко иде, подывыся—
Ладомъ, ладомъ,—подывыся!
— Я свекора не боюся, та ще
дужче задремлюся—
Ладомъ, ладомъ,—задремлюся.
По вулыци по широкой—
Ладомъ, ладомъ,—по широкой,
Та ходыло дивочекъ таночекъ,—
Ладомъ, ладомъ,—таночекъ,
А мижъ ньмы дрима дримыть—
Ладомъ, ладомъ,—дримыть.
«Устань, дрима продримыся—
Ладомъ, ладомъ,—продримыся:
«Свекруха йде, подывыся—
Ладомъ, ладомъ,—подывыся!
— Я свекрухи не боюся, та ще
дужче задремлюся—
Ладомъ, ладомъ,—задремлюся.

Дѣвушка, изображающая «Дриму» сидитъ въ серединѣ круга поющихъ дѣвушокъ и дремлетъ (сл. Кбя).

«Ой ты, хронъ, ты, мой хронъ,
«Чи ты спишъ, чи лыжишъ?»
— Я ны сплю, ны лыжу:
— Выйду на вулыцю—
— На вулыци дивки
— Въ золотыхъ винкахъ,
— А я молоденькій поскачу.
«Хронъ же ты, мой хронъ,
«Чи выдавъ же, хронъ,
«Якъ трусять макъ?
— Отъ такъ—такъ
— Трусятъ макъ,
— Якъ макивку—пастернакъ.

По серединѣ кружка поющихъ стоитъ мальчикъ, котораго при словахъ: «чи выдавъ же хронъ, якъ трусять макъ? подхватываютъ на руки и начинаютъ подбрасывать вверхъ, не допуская до земли, пока не скажутъ: якъ макивку—пастернакъ»; тогда опускаютъ мальчика на землю, а онъ, ставши на землю, притопнетъ (г. К.).

10.

Хлопци, хлопци, до мене!
Кучерява у мене,—
Кучерява мяточка
Въ огороди у мене.

—

Хлопци, хлопци, до мене!
Солоденька у мене,—
Солоденька яблунька
У садочку у мене!

—

Хлопци, хлопци, до мене!
Глыбокая у мене,—
Глыбока криныченька
У садочку у мене! (г. К.)

11.

У мене въ огороди зацвила калина,
Зацвила калина, зацвила калина—
Тымъ я тебе полюбыла, звычайна дытына,
Звычайна дытына, звычайна дытына.
У мене въ огороди зацвилы волошки,
Зацвилы волошки, зацвилы волошки—
Тымъ я тебе полюбыла, шо чорнявый трошки,
Шо чорнявый трошки, шо чорнявый трошки.
У мене въ огороди зацвивъ чорнобривчикъ,
Зацвивъ чорнобривчикъ, зацвивъ чорнобривчикъ—
Тымъ я тебе полюбыла, шо въ батька одынчикъ,
Шо въ батька одынчикъ, шо въ батька одынчикъ (г. К.).
А й у мене въ огороди та зацвила мятка,—
Тымъ я тебе полюбыла, шо козацька хватка.
Перестань же ты та домене ходыты.
Перестань же ты мене изъ ума зводыты (г. К.)

12.

Ой тамъ наши оралы, оралы—
Ой лели, ладо,—оралы!
Тамъ наши просо сіялы, сіялы—
Ой лели, ладо,—сіялы!
Мы жъ просо выбьемо, выбьемо—
Ой лели, ладо,—выбьемо!
Ой чимъ же вы выбьете, выбьете?
Ой лели, ладо,—выбьете?
Мы жъ стадо коней выпустымъ, выпустымъ—
Ой лели, ладо,—выпустымъ!
Мы жъ стадо коней заженемъ, заженемъ—
Ой лели, ладо,—заженемъ!
А мы стадо коней выкупымъ, выкупымъ—
Ой лели, ладо,—выкупымъ!
Ой чимъ же вы выкупыте, выкупыте?
Ой лели, ладо,—выкупыте!
Мы вамъ дида оддамо, оддамо—
Ой лели, ладо,—оддамо!
А мы дида не беремъ, беремъ—
Ой лели, ладо,—не беремъ!
А мы бабу додамо, додамо—
Ой лели, ладо,—додамо!
А мы бабы не беремъ, не беремъ—
Ой лели, ладо,—не беремъ!
Мы вамъ красну дивку оддамо, оддамо—
Ой лели, ладо,—оддамо!
Мы жъ красну дивку возьмемо, возьмемо—
Ой лели, ладо,—возьмемо!
(сл. Пря).

А.

А мы нывку оралы, оралы,
А мы ладомъ оралы!
А мы просо сіялы, сіялы,
А мы ладомъ сіялы!
А мы его выбьемо, выбьемо,
А мы ладомъ выбьемо!
А чимъ же вы выбьете, выбьете?
А мы ладомъ выбьемо.

А мы конивъ заженемъ, заженемъ,
А мы ладомъ заженемъ!
А мы коній займемо, займемо,
А мы ладомъ займемо!
А мы коній выкупымъ, выкупымъ,
А мы ладомъ выкупымъ!
Ой чимъ же вы выкупыты, выкупыты?
А мы ладомъ выкупымъ!
А мы дидушку дамо, дамо,
А мы ладомъ дамо!
А мы дидушки не возьмемъ, не возьмемъ,
А мы ладомъ не возьмемъ!
А мы бабушку дамо, дамо,
А мы ладомъ дамо!
А мы бабушки не возьмемъ, не возьмемъ,
А мы ладомъ не возьмемъ!
А мы дивушекъ вамъ дамо, вамъ дамо,
А мы ладомъ вамъ дамо!
А мы дивушекъ возьмемо, возьмемо,
А мы ладомъ возьмемо!
А мы парубкивъ вамъ дамо, вамъ дамо,
А мы ладомъ вамъ дамо!
А мы парубкивъ возьмемо, возьмемо,
А мы ладомъ возьмемо! (сл. Кбя).

13.

Продай, бабка, бычка!
— Якого?—Полового.
Винъ у мене половый, половый
И на грошп дорогый, дорогый:
Я жъ ёго ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!
— Якого?—Сирого.
Винъ у мене сирый, сирый,
Вымитае хату й сины:
Я жъ его ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!
— Якого?—Лысого.
Винъ у мене лысый, лысый,
Пырымые ложки й мыскы:
Я жъ ёго ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка;
— Якого?— Мурого.
Винъ у мене мурый, мурый,
Нагодуе свыни й куры:
Я жъ ёго ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!
— Якого,—Рябого.
Винъ у мене рябый, рябый,
Куды йде—все прямый, прямый:
Я жъ ёго ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!
— Якого?—Черного.
Винъ у мене черный, черный,
Та й у борозну моторный:
Я жъ ёго ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!
— Якого?—Билого.
Винъ у мене билый, билый,
Куды йде—все смилый, смилый,
Я жъ ёго ны продамъ! (сл. Гор.).

14.

Ой тамъ за горами
Тамъ наши оралы

Четырьмя плугами,
Пятый бороною:
Насѣяли лёну
Брали дѣвки лёнъ,
Брали—выбирали,
Землю выбивали.
Добралися дѣвки
До вечера поздно,
До сѣраго волка.
А у сѣраго волка
Золота головка:
По лѣсу ходя,
По полю рыща,
Красныхъ дѣвокъ ища. (сл. Тор.).

15.

Ой за лисомъ—лисочкомъ,
Тамъ наши оралы
Четырьмя плугамы,
Пятой бороною,
Кобылою вороною.
Молода дивчына
Обидать носыла
Та все Бога просыла.
Ой, Боже, мій Боже!
Уроды лёнъ хорошій:
На стыбло стыблыстый,
На зерно зернистый,
На волокно волокнистый! (сл. Гончаровка).

16.

Ой ты, осень, ты, весна,
Каку радость принесла?
Краснымъ дѣвкамъ сухота,
Добрымъ молодцамъ печаль
Зачѣмъ, зачѣмъ зеленъ садъ завялъ?
Добрый молодецъ гулялъ
На своемъ добромъ конѣ,
На черкасскому сѣдлу.
Скоро, скоро съ коня всталъ,
Все словесно разсказалъ:
Ахъ ты, конь мой вороной,
Распрекрасный, дорогой,
Отвези меня домой,
До горенки до новой,
До кровати тесовой,
До перины пуховой.
А вже солнце на востокъ,—
Берутъ парня въ острожокъ
За шелковый поясокъ,
За серебряно кольцо (тамъ же).

17.

Да до насъ, до насъ, Забочаны,
До насъ черезъ воду,
Есть у насъ тры дивочкы
Хорошого роду.
Та до насъ, до насъ, Забочаны,
До насъ погуляты:
Есть у насъ три дивчины,—
Будемъ даруваты. (тамъ же).

18.

Якъ посію я горошку,
Горошку потрошку.
Утопталы Забочаны
На нашъ край дорожку.
Та ны такъ воны утопталы,
Якъ киньмы убылы.
Бодай же вы не дождалы,
Шобъ мы васъ любылы (тамъ же).

19.

Вары, маты, вечеряты:
Пожыну тылята,
Та все тымы улыцями,
Де мылаго хата,

У мылаго хата,
Похылысты сины, —
А тамъ мои два перстыни
На викы посилы.
Верны, верны два перстыни,
Або копу грошей:
Съ инчою идешъ,
Мене судышъ,
Бо и самъ не хорошій (тамъ же).

20.

Шумятъ вербы коло гребли,
Шо я насадыла,
Нема того въ Гончаривци,
Шо я полюбыла.
Нема его,—туда тилкы
Его та слидочокъ.
Росердыла дивчынонька—
Прохаты ны буду.
Та прохавъ батько,
Прохала маты,
Прохала родына...
Ныхай его просы
Лыхая годына! (тамъ же).

21.

Ой высняночка, высна,
Шо ты намъ прынысла?
— Принысла я вамъ литычко
— И зелене зильячко,
— Крыщатый барвынокъ,
— Запашный васылёкъ (сл. Ново-Николаевка).

22.

Вербо, вербо, вербыця
Спустыла гильячко до долу,
Ще й зеленая диброва,
Де соловейко гниздо вье,
А зузулинька перевье.
Шо соловейко—Василько,
А сыва зузулинька—Катюшка.
Та стояла Катюшка край межи,
Въ чырвоныхъ черевычкахъ обь нози,
Шо купывъ Василько на дорози.
Ой якъ износышъ, ще куплю,—
За твое свово не люблю.
Ой будь здорова, якъ вода;
Ой будь богата, якъ земля;
Ой будь красна, якъ весна;
Ой будь погожа, якъ рожа!
(тамъ же).

23.

Ой вербо, вербо, вербыця,
Пора тоби розвыця!
Та пора жъ тоби, Васылько, жынытьця!
Я не буду жыныться до Пылыпа,
Ще й моя дивчына не вылыка;
Я не буду жынытьця до Йвана,
Щобъ моя дивчина погуляла,
Чырызъ Купала поскакала,
Гарни писыньки заспивала,
(тамъ же).

А.

Ой ище не часъ, не пора: ще моя Маруся не подросла.
Нехай до лита до Купала, щобъ моя Маруся погуляла;
Нехай до лита до Петра, щобъ моя Маруся подросла. (г. К., сл. Ар).

24.

Упавъ снижокъ на оближокъ,
Та взявсь водыцею.

Лучебъ було дивыцею,
Нижъ молодыцею.
Шо дивкою, шо жинкою,
Та все воно ривно.
Ой брешыте, вражи сыны,
Гуляты не вильно!
Я гуляла, не виляла,
Маты не спиняла,
Тыперь мыпе супынила
Чужая дытына,
И свитъ мини завьязала,
Гулять саказала.
А пидъ мостомъ трава ростомъ,
Не калына сосна.
Ой брешите, вражи сыны,
Я въ батынька зросла!
Я въ батынька зросла,
Крамомъ крамоваты,—
Ледачому досталася
Воливъ поганяты.
Поганяла сиры волы
Ще й чорни корови,
Испалыла биле лычко
И чорни бровы.
Було лычко, якъ яблучко,
Стало, якъ калына;
Булы бривки, якъ шнурочки,
Сталы, якъ лысточки (тамъ-же)

25.

Якъ була бъ я гилочка,
Якъ була бъ я зелененька,
Поплыла бъ я по Дунаю,
Якъ чаша по меду.
Возьмись за яглыцю,
Ще выще за плычицю,
Умій биле личко,
Прыгладь головочку,
Наложы скиндявочку,
Набуй сукняпочку,
Заспивай весняночку! (тамъ же).

26.

Зиряла зирочка, зиряла,
Съ кымъ же ты, Катюша, стояла?
Пидъ зеленою вербою?
— Съ тобою, Васылько, съ тобою.
Пидъ колючою грушою?
— Съ тобою, Васылько, душою.
При вышителькимъ рукавцемъ?
— Съ тобою, Васылько, молодцемъ.
А де Васылько походывъ,
Тамъ барвыночекъ уродывъ;
А де Катюша ходыла,
Тамъ рутка-мятка вродыла
(тамъ же).

27.

Спивалы дивочки, спивалы,
Въ решыто писиньки складалы,
Поставылы на верби.
Якъ налынулы лыбыди,
Извалылы решыто до долу,
Часъ вамъ, дивочки, до дому,
И вы, хлопьята, изъ намы,
Иште бублычкы съ дидамы,
А мы дивочкы прянычкы,
Шо йдять уси панычкы (тамъ же).

28.

Часъ вамъ, дивочки, до дому,
Париты свынямъ полову!
А вы, хлопьята, за намы,
Йжты полову зъ свынямы!
А вы, лакеи, за намы
Панамъ кушаты носыты!

А вы, дивочки, за намы
Іжты булочки съ панамы!
Спивалы, дивочки, спивалы,
Въ решыто писиньку складалы.
Лытилы галочки съ подолу,
Извалылы решыто до долу,
Часъ вамъ, дивочки, до дому.
(сл. Гус.).

29.

Грайты, дивочки, грайты,
Пылу не збывайты,
Платья не каляйте!
А на дивочкахъ платья,
Якъ биль, билесыньки,
Якъ попилъ, тонесыньки!
А на хлопьятахъ платья,
Якъ на собакахъ шматья:
Изъ мишка, та зъ рядныща,
Заткнута капшурыща (тамъ же).

30.

Горила нывочка, горила,
Я молоденька гасыла,—
Решетомъ воду носыла.
Скильки въ решети водыци,
Стильки у хлопцивъ правдыци.
Горила диброва, горила,
Я молоденька гасыла:
Видерцемъ воду носыла.
Скильки въ видерци водыци,
Стильки въ дивчатокъ правдыци.
— Скильки въ видерци водыци,
— Стилько дивчатамъ трясныци!
«Скильки въ решети дирочокъ,
«Стильки хлопцямъ болячокъ!»
(г. К.).

31.

Ай у Солодкихъ пидъ хатою дрова,
Одна дивка Оринка, тай черноброва.
Ай у (фам.) на хати вытушка,
Одна дивка (имя), тай та щебетушка.
Ай у N у синяхъ болото,
Одна дивка N, тай та якъ стрибло-злото.
Якъ пидымо до N добуваты воза,
Сыдыть дивка N, якъ повная рожа.
Якъ пидымо до N добуваты брычкы,
Одна дивка та N, тай та, якъ цвитуть гвоздычкы.
Якъ пидымо до N добуваты ложкы,
Одна дивка та N, тай та якъ цвитуть волошкы.
Ай у N на хати барыло,
Одынъ парубокъ N (имя), тай той дурыло.
Ай у N на хати копийка,
Одна дивка та N, тай та солопийка.
Ай у N на хати прядка,
Одна дивка та N, тай та косоглядка.
Ай у N пидъ хатаю вышня,
Одна дивка та N, тай та шобъ повысла.
Ай у N: на хати гадюка,
Одна дивка та N, тай та якъ падлюка.
Ай у N на хати вужака,
Одна дивка та (имя), тай та якъ собака (сл. Преображенная).

32.

Та на нашій улыци курчата чубати,
А на (назв. другой ул.) дивчата губати;
Куда ны йдуть, губы дмуть, отдымають,

А на нашу челядоньку косо поглядають.
Якъ убогій прыторкнетця,
Вона къ бису дметця;
Якъ богатый прыторкнетця,
Вона й засміетця.
А на N улыци смиття та полова,
А на нашій челядь чернοброва.
А на нашій улыци все ривно та ривно, —
Выгравалы парубочкы вороными киньмы,
А на тій Забочанивци все яры та кручи,
Выгравалы чорты куци, зъ вулыци идучи.
Верховивци—друни вивци, не молятця Богу,
Запрягають батька й матырь, й идуть у дорогу. (тамъ же).

33.

Задумалы Верховивци городъ городыты,
Шобъ никуды Забочаньцямъ до церкви ходыты.
Не поможе, мылый Боже, ваша огорожа,
Идуть наши Забочаньци, якъ повная рожа.
Не поможе, мылый Боже, тыны та ворякы,
Идуть Верховивци, якъ руди собакы.

34.

Сюда, сюда, Забочаньци, до нашои чести:
Наварылы вареничкивъ зъ собачои шерсты.
До насъ, до насъ, Верховивци, до насъ погуляты:
Есть у насъ горщокъ болячокъ, будымъ даруваты.
До насъ, до насъ Забочанськи парубкы прыходылы,
А за ными, прескверными, будякы вродылы.
До насъ, до насъ Верховивськи парубкы прыходылы,
А за ными, прегарными, васылькы вродылы.

35.

До насъ, до насъ, Верховивци,
До насъ черезъ воду:
Есть у насъ по дивочци
Хорошого роду.
Плывитъ, плывитъ, сылызени,
Покы воды стане;
Прыбувайте, Забочаньци,
Якъ вечеръ настане.
— Тоди прыбувалы,
— Якъ насъ прывиталы;
— А теперъ престалы,
— Якъ лаяты сталы. (тамъ же).

36.

Ой выкоты, Грыцю, тры бочкы вына,
Шобъ твоя Олена здорова була.
Ой выкоты, Петре, тры бочкы смолы,
Шобъ ту дивку Орынку чорты узялы.

37.

Выйды, Грыцю, на вулыцю и ты, коваленьку,
Заграй намъ у дудочку съ тыха, помаленьку.

Хиба того коваленька дома нема,
Шо на нашій на вулыци сопил-
ка не гра?

38.

Тонка высока ялына
Прыйшла Олена схылыла,
Та два цвиточкы зломыла,
Та звыла соби два винкы,
Тай повисыла высоко,
А сама стала далеко.
Прыйшовъ нелюбъ, не доставъ,
Соби Оленкы тай не взявъ.
Тонка высока ялына
Прыйшла Оленка схылыла,
Та два цвиточкы зломыла,
Та звыла соби два винкы,
Тай повысыла пызенько,
А сама стала блызенько,
Прыйшовъ Мыколка тай доставъ,
Соби Оленку тай узявъ. (тамъ же).

39.

Летять гусочкы рядъ-по-рядъ,—
Весела весна, весела!
Сира гусочка передня,—
Весела весна, весела!
Де не взявся гусачокъ—
Весела весна, весела!
Та всыхъ гусочокъ розигнавъ,—
Весела весна, весела!
А сиру гусочку соби взявъ.
Йдуть дивочкы рядъ-по-рядъ,
Весела весна, весела!
А Оринка передня,—
Весела весна, весела!
Де не взявся Мыколка—
Весела весна, весела!
Та всыхъ дивочекъ розигнавъ,—
Весела весна, весела!
А Оринку соби взявъ (тамъ же).

40.

А на мори на сынему плавалы
сири вуточкы,
Мижъ нымы била лебедушка.
Подлета сызокрылый орелъ,
Ухватывъ билую лебедушку.
Скрыкнулысь, скрыкнулысь сирыя
уткы:
Хто жъ будеть впередъ моря плыть?
Ай у воротъ стоитъ дѣвушекъ ко-
рагодъ.
Подъизжаетъ молодый Мыколка
Тай узявъ молодую Оленку.
Сплакнулысь, сплакнулысь крас-
ныя дѣвушки:
Хто жъ будетъ таночекъ водыть?
(тамъ же).

41.

«Самъ ходю, самъ ходю.»
— Де жъ твои диты?
«Гримъ побывъ, гримъ побывъ,
«Дощъ потопывъ,
«Зеленымъ неводомъ заволочывъ»
(тамъ же).

42.

А надъ нашымъ садомъ
Тры мисяци рядомъ:
Первый мисяць ясный—
Грыцько парень прекрасный;
Другый мисяць ясный—
Васылько парень прекрасный;
Третій мисяць ясный—
Омелько парень прекрасный.
А надъ нашымъ садомъ

Тры зирочкы рядомъ:
Перва зирочка ясна—
Оленка дѣвушка прекрасна;
Друга зирочка ясна—
Оринка дѣвушка прекрасна;
Третя зирочка ясна—
Маруська дѣвушка прекрасна
(тамъ же).

43.

Передайся, мисяцю,
Та на нашу юлыцю,—
Ой ле, ой лели!
Та на нашу юлыцю.
А на нашій юлыци
Уси хлопци—молодци,—
Ой ле, ой лели!
Уси хлопци—молодци.
Ой немаи кращого
Надъ Ивана нашого,—
Ой ле, ой лели!
Надъ Ивана нашого.
Черезъ тестивъ двиръ ходы,
Черезъ тещыны сины,
Шобъ собакы не ззилы,—
Ой ле, ой лели!
Шобъ собакы не ззилы.
Шобъ и шпоры не брязчалы,
И собакы не горчалы,—
Ой ле, ой лели!
И собакы не горчалы.
Шобъ и теща хвалыла
Й Дуняша любила,—
Ой ле, ой лели!
И Дуняша любыла.
Уперêдь выходыла,
Карагодъ выводыла,—
Ой ле, ой лели!
Карагодъ выводыла.
Карагодъ запрявляла,
Та Ивана завертала,—
Ой ле, ой лели!
Та Ивана завертала:
«Ой верныся, Иванъ,
«Ой верныся Васыльевичъ!
Ой ле, ой лели!
«Та верныся Васыльевичъ!
— Не вернуся я, Дуняша,
— Не вернуся Мытровна
Ой ле, ой лели!
— Не вернуся Мытровна!
— Ой за тымъ я не вернуся:
— Вечеряты опизнюся,—
Ой ле, ой лели!
— Вечеряты опизнюся.
— Вечеряты опизнюся,
— Щей собакы боюся,—
Ой ле, ой лели!
— Щей собакы боюся. (тамъ же).

44.

Зацвила калынонька
Въ лузи у куточку;
Породыла удивонька
Хорошую дочку.
Чи мини калынонькy
На дрова зрубаты?
Чы мини цюю дочку
Для красы держаты?
Зрубаю калыночку
Собі на лоточку,
Держаты буду дочку
Та на шинкарочку (тамъ же).

45.

А й у барини за дворомъ
Посіялы дивки лёнъ,—
Ой ёръ, не майёръ,

Любывъ дѣвицу майеръ,
Дѣвки лёнъ.
Та пишлы дѣвки лену полоты,
Бѣлыхъ ручекъ колоты,—
Ой ёръ, не майёръ,
Любывъ дѣвицу майеръ,
Колоты!
Станемъ мы во кружокъ,
Споемъ пѣсенку во рожокъ,—
Ой ёръ, не майёръ
Любывъ дѣвицу майёръ,
Во рожокъ!
Одна дѣвка весела:
Вона пляше, платкомъ маше,—
Ой, ёръ не майёръ,
Любывъ дѣвицу майеръ,
Платкомъ маше! (тамъ же)

46.

Улыця наша черчата,
Тамъ биглы наши дивчата;
Найшлы вопы тры узла, тры узла:
Первый узолъ—билыло, билыло;
Другый узолъ—красыло, красыло;
Третій узолъ—черныло, черныло.
Я билыломъ набилюсь, набилюсь,
А красыломъ пакрасюсь, пакрасюсь,
А чернылoмъ бровкы начерню, начерню!
Якъ прийхавъ мій мылый со млына, со млына.
«Шо жъ ты, мыла, билая, билая?»
— Мылый муку сіяла, сіяла.
«Шо жъ ты, мыла, красная, красная?»
— Я надъ жаромъ стояла, стояла.
«Чымъ ты, мыла, бровы черныла, черныла?
— Мылый, сажу трусыла, трусыла.
(сл. Новоосинова).

47.

Якъ задумала одивонька,
Якъ на свити жыты,
Тай наняла видмедыка
За плугомъ ходыты,
А вовчика сирыхъ воливъ погоныты,
А заюшку—Степанушку переднихъ водыты.
Оравъ, оравъ видмедычокъ,
На шляхъ поглядае:
Чужи жинкы обидъ несутъ,—
Моеи немае.
Розсердывся видмедычокъ,
Та й плугъ поломавъ,
А вовчичокъ воливъ розигнавъ,
А заюшка—Степанушка
Вси снасти покыдавъ (тамъ же)

48.

Якъ посію руту-мяту надъ водою,
Якъ выросла рута-мята зъ лободою.
«Ой хто жъ тую руту-мяту тай прополе?»
Обизвався старый дидъ съ бородою:
«Я жъ тую руту-мяту та й прополю.»
— Ой цуръ тоби, старый диду съ бородою!
— Ныхай тая рута-мята росте зъ лободою. (Сл. Кал.)

49.

«Соловейко, моя ненько,
«По саду литае.»
— Давай, доню, прыпадоньку
— Нехай прылитае.
«Яку жъ ему, моя мате,
«Прынаду даваты?»
— Посыпь пшенця по колинця,

— Водыци по крыльця.
— А винъ пшинце подзебае,
Водыцю попывае.
«Козакъ, мате, козакъ, мате,
«Къ двору прыйзжае.»
— Давай, доньку, прывитоньку,
— Нехай прыйзжае.
«Яку жъ ёму, моя мате,
«Прывиту даваты?»
— Стелы постиль биленькую,
— Та лягай зъ нымъ спаты:
— Праву ручку пидъ головочку,
— Ливою обнимыся,
— Тай наговорыся (сл. Араповка).

50.

Святылося Литычко,
Зацвило все зильячко,
На води латагьячко.
Тамъ молода дивка ломала,
Малого янгола піймала:
Полынь, Полынь, янголю,
Пидъ батинькову коморю;
Слухай, слухай, янголю,
Що мій батынько говоре.
«Зныдило, зныдило дитянько,
«Въ чужого батынька живучи,
«На гору видерця носючи».
(Тамъ же).

51.

Ой гай, мате, ой гай, мате.
Гаекъ зелененькый!
Помандрувавъ изъ Рубижни
Козакъ молоденькый;
Помандрувавъ, шапочку знявъ,
Нызенько поклонывся.
За нымъ иде отець й мате:
«Сыночокъ верныся!»
— Не вернуся, отецъ й мате,
— На Дону загыну —
— Прыймить мою дивчыноньку
— Якъ ридну дытыну.
«Ой не така, нашъ сыночокъ,
«Годыноньна стала,
«Щобъ чужая дытыноньна
«За ридную стала». (тамъ же).

52.

Шумлять вербы кинець гребли,
Що я насадыла;
Нема того, що я ёго
Вырненько любыла.
Шумлять вербы кинець гребли,
Що я полывала;
Нема того, що я ёго
Вирно сподобала.
Шумлять вербы кинець гребли,
Явиръ стоить тыхо;
Не йды, дивко за удивця:
Буде тоби лыхо.
А удивець—не молодець,
Вси норовы знае:
Перву жинку изгадае,
Нагайкою скрае (тамъ же).

53.

Ой въ бору, въ бору, у бирку
Станове Иванко комирку;
Тай выйшла къ ёму Катричка:
«Становы, Иванко, зъ вугламы
«И зъ высокымы дверямы,
«И зъ велыкымы викнамы,
«Щобъ до мене соловейкы прылиталы,
«Щобъ вопы веселенько щебеталы,
«Щобъ мене раненько пробужалы».

— На що тоби, Катричко, соловейкивъ:
— Есть у мене соловейко—батынько,
— А сывая зузуленька—матынка;
— Вона тебе рапенько избуде,
— Ще й пиде за ворота й осуде:
«Сонлыва, дремлыва невистка
(тамъ же).

54.

Ой, чижыку—горобчику,—
Тожъ калына-малына, ягода червона [1])
Скажы мини всю правдоньку:
Кому воля на вулыцю?
Молодыцямъ ныма воли:
На пичи воркунъ ворчитъ: постылы мини!
А въ пичи окрипъ кыпыть: отставъ мене!
За порогомъ порося крычыть: нагодуй мене!
Въ колысци дытына плаче: погодуй мене!
А дивчатамъ своя воля на вулыцю:
За платочокъ та въ таночокъ,
За юпочку та на вулычку,
За черевычкы та на вечернычкы.

55.

Перейды, мисяцю, та на пашу вулыцю,
А на нашій вулыци та все хлопци—молодци,
Та ныма красного надъ Сережку нашого:
Черезъ тещинъ двиръ ходе, на бокырь шапку посе,
Шобъ теща хвалыла,—Марьичка любыла (тамъ же).

56.

Вылынь, вылынь, галочко,—
Ладомъ, ладомъ, галочко!
Изъ вышневого садочка,—
Ладомъ, ладомъ, садочка!
Пизнай свого сокола,—
Ладомъ, ладомъ, сокола!
У мене соколонько обмитный,—
Ладомъ, ладомъ, обмитный!
На крылечкахъ золотыхъ,—
Ладомъ, ладомъ, золотыхъ!
Ой де лытыть, тай звиныть,—
Ладомъ, ладомъ, тай звиныть!
Ой де сяде, тай сяе,—
Ладомъ, ладомъ, тай сяе!
Ой де стане, рубае,—
Ладомъ, ладомъ, рубае!
Выйды, выйды, Марьичко,—
Ладомъ, ладомъ, Марьичко!
Изъ новои свитлынькы,—
Ладомъ, ладомъ свитлынькы!
Пизнай свого Якова,—
Ладомъ, ладомъ, Якова!
Въ мене Яковко обмитный,—
Ладомъ, ладомъ, обмитный!
Пидъ нымъ конь вороный,—
Ладомъ, ладомъ, вороный!
На ёмъ жупанъ голубый,—
Ладомъ, ладомъ, голубый!
На ёмъ шапка дуброва,—
Ладомъ, ладомъ, дуброва!
Въ рукахъ хустка шелкова,—
Ладомъ, ладомъ, шелкова!
(тамъ же).

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ. (сл. Кабанья).

57.

Туманъ яромъ по долыни,
Широкый листъ на калыни,
А ше й ширшій на дубочку,
А ше й ширшій на дубочку.
Звисывъ голубъ головоньку,—
Кличе парень дивчиноньку,
Хочь не свою, такъ чужую,
Хочь не свою, такъ чужую:
Прыйды, сердце, поцилую.
На що чужу цилуваты,
Своій жалю завдаваты,
Своій жалю завдаваты (тамъ же).

58.

Ой ны ходы та надъ моремъ,
Бо у море упадешъ;
Ой ны сватай богатоп,
Бо сердыту попадешъ.
Богатая, губатая,
На словечко пышна,
А вбогая хорошая,
Якъ у саду вышня (тамъ же, г. К.).

59.

По надъ моречкомъ ходыла,
Тай садыла вышни:
Выбирала парнышечка,
Тай соби пидъ мысли:
Шобъ цыгарки не курывъ,
Табаку не нюхавъ,
Чужихъ жинокъ не любывъ,
Дуракивъ не слухавъ
(А своеи слухавъ) (тамъ же, г. К.).

60.

Тече ричка риковая,
Плаче дивка молодая.
Не плачь, дивко, не журыся,
Ще я—молодъ не жынывся.
Якъ я буду жынытыся,
Прыйды, сердце, дывытыся,
Ой якъ буду винчатыся,
Прыйды, сердце, прощатыся.
Ой якъ буду на рушнычку,
Подай мини билу ручку.
Ой якъ буду свадьбу граты,
Якъ сяду я на посади,
Прыйды, сердце, у досади.
Ой якъ буду выно пыты
Будешъ, сердце, слезы лыты...
Въ тебы водка вочень гирька,
Въ тебы маменька злодійка,
А сыстрыця—лыходійка. (тамъ же, г. К.).

61.

Не развывайся, сухый дубе,
Бо на завтра морозъ буде.
«Я морозу не боюся,
«Рано, рано розовьюся.
Та не жыныся, молодый козаче:
Завтра наборъ буде.
«Та я набору не боюся,
«На жаль ожынюся».
Въ недиленьку ожынылы,
Въ понедилокъ въ солдаты забрылы.
Тобъ плакала мате одна,
А теперъ буде плакаты й молода жена (тамъ же, г. К.).

62.

Ой да сызъ голубъ литае
Ой да буркотае, крылушкамы блуде.
Ой да тяжко, на серденьку важко,
Ой хто кого вирно любе.
Тому тяжко, ой хто кого покидае,

Ще й бросае, сердцю жалю завдавае.
Ой да попидъ мостомъ трава росте,
Щука-рыба ой да лына гоне.
Ой да то не рыба, та тожъ и не щука
То зъ мылымъ дружкомъ разлука.
Ой да якъ мы съ тобою любылыся,—
Сухи дубы розвылыся;
Ой да якъ теперыча перестады,—
Однолитки повсыхалы.
Умры мыла изъ вечера,
А я умру въ рапци;
Ой да поховаютъ та насъ съ тобою
Въ одній трунци й ямци.
Ой да труна жъ моя та широкая,
Яма жъ моя та глубокая!
Ой да лыжыть мылый другъ любезный,
Якъ рыбонька щука вяла:
Та розійшлыся, та розбрылыся,
Якъ на неби туча—-хмара
Тай розійшлыся, тай розбрылыся,
Якь на неби туча—хмара. (тамъ же).

63.

Якъ ходыла я по току.
Та считала вышни,—
Выбырала козаченька
Пидъ свои пидъ мысли:
Шобъ и трубки не курывъ,
Табаку не нюхавъ;
На улицу не ходывъ
И брехни не слухавъ (г. К.)

64.

На тимъ боци, на толоци
Два каменя меле,—
Пытается козакъ дивки:
Чи пидешъ за мене?
Ой не пиду я жъ за тебе,
Пиду я за Марка:
А у Марка срибна чарка—
Я буду шинкарка.
Ой не пиду я жъ за тебе,
Пиду я за Грыця:
А у Гриця та пшеныця—
Я буду царыця. (г. К.).

65.

Ой якъ выйду за ворота,
Трава якъ болото
Ой якъ выйду за новые:
Трава зеленіе
Ой та трава зеленіе:
Мое сердынько мліе.
Ой та мліе, помливае,
Шо мого мылого дома нымае.
Ой та уже свитъ биленькій,—
Иде мій мыленькій
Ой та спрымы воламы,
Зъ чорнымы бровамы.
Та ны пойхавъ до дому,
Та пойхавъ понадъ яромъ.
А понадъ тымъ яромъ
Тры садочки рядомъ.
Та вси зелененьки
Зацвилы биленько.
Та въ первомъ садочку
Соловейки щебечуть,
А въ другимъ садочку
Зозуленька куе,
А въ третимъ садочку
Клынъ дерево росте.
А пидъ тымъ же та клыномъ
Стояла маты съ сыномъ.
Та маты съ сыномъ стояла,
Правдоньки пытала;

«Скажы, скажы, мій сыночокъ,
«Хто съ роду вирнійшій:
«Чы жинка, чы тища,
«Чы ненька ридненька?»
— Жинка для совиту,
— Теща для привиту,
— А надъ неньку ридненьку
— Лучче свитиниту:
— Вона якъ мене рожала,
— Та й смерти бажала:
— Ой дай, боже, смерты
— Съ покояніемъ умерты! (г. А.)

66.

Ты думаешь, моя ненько,
Что й я ны журюся,—
Якъ выйду я за ворота,
Отъ витру валюся.
Ты думаешь моя ненько,
Что я и ны плачу,—
Якъ выйду я за ворота
Свитонька ны бачу.
Берегомъ иду, водою бреду,—
Писочокъ нижки риже.
Кого не люблю, страсть ненавижу,
Той мини въ вичи лизе.
А за кымъ я тужу,
А за кымъ я плачу,
Та того й непобачу,
Та того й непобачу (г. К.)

67.

Ой изъ гаю зеленаго
Голубы литають,—
Ой еще я не гуляла,
Вже лита минають,
Ой еще я не гуляла,
Вже лита минаютъ.
Не гуляла я зъ молоду,—
На старисть не буду:
Почему я лита свои
Згадуваты буду?
Почему я лита свои
Згадуваты буду?
Шо не спыла, не згуляла
Хороше й ны сходыла,
Тилько по тому згадаю,
Шо важко робыла,
Тилько по тому згадаю,
Шо важко робыла.
Якъ зирву я зъ рожи квитку
Та пущу на воду:
Плывы, плывы, зъ рожи квитко,
Та до мого роду,
Плывы, плывы, зъ рожи квитко,
Та до мого роду.
Выйшла маты воды браты
Тай стала пытаты:
«Ой чого жъ ты, зъ рожи квитко,
«На води завьяла?
«Ой чого жъ ты, зъ рожи квитко,
«На води завьяла?
«Ой чого жъ ты, моя доню,
«Така стара стала?»
— Изстарилы мене, маты,
— Та чужіи хаты,
— Изстарилы мене, маты,
— Та чижіи хаты.
— Й а ще къ тому изстарилы
— Манесиньки дитки,
— Й а ще къ тому изстарилы
— Чужіи пивмитки (г. К.).

67a.

Сонце сходыть—я журюся,
А заходе—плачу,
Ой кого жъ я вирно люблю,
Того ны побачу;

Кого жъ ненавыжу;
Того що дня выжу.
Есть у мене въ огороди
Два кущика рожи,
Якъ зирву я зъ неи квитку,
Та й пустю на воду:
«Плывы, плывы, зъ рожи квитко,
«Ажъ до мого роду.»
Плыла, плыла зъ рожи квитка,
Тай стала кружиться;
Прійшла ненька воду браты,
Та й стала дывиться.
«Ой чого, квитко, та на води завьяла?»
— Ой, чого, чого, донько така стара стала? (г. К).

68.

За тучами громовыми
Сонычко не сходе,—
За близкими ворогами
Мій милый не ходе.
Ой вы, тучи громовыи,
Розійдытьця ризно,—
Прыйды, прыйды, мій миленькій,
Хоть не рано, пизно.
Якъ я жъ тебе дожидала:
Всю ничку не спала,
Всю ничку до свиточка
Столы застылала.
Столы жъ мои дубовыи,
Скатерти парчови.
Очи кары, бровы чорни,
Горе мене зъ вамы,
Не хочете почуваты
Ни ниченьки самы.
Хоть хочете, не хочете,—
Треба привыкаты:
Якъ поихавъ мій миленькій
У поле ораты
Оравъ тры дни на цилыни,
Тай ставъ у толоци,—
Выплакала кари очи
За чотыри ночи.
Уже жъ мини ци чотыри
Та за десять сталы.
Лыбонь мого мыленького
Волыкы присталы,
Та й плугъ поламався,
Шобъ мій милый чернобривый
Зъ волами пригнався,
Та до мене молодои
Съ старостами слався (г. К.)

69.

Ой сяду я край виконця,
Тай буду дывитьця,
Чи не прійде мій миленькій
Ко мни веселытьця.
Ой пріихавъ мій миленькій
Въ недилю раненько,
Знявъ шапочку и склонывся:
«День добрый, серденько!»
«Ой день добрый, моя мыла,
«Якъ ты соби маешь?
«Ой може жъ ты въ сёму дому
«Иншого кохаешь?
— Передъ Богомъ присягаю:
— Иншого не маю,
— Тилько тебе, мое сердце,
— Одного кохаю!
Не схотила дивчинонька
Дружиною буты.
«Ой дай мини таке зилья,
«Шобъ тебе забуты!»
— Есть у мене таке зилья
— Близко перелазу:
— Якъ дамъ тоби напытыся,—

— Забудешъ одъ разу.
«Скриплывіи воротичка
«Замкомъ не заперты,—
«Не забуду дивчиноньки
«До самои смерты!» (г. К.).

70.

Продай, продай, моя мате,
Съ курчатами квочку;
Купы, купы, моя мате,
Чохлату сорочку!
Иде дивка по улыци,
Чохлами махае;
Стоить парень у воротяхъ,
Важенько вздыхае.
Пытаетця товарыша:
Чи вдовына дочка?
На ій плахта черчаточка,
Сама якъ квиточка,
Запасочка штаметова,
Дивка чорноброва;
Въ коси лента голубая.
Дивка молодая.
Ой стелетця передъ дивкой
Парень листомъ, листомъ,
Вызывае парень дивку
Не голосомъ,—свистомъ:
«Выйды, выйды, дивчинонько,
«Зъ рубленои хаты,
«Порадь мене, сердце мое,
«Якъ ридная мате!»
— Я жъ тебе, козаченьку,
— Ражу и не ражу,
— Я съ тобою вечеръ стою,—
— На иншого важу.
«Бодай же ты, дивчинонько,
«Тоди замижъ пишла,
«Якъ у поли при дорози
«Рута-мьята зійшла!»
— Бодай же ты, козаченьку
— Тоди ожинывся,
— Якъ у млини на камини
— Кукиль уродывся!
А дивчина догадалась:
Мьяты насіяла
Дощи пишлы,—рута зійшла:
Дивка замижъ пишла.
А у млини на камини
Куколь не вродывся:
Старый козакъ, якъ собака,
Тай ще не женывся (г. К.).

71.

Чи я брела, чи я ишла,
Чи мыне пидлыто?
Чи самъ козакъ не ставъ ходыть,
Чи ёго одбыто?
Ой одбыла щука-рыба
Одъ берега ряску;
Потыряла дивчинонька
Видъ козака ласку.
А я жъ тую дрибну ряску
Збыру у запаску,
Таки тому козаченьку
Пидійду пидъ ласку.
А ще жъ тоби, дивчинонько,
Ны на горе пишло,
Якъ учора изъ вечыра
Тры козака прыйшло.
Одынъ сыдыть за столыкомъ,
Медъ, выно кружае;
Другій сыдыть край столыка,
У скрыпочку грае;
Третій стоить у порози,
Дивчину пытае:
«Дивчинонько, сира утка,
«Чи свататы хутко?
«Дивчинонько, повна рожа,

«Чи свататы гожа?
— Козаченько—барвынонько,
— Сватай въ ныдилыньку.
«Ой пидожды, дивчинонько,
«До другои весны.
Росла, росла дивчинонька,
Тай у пори стала;
Ждала, ждала козаченька,
Тай плакаты стала:
«Бодай же ты, козаченько,
«Тоди ожынывся,
«Якъ у млыни на камини
«Кукиль уродывся!»
— Бодай же ты, дивчинонько,
— Тоди замижъ пишла,
— Якъ у поли край дороги
— Рутка-мьятка зійшла!
Дивчинонька догадалась·
Мьятку насіяла,
Ай у млыни на камини
Кукиль ны вродывся.
Ище той же козаченько
Тай ще ны жынывся.
Ой у поли край дороги
Рутка-мьятка зійшла,
Уже жъ тая дивчинонька
Давно замижъ пишла.
А якъ той же козаченько
Ходы якъ бурлака,
А якъ той же козаченько
Старый, якъ собака. (сл. Кол.)

72.

Ой, дивчино моя,
Та утишь ты меня:
Та подай рученьку
Черезъ быстру риченьку!
Та подай рученьку
Черезъ быстру риченьку!
— Ой та риченька широка,—
— Рученька коротка.
Ой, дивчино моя,
Та утишь ты меня:
Та подай голосокъ
Черезъ темный лисокъ!
Та подай голосокъ
Черезъ темный лисокъ!
— А лисокъ винъ высокъ,—
— Не зайде голосокъ. (г. К.)

73.

Ай у поли крынычинька,
Холодная водычинька,
Холодная, негожая—
Нельзя іи пыты.
Нельзя мужу жыны быты,
Шобъ ны розгнивыты.
Посылае женамужа
Та рано по воду,
Дае ёму коромысло,
Та нове клынове:
Гныся, гныся, коромысло,
Гныся, ны вломыся.
Ой чомъ же ты, молодый Лукаша,
Давно ны жынывся?
Ой радъ бы я жыныться:
Дивка молодая,
Въ неи коса по пояса,
Лента голубая (г. К.).

74.

И видтиль гора, и видтиль крута,
Помижъ тымы крутымы горамы
Сходыла зоря,
Помижъ тымы крутымы горамы
Сходыла зоря.
Ой тожъ ны зоря, ой тожъ ны ясна,—

Ой тожъ моя молода дивчина
По воду пишла,
Ой тожъ моя молода дивчина
По воду пишла.
А я зорею у слидъ за нею,
Чистымъ полемъ воронымъ конемъ
По-пидъ Дунаемъ,
Чистымъ полемъ воронымъ конемъ
По-пидъ Дунаемъ.
«Дивчино моя, чомъ замижъ ны шла?»
— Всю Украиноньку сходыла—
— Дружка не нашла,
— Всю Украиноньку сходыла—
— Дружка не нашла.
— Всю Украиноньку
— Городочкивъ три,
— Та не найшла такого другого,
— Якъ, серденько, ты,
— Та не найшла такого другого,
— Якъ, серденько, ты.
«Козаченьку мій, чомъ не женывся?»
— Я у Крымъ йздывъ, забарывся,
— Тымъ не оженывся,
— Я у Крымъ йздывъ, забарывся,
— Тымъ не оженывся (г. К.).

75.

И шумить и гуде,
По дорожки иде,
И стучить, и гремыть
У викошечко:
Ты видсунь, одчены,
Моя крошечко!
Я до тебе прыйшовъ
Не гостытыся:
Я до тебе прыйшовъ:
Испросытыся,
Я до тебе прыйшовъ
Испросытыся,
Чи позволышь, душа,
Оженытыся.
«Ты женысь, ты женысь,
«Разбезсовистный!
«Не берешь ты мене—
«Возьмы подружку мою,—
«Не берешь ты мене—
«Возьмы подружку мою:
«Й а мы съ подружкою
«Въ однимъ мисти булы,
«Въ однимъ мисти булы,
«Обучалыся
«Й у водно платьичко
«Наряжалыся,
«У одни башмачки
«Обувалыся,—
«У одни башмачки
«Обувалыся,
«Однимъ мылымъ дружкомъ
«Подилялыся. (г. К.).

А.

Ты, верба, ты, верба,
Ты кудрявая,
Ой де же ты взросла,
Кучерявая?
Я взросла во лужку,
Въ крутому бережку.
Тамъ сидѣла Маша
Поздно съ вечера сама,
Зажигала свѣчу
Воску ярого,
Дожидала дружка,
Разудалаго.
Онъ стучитъ и гремитъ
Подъ окошечко:
«Отопри, отвори,

«Моя крошечка!
— Ой чи воръ, чи злодѣй,
— Чи разбоиничекъ?
«Ой не воръ, не злодѣй,
«Не разбойничекъ,—
«Тоже прежній твой
«Полюбовничекъ.
«Я до тебе пришелъ
«Не гоститися:
«Я до тебе пришелъ
«Распроситися,
«Чи позволишь, душа,
«Ожениться!
— Оженися, душа,
— Мое дитятко
— Бери въ женушку
— Мою подружку. (г. К.).

76.

Повій, теплый витырэчикъ,
Просвиты, ясна зоря,—
Прыбудь, удалый молодчикъ,
У гости до миня!
Та выпьемо, удалый молодчикъ,
По рюмци красного вына.
«Выпый, выпый, молода дивчина,
«Упредъ сама, упредъ сама!»
Вона одвырнулась,—
Сама ны пыла,
Такы жъ того молодчика
Та зъ ума звыла.
Зъ вечера удалый молодчикъ
Все пывъ и гулявъ,
А къ свиту удалый молодчикъ
Богу душу отдавъ.
А въ пыдилю та раненько
Вси звоны рывуть:
Уже жъ того та молодчика
Хороныть нысуть.
Выйшла дивка за ворота
И осмихается,
А за гробомъ иде маты—
За сыномъ побывается (х. Маліевъ).

77.

Плыве човынъ, воды повынъ,
Та все хлюпъ, хлюпъ!
Иде козакъ до дивчины,
Та все тюпъ, тюпъ!
Плыве човинъ, воды повыпъ,
Та й накрывся дубомъ,—
Та ны хвастай ты, козаче,
Кучирявымъ чубомъ!
Якъ выйдышъ ты на вулыцю,
Твій чубъ розивьется,
И съ тебе молодого
Вся челядь сміется.
Плыве човынъ, воды повынъ,
Та й накрывся лыстомъ,—
Та ны хвастай, молода дивчино,
Чырвонымъ намыстомъ!
Якъ выйдышъ ты на вулыцю,
Твое намысто порвется,
И съ тебе молодои
Вся челядь сміется.
(тамъ же).

78.

Та по тимъ боци Дунаю
Вивчарь вивци сгоняе,
Вивчарь вивци сгоняе,
На молодцивъ кивае:
Ой ви хлопци-молодци,
Накажите дивоци,
Шо въ чарчатій плахотци,
Въ корковому башмачку,
Въ корковому башмачку,

Въ розовому платочку,—
Та нехай вона не гуля
И литъ свихъ не теря:
Нехай мене не ждеть,—
Нехай замижъ идеть.
Й а дивчина почула,
Изъ улыци махнула,
Не добигла до воритъ —
Ухватылась за живитъ:
«Ой, Боже жъ мій, Боже мій!
«Шо хорошій та не мій,
«Шо хорошій та не мій,
«Та не ходе мимо двиръ.
«Ой, мамочко, мамочко,
«Шо жъ будемо робыты,
«Шо будемо робыты?
«Покинувъ другъ любыты?!
— Та иды жъ, доню, до гаю,
— Шукай зилья розмаю.
Ше до гаю не дойшла,—
Размай зильячко найшла,
Та накопала коринния
Съ пидъ билого каминния.
Полоскала на рици,
А мочила въ горильци;
Полоскала на лёду,
А варила у меду.
Й а варила у молоци
У добрый часъ у ночи;
Поставила у печи,
Сама й сила на печи;
Поставыла до жару:
Кипи коринь по малу.
Ще коринь не вкипивъ—
Юже козакъ прилытивъ.
«Ой, чого же ты прилытивъ,
«Колы любить не схотивъ?»
— О якъ мини не литать,
— Колы стала чароватъ! (г. К.).

79.

Якъ сіяла вдова
Пшиныччиньку яру,
Посіявше стала волочиты,
А заволочивше стала Бога просыты:
«Вроды, вроды, Боже,
«Пшыныччиньку яру,
«И на моихъ дитокъ,
«И на вдовыну славу!»
Ище жъ та вдовушка
Та й до дому не дойшла,
А уже вдовина
Пшыныччинька зійшла.
Ой ище жъ та вдовушка
На лавци ны сила,—
Уже вдовушкина
Яра пшыныця поспила.
Якъ пишла та вдовушка
Пшыныцю глядиты,
А тамъ вывыла чаечка
Маленькіи диты.
Котори бильши
На лугъ полытилы,
А котори меньчи,
Ти й такъ осыротилы.
Котори бильши
Калыну клювалы,
А котори менчи
И такъ погыбалы.
И стала тоди
Та чаечка казаты:
Горе мини зъ вамы—
Никому васъ доглядаты.
Горе мини зъ вамы,
Поки вы вси пидростыте,
А якъ пидростытé,
То й полытыте.

Та по чужыхъ горахъ,
Та по чужыхъ долынахъ,
За сини за моря
И по чужыхъ вкраинахъ (х. Мал.).

А.

Ой изъ-за гаю та буйный витеръ вiе,
Ой тамъ удивонька пшенычепьку сiе,
Ой тамъ удивонька пшепыченьку сiе.
Й а посiявши, та стала волочиты,
А заволочивши стала Бога просыты,
А заволочивши стала Бога просыты:
«Та роды, Боже, та пшеныченьку яру
«На вдовыныхъ дитокъ, та на вдовыну славу,
«На вдовыныхъ дитокъ, та на вдовыну славу!
Ще удивонька та й до дому не дiйшла,
А вже удовына та пшеныця зiйшла;
Ище удивонька на лаву не сила,
А вже удовына та пшеныця приспыла.
«Ой годи жъ тоби та на лави сыдиты
«Беры серпъ та йды въ степъ пшенычиньку жаты,
«Беры серпъ та йды въ степъ пшеныченьку жаты.
Якъ пишла удивонька пшеныци гляднты,
А тамъ перепелка та й вывыла диты.
«Ой, диточки мои, та й горенько намъ зъ вами!
«Ой, диточки мои, та й горенько намъ зъ вами!
«Якъ пидростыте, та й политыте й сами.
«Ой, диточки мои, та й горенько мини зъ вами,
«Шо нымае та батенька та надъ вами,
«Шо нымае та батенька та надъ вами!
«Якъ пидбольшаете, то й пидете сами,
«Та будете, дитки, по степахъ й по долинахъ,
«Та будете, дитки та й по чужихъ украинахъ! (г. К.).

---

31. Апрѣль 8-е.

Св. Руфа. Всякiй злакъ въ этотъ день «рушаетця» изъ земли, вмѣстѣ съ злаками вылазятъ изъ земли и змѣи; но въ теченiе этого дня не должно ихъ убивать, а въ прочее время, напротивъ того, слѣдуетъ, потому что: «якъ хто побаче гадюку и ны вбье, такъ сонце тры дни буды плакаты» (сл. Пря).

Увидѣвши въ первый разъ змѣю, говорятъ: «гадина, гадина! не кажи ты гадови, шо я тебе бачила, и я не буду никому казаты.»

Въ слободѣ Сватовой-Лучкѣ пришлось слышать, что ночью на этотъ день веселятся и ликуютъ какія то неопредѣленныя, воздушныя существа, появляющіяся впрочемъ изъ земли, называемыя Руфами, нѣчто въ родѣ душъ растительнаго царства, или полевыхъ нимфъ.

— Когда выносятъ въ первый разъ изъ хаты и пускаютъ па дворъ маленькихъ циплятъ или гусятъ на траву, то завязываютъ себѣ глаза, «шобъ вороны и шулики (коршуны) слипы» (сл. Пря).

— Увидѣвъ первыхъ журавлей берутъ, не сходя съ мѣста, земли и потомъ примѣшиваютъ ее къ просу, при посѣвѣ, чтобы лучше родило (сл. Пря).

Въ г. Купянскѣ же, съ этою цѣлью, увидѣвъ въ первый разъ весною журавлей, берутъ не землю, а собираютъ вокругъ себя на землѣ соломинки, которыя, затѣмъ, кладутъ въ гнѣзда гусей.

— При появленіи первой ласточки тоже берутъ землю, но разсѣеваютъ ее не въ полѣ, а въ огородѣ,—долженъ уродить хорошій укропъ (сл. Пря).

— Въ какой сторонѣ услышатся первые раскаты весенняго грома, въ той сторонѣ будетъ и урожай.

— При первыхъ ударахъ грозы женщины спѣшатъ приподнять спиною телѣгу или подперетъ плетень, чтобы во время жатвы спина не болѣла, а дѣвушки, сверхъ того, умыться и утереться чѣмъ-нибудь краснымъ, что-бы быть богатыми и красивыми.

— До первой грозы не должно на воздухѣ мотать питокъ (г. К).

32. Апрѣль 17-е.

Св. Зосимы. Въ каждой пасѣкѣ обязательно находится икона св. Зосимы, соловецкаго угодника, которому въ этотъ день многіе изъ пасѣчниковъ и служатъ молебны, какъ покровителю пчелъ и пчеловодства.

33. Апрѣль 23-е.

Св. великом. Георгія побѣдоносца (св. Юрія). Св. Юрій считается покровителемъ скотоводства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повелителемъ волковъ. Предполагается, что въ этотъ день онъ разъѣзжаетъ верхомъ на конѣ по полямъ и принимаетъ подъ свою охрану выгоняемый на пашу скотъ, поэтому многіе изъ крестьянъ начинаютъ выгонять въ поле скотъ только съ этого дня, хотя большинство дѣлаетъ это, начиная съ появленія первой зеленой травки въ полѣ.

Въ слободѣ Кабаньей существуетъ между крестьянами повѣрье, что если выгнать на пастбище скотъ раньше Юрія, то этотъ скотъ будетъ

подвергаться частому нападенію дикихъ звѣрей; между тѣмъ какъ скотъ, выгоняемый на Юрія, находится подъ охраною этого святого. Когда первый разъ выгоняютъ скотъ на пашу, то поперекъ воротъ растилаютъ на землѣ красный поясъ, черезъ который и перегоняютъ скотъ. Если, выходя изъ двора, животное не зацѣпитъ ногами пояса, то оно не будетъ лѣтомъ болѣть и звѣрь не тронетъ его; животное же. зацѣпившее и стянувшее съ мѣста поясъ, будетъ болѣть или подвергнется нападенію дикихъ звѣрей.

Якъ выгоняють первый разъ скотыну въ поле, то беруть «наченье» и замыкають его замкомъ и кладуть по середыни двора. Якъ гонють скотыну въ ворота, то стараюця, шобъ кожна скотыняка переступыла черезъ нёго, т. е. наченье, то іи все лито ни звиряка, ни чоловикъ дурный не троне, хоть и пастуха до неи не треба. (сл. Ново-Ник.)

Этотъ день принято праздновать, чтобы не оскорбить повелителя волковъ. Говорятъ, что какъ-то разъ одному крестьянину пришлось выйти изъ слободы ночью подъ Юрія въ поле. Вдругъ видитъ онъ, что среди поля сидитъ старый сѣдой, какъ лунь, человѣкъ, а вокругъ него волковъ видимо-невидимо, и всѣ они сидятъ въ почтительномъ отдаленіи отъ старика, только царь ихъ, бѣлый волкъ, сидитъ у самыхъ ногъ Егорія и внимательно слушаетъ, что старикъ говоритъ ему. Крестьянинъ приникъ къ землѣ и сталъ прислушиваться къ тому, что говорилъ волку св. Егорій. И услышалъ онъ, что это Егорій отдавалъ царю волковъ приказанія на счетъ того, что и у кого изъ хозяевъ можетъ каждый изъ подчиненныхъ царю волковъ украсть себѣ на пищу. При этомъ, говоря, что у такого-то пусть зарежетъ овцу, у такого-то—свинью, или корову, или жеребенка, святой прибавлялъ, а у такого-то, чтобы ни одинъ не смѣлъ ничего трогать, потому что этотъ хозяинъ и вся семья его постятся на Егорьевъ день. Когда старикъ пересталъ говорить, всѣ волки съ своимъ царемъ во главѣ взвыли, поклонились до земли и, затѣмъ, разбѣжались. (сл. Ар.).

Въ другомъ разсказѣ, записанномъ въ слободѣ Преображенной, Юрій является въ родѣ охотника, а именно: «Йхавъ чумакъ степомъ, глядь-якъ побиля его чырызъ дорогу бижыть вовкъ и въ зубахъ нысе гуску. Чумакъ махнувъ батогомъ и отбывъ ту гуску. Пройхавши мало-богато, винъ выпрягъ воливъ пасты, а затымъ оскубъ гуску и ставъ варыты кашу. Каша кыпыть, а чумакъ цюка тамъ соби на дривитни, чоку чи що робы. Це шось якъ загуде коло ёго, винъ глядь,—ажъ де ны взявся охотныкъ на билому кони и собашни коло ёго сыла. А дали чумакъ роздывывся, колы то ны собакы, а вовкы окружалы охотныка крючкомъ, на подобіе

того, якъ журавли лытять. Чумакъ такъ и омертвивъ на мисти. «Ага, проворный, вже й кашу варе», кажы охотныкъ: «добре, значыть, йисты винъ хочы. А у мого хорта нашо жъ ты пищу отнявъ?

Та ты знаешь хто я? Я святый Юрій, а це мои хорты. Теперь колы хочишь ще жыты на свити, такъ палыгуй самого лучшого вола, та выды въ лисъ; прывьяжышъ тамъ его до дерева, а самъ стико мочи тикай». Чумакъ такъ и зробывъ, и тико прывьязавъ вола та самъ отбигъ, якъ де ны взялась тьма вовкивъ и размытала вола.»

— Въ этотъ день слѣдующія завѣтамъ старины хозяйки спѣшатъ посадить въ теченіе времени между заутреней и обѣдней рѣдьку: выростаетъ большая и сочная.

— Если на Юрія ворона спрячется во ржи, то будетъ хорошій урожай этого хлѣба.

— Пословица: «До Юрья въ житахъ и травахъ бьютъ тильки дурня, а писля Юрья набьются и умного». Считается что до дня Георгія скотъ не можетъ повредить озимому хлѣбу и травамъ, а послѣ этого дня вредъ отъ попаса не всегда поправимъ.

— Выгоняя въ этотъ день скотъ въ поле знающіе произносятъ заговоръ отъ волковъ, непримѣръ: «Святый Ягорій побѣдоносецъ йихавъ на Осіянській гори на чырвонному кони звирь-вовкы собыраты,—ны ходитъ мого стада пойдаты». Или: «Святый Ягорій, йздывъ ты по своихъ городахъ, запырай ты свои города, запирай своимъ собакамъ зубы и губы, шобъ ны плямкалы губамы и ны клацалы зубамы!». (сл. Пря).

— Собираютъ на утренней зарѣ «до схидъ сонця» съ травы росу полотенцемъ, потомъ выжимаютъ эту юрьевскую росу и хранятъ какъ лѣкарство въ глазныхъ болѣзняхъ.

— Если зузуля (кукушка) начинаетъ куковать до Георгія на голый лѣсъ, то есть, когда лѣсныя деревья не одѣлись еще листвой, ожидай неблагополучнаго года. Считается счастливымъ предзнаменованіемъ услышать въ первый разъ кукушку, имѣя при себѣ деньги. Дѣти при этомъ обыкновенно говорятъ: кукушка, кукушка, скажи, сколько мнѣ лѣтъ жить! и начинаютъ затѣмъ считать, сколько разъ крикнетъ кукушка— столько лѣтъ и жить.

— Пока деревья еще не распустились, не покрылись листвой, пока «голый лисъ»,—неслѣдуетъ на дворѣ (на воздухѣ) шить: оголѣешь, голый будешь.

---

34. Преполовеніе.

Права середа. На «праву середу» до восхода солнца обходятъ съ иконою вокругъ двора для предохраненія его отъ пожара (сл. Дв.).

По освященіи воды въ рѣкѣ, начинаютъ купаться. Въ тѣ годы, когда начинаютъ купаться до преполовенія, бываетъ много утопленниковъ и пожаровъ (г. К.).

— Въ этотъ день садятъ огурцы, «шобъ праві (прямые) рослы».

— «Якъ на цей день народылася яка-нибудь скотына, то вона буде полового цвита» (х. М.).

---

35. Май 9-е.

Пер. мощ. св. Николая чудотворца. Съ этого дня начинается большею частію стрижка овецъ. Послѣ этого дня не слѣдуетъ садить бакчи, «бо завьязи не буды» (сл. Пря).

36. Май 10-е.

Св. ап. Симона Зилота (Сыменово зыло), Мыколыного батька. Въ этотъ день женщины, а особливо знахарки, ходятъ по лѣсамъ, собирая разныя травы (зилье), которыя отъ Зилота получаютъ цѣлебную силу. Знающія вырываютъ растенія съ молитвою и произнесеніемъ извѣстныхъ словъ заговора. Обыкновенно же, подойдя къ растенію, становятся лицомъ на востокъ и, крестясь, читаютъ молитвы; затѣмъ, обратясь на западъ, вырываютъ растеніе, приговаривая: «Матырь Божа ходыла, зилля родыла, видромъ полывала—намъ на помищь давала».

— «На Семенове зыло рвуть зилья и всяке вырване въ цей день згидлыве отъ усякои хворобы» (сл. Св.-Л.).

— «На цей день якъ рвуть или копають зилья, то кажуть: Мыколынъ батько веливъ, шобъ ты, зилья, було ликарствомъ одъ всякои хворобы. Або, якъ у кого свыни хвори, то той каже такъ: Мыколынъ батько веливъ, шобъ ты, зилья, вылычило моихъ свиней. Тоди быре те зилья, варе его у горшку, а потимъ и напува своихъ свиней» (х. М.).

37. Май 11-е.

Обновленіе Цареграда. Этотъ день празднуется многими крестьянами потому, что они увѣрены въ существованіи какого то царя града, который выбиваетъ градомъ хлѣба у непочитающихъ его и работающихъ въ этотъ день.

---

38. Вознесеніе Господне.

(Вшестя). Подъ этотъ праздникъ или на самый праздникъ пекутъ «драбынкы» (хлѣбцы въ формѣ лѣстницы) и вѣшаютъ или ставятъ ихъ на божницѣ къ иконамъ, чтобы Господь по этой «драбыни» могъ взлѣзть на небо. Въ урожайные годы такія драбинки пекутся съ большимъ числомъ перекладинъ, а въ неурожайные съ меньшимъ, потому что тогда небо бываетъ ближе. Пословица: Непрыйдыця въ середу Ушестя, а все у четвергъ.

---

39. Троицынъ день.

Наканунѣ Троицына дня, въ субботу, крестьянки рвутъ разныя душистыя травы, какъ-то: богородскую травку, чебрецъ, полынь, любистокъ, кануперъ, аиръ, и вечеромъ убираютъ свои хаты зеленью, причемъ передъ дверьми натыкаютъ молодыхъ деревцовъ, преимущественно клена, липы, ясени и осины. Послѣдняя ставится непремѣнно на воротахъ, около трубы на хатѣ, а самое главное въ загородѣ, гдѣ ночуютъ коровы, какъ предохранительное отъ вѣдьмъ средство. Молодыя деревца, срубленныя въ этотъ день для украшенія двора и хаты, называются «клечанье», или «квичало», а вся недѣля пятидесятницы клечальною, квичалью, зеленою, русальною, троицкою.

— Подъ Тройцу вносятъ на ночь въ хату срубленную осину и если окажется на утро, что листья на этомъ деревцѣ остались зелеными, хотя бы они и засохли за ночь, но лишь бы сохранили свой цвѣтъ, то всѣ въ семействѣ доживутъ и до слѣдующаго клечанья, если же за ночь листья на осинкѣ почернѣютъ, то нужно ожидать смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи (сл. Ар.).

— Берутъ на Троицу изъ подъ колѣнъ въ церкви траву, особенно стараются взять ту, на которой стоялъ священникъ. Настой этой травы считается цѣлебнымъ и употребляется отъ многихъ болѣзней.

— «Пидъ Тройцю низзя дивчатамъ въ лисъ ходыты, а то хвата русалка и питаи: «Полынь чи петрушка?» Якъ скажыть: полынь, такъ вона кажы: «иды соби, та й згынь» и пусты; а якъ скажышь: петрушка, такъ вона кажы: «Тыжъ моя душка», и до смерты залоскочы. (сл. Пря).

Обыкновенно въ теченіе Троицкой недѣли дѣвушки не купаются и, боятся ли русалокъ или не боятся, ходятъ съ душистыми травами въ рукахъ, между прочимъ, съ любисткомъ и полынью. Послѣднюю бросаютъ въ рѣку прежде, чѣмъ набрать въ ведра воды.

Извѣстно повѣрье, что русалками становятся дѣти, умершія некрещенными или родившіяся неживыми, а также утопленницы. Такихъ дѣтей хоронятъ подъ хатнимъ порогомъ, или подъ такъ называемымъ «верхомъ», то есть, находящейся въ сѣняхъ дымовою трубою. Подъ порогомъ хоронятъ чаще, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ, потому, что душамъ дѣтей, зарытыхъ подъ порогомъ, на томъ свѣтѣ бываетъ легче, «бо ихъ хрестять и люды и пипъ, якъ иде съ хрестомъ, або молитву даваты», иначе, по просту сказать, черезъ нихъ переступаютъ на крестъ.

На «русалкинъ Велыкдень», въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ, русалки выходятъ изъ воды, бѣгаютъ по полямъ и огородамъ, разыскивая своихъ родителей. Если родители на поминали ихъ въ субботу передъ Тройцей, то, поймавъ свою забывчивую мать, русалка начинаетъ щекотать ее, приговаривая: «За те тебе лоскотала, шо мене не помынала» и можетъ защекотать на смерть (сл. Кбя).

Въ этотъ день красятъ яйца въ желтый цвѣтъ и раздаютъ ихъ дѣтямъ (г. К).

— На «русалкинъ Великдень», поймавъ кого-нибудь въ лѣсу, русалка «лоскоче» пойманнаго человѣка и при этомъ сама хохочетъ и припѣваетъ:

«Мене маты породыла,
«На свитъ билый не пустыла;
«Въ руки палку дала,
«Шобъ русалка була. (сл. Ар).

Бѣгая же по хлѣбнымъ полямъ, русалки выкрикуютъ: Ухъ, ухъ! соломянный духъ!

«Мене маты народыла,
«Некрещену схороныла.

— Не должно сѣять, муки прямо въ дижу (квашню), будетъ много русалокъ.

— Въ теченіе первыхъ трехъ дней Троицкой недѣли, равно какъ и на Рождественскихъ и Пасхальныхъ святкахъ, крестьянки не разсчесываютъ волосъ наголовѣ и не ищутъ въ головѣ, чтобы черви, гусеницы, не нападали на плодовыя деревья и огородныя овощи.

— Между душистыми травами, которыми на Тройцу усыпаютъ полъ въ хатахъ, непрѣменно должна находиться и полынь, тогда нечистый духъ не можетъ войти въ хату (сл. Ольш.).

При раннемъ сѣнокосѣ, когда мужчины выѣзжаютъ къ средѣ въ поле на покосъ, остающіяся дома женщины собираются «мыть косорямъ ложки»—покутить въ отсутствіе мужей. Съ пятницы же ходятъ женщины одна къ другой «выкачивать головки луку». Ломаютъ зеленые

и пожелтѣвшіе стебли лука на грядахъ въ огородахъ, а затѣмъ «по чарци». (г. К.)

Вообще же оставшіяся дома, не уѣхавшія на сѣнокосъ женщины работаютъ въ это время на огородахъ и бакшахъ, полятъ грядки и окучиваютъ картофель. Гдѣ работаютъ дѣвушки и молодцы, тамъ не рѣдко раздается веселый смѣхъ или звонкая пѣсня, чаще же слышатся задорныя припѣвки проходящимъ мимо работающихъ лицамъ, причемъ и послѣднія рѣдко остаются въ долгу, а большею частью отвѣчаютъ полольщицамъ подобною же монетою.

---

40. Пѣсни во время молотьбы.

1.

Поютъ прохожимъ:

Ой чіи то хлёркы
Волочуть оборкы?
Оборкы волочуть,
Робыты не хочуть;
Оборкы тягають,—
Робыты ны знають;
Оборка здорова,
Сама якъ корова.

—

Прохожія отвѣчають:

2.

Ой чіи то полилныкы,
Ой чіи то бездильныкы.
Полоть не пололы?
Рукы поколоды?

—

Проходящей дѣвочкѣ.

—

3.

Ой чіе то козыня,
Та задрало хвостыня,—
Бижыть и меркочы,
Робыты ны хоче?

Отвѣтъ:

4.

Ой чіи то полылныкы.
Воны соби бездилныкы:
Полоты не полять,
Та вороны ловлять;
Тяпки поломалы,—
Спаты полягалы.

—

Пріятельницѣ:

5.

А по тыну павутына повылась,
А Стыпаныда у Грыцька удалась:
Таки ручкы, якъ у пани,
Таки нижкы, якъ у ткали;
Така головка, якъ у соловья.

—

Соперницѣ:

6.

Така пыка, якъ прытыка;
Такій нисъ, якъ занизъ;

Таки рукы, якъ у марюкы;
Така голова, якъ у барана.

7.

Ой тепла весна, та холодна роса, —
Просывъ Иванъ Марью: не ходы боса:
«Де ти чырывычкы, шо я тоби давъ?»
—Повисыла на килочку, -попо-вычь изнявъ.
«Бодай того поповыча та мителица замела
«На тыхій Дунай, на зелепный гай».

8.

«Та напны, Иване, холодокъ, хо-лодокъ,
«Шобъ не згоривъ у дивки Марьи билый выдокъ.
—Ой радъ бы я напынаты,
—Та не вмію шынкуваты.
—Дуня тажъ моя заручєнная,
—Хоть заручєнная, та не винчан-ная.
—Давно, Иване, та до осены жда-ты,
«Якъ найдутся добри люды,
«Отдасть мене батько,
«Отдасть мене мате
«Та за того Грицька,
«Кохане дытятко.

9.

Ой выкоты, парснекъ, тры бочкы вына,
Шобъ твоя Маруся та здорова була,
Шобъ за тебы въ осыны рушны-кы дала,
Хочь не якы вышывани, хочь изъ полотна.
Довго мнни та до осены ждать и т. д.

10.

Хто насъ мынаи, тому счастя немаи;
А хто насъ мыне, то й до вечера вмре.
А завтра уранци положымъ на лавци,
Сонце пидъ обидъ, -справымо обидъ.

11.

Йхавъ дядько долыною
Вороною кобылою.
«Зайдь, дядьку, до насъ:
«Завтра празныкъ у насъ,
«Погуляемъ у насъ.
«Якъ пидымо по кыслыци—
«Не займайте насъ!»

12.

Шо жытычко,
Шо пшеныченька—
Одынъ колосокъ;
Шо у Йванька,
Шо у Марьечкы—
Одынъ голосокъ:
Йванько заговоры,
Якъ у дзвинъ задзвоны;
Марьечка засміетця,—
Дунай розильетця.
Вода сколыхнетця,
Ныхай тому Йванькови
Легенько хыкнетця!

13.

А вы у яру,
А мы у ярочку;
У насъ бровы на шнурочку,
А у васъ на матузочку.

14.

Надъ нашою слабодкою кропыва жалка,
Лыбо́нь нашымъ полилныкамъ работа важка.
Треба тую кропывоньку сырпомъ позжынаты,
Треба нашымъ полилныцамъ пырымину даты.
А вже жъ наши теляточка подрочылыся,
А вже жъ наши полилныци поморылыся;
А вже жъ наши теляточка въ холодочку лыжать,
А вже жъ наши полилныкы не йдуть, а бижать.

15.

У чужого хозяина и́дять калачи,
А у нашого рытывого ще й хлибъ у пичи;
У чужого хозяина вже обидають,
А у нашого рытывого щей не думають;
У чужого хозяина горилочку пьють,
А у нашого рытывого и́сты не дають.

16.

А вже сонце котыця,
Намъ до дому хочыця;
А вже сонце надъ дубкомъ,
Я додому холодкомъ
Полынула бъ я,—
Не воля моя!
Якъ бы моя воля,
Сидила бы я дома
У садочку въ холодочку,
Пидъ вербою надъ водою.
А въ ставочку бы купалася,
А въ садочку бъ кохалася,
Въ тимъ садочку
Напряла бъ сорочку.
А сорокы оснують,
А вороны вытчуть,
А билыи лыбыди
Тай убилять на води,
А разныя пташкы
Пошыють рубашкы,
Ой пошыють, помережуть
Й поясочкомъ пидпережуть.

17.

Наша паня пышна
За ворота выйшла,
Выйшла противъ насъ,
Выглядаты насъ,
Тай вынесла тры скрыбочкы,
А четвертый басъ:
Усимъ дивочкамъ по скрыбочци
А сироти басъ.
Ни хто не баче,
Якъ сырота плаче,
А якъ заскаче,
То всякъ побаче.

18.

Наша паня пышна,
Въ неи въ поляхъ лыштва.
Лыштва подеретця,

Пышання менетця.

Отвѣтъ:

Якъ ця подеретця,
Я й другу пошыю,
Такы свого пышання
Шо викъ не покыну.

19.

Наша паня тетеря,
Чы готова вечеря?
Якъ не готова,
То йды въ лисъ по дрова,
А якъ готовенька,
Сыды веселенька.

20.

Наша паня Хивря
Заризала пивня,
Зарубала индыка—
Коло печи трындыка (сл. Пря).

41. Петровъ постъ.

Существуетъ повѣрье, что Петровка обязана своимъ происхожденіемъ ап. Петру, установившему этотъ постъ по просьбѣ хозяекъ. До того мужики во время сѣнокоса поѣдали всѣ молочные скопы, а чрезъ то хозяйки лишены были возможности имѣть свою копѣйку. Вотъ онѣ и заявили ап. Петру о своей нуждѣ. Онъ внялъ ихъ просьбѣ и, съ согласія ап. Павла, державшаго сторону мужиковъ, установилъ постъ, но только не одинаковой продолжительности, чтобы не обидѣть сильно и мужиковъ. Оскоромиться въ Петровку считается болѣе легкимъ грѣхомъ, чѣмъ въ другіе посты, даже чѣмъ въ среду или въ пятницу. Хотя, конечно, все же не соблюденіе поста влечетъ за собою наказаніе:

«Одна жинка захворала у Питривку и начала, по совиту дохториvъ, ѝсты скоромне. Богъ дывывся, дывывся на неи, тай наказавъ іи пропасныцею. Жинка начынала ѝсты скоромне зъ обида,— и якъ пидойде обидня пора, іи заразъ и начына пропасныця (лихорадка) трусыты, та такъ трусе, шо й нывлеже на постели. Прохворала зъ годъ, дохторя ничого не подіють, и дала вона слово, шо якъ выздоровію, то буду чтыты посты. Писля сего и выздоровила» (х. М.).

Съ Петровкою начинается для крестьянской семьи горячая рабочая пора. Но день такъ жарокъ, такъ долгъ, такъ тяжелъ, а благодатная ночь до того хороша, что забываешь и о снѣ, и до того коротка, что уставшіе отъ дневной работы члены не успѣваютъ отдохнуть.

Не даромъ въ такомъ ходу пѣсня:

Ой петривочка—мала ничка!
Не выспалась наша дивочка:
Череду гнала, задримала,
На пеньки ноги позбивала,
На шпычкы очи повыймала,
Ой, петривняя зузуленько,

Ты не куй рано въ диброви,
Не збуды мене молодои:
Въ мене свекорко — не батынько,
Въ мене свекруха — не матинка, —
Избудятъ мене раньше тебе (сл. Ар.).
«Ты, невистка, не робитныця
«Моимъ коморамъ ты не клюшныця,
«Моему добру не кубитныця!»
(сл. Гус.).
Та на неи люды дывлятця.
Ой, не дывуйтеся, дывни люды!
Я бачыла ще дывнійше:
Щука рыба красно ткала,
Красноперочка перебырала,
Ракъ-байракъ цивкы сучыть,
А комашечка въ печи топыть,
Муха-горюха дижу мисыть,
Чорна блоха хату мететь,
А комарь пищить—воду тащить:
«Якъ бы мини не пырылазы,
«Прынисъ бы воды чотыри разы,
«Якъ бы мини не пырыскокы,
«Я взявся бъ у бокы». (сл. Н.-Н.).
«Якъ бы мини не молодыци,
«Прынисъ бы водыци зъ крыныци (г. К.).

Тогда же поютъ:

Ой, Петре, Павле, Иване!
Та зоримо поле орламы,
Та засіймо поле цвитамы.
Бо ваша Петривка мынае,
А Спасивочка наступае (г. К.).

---

42. Іюнь 13-е.

Св. муч. Акулины. Говорятъ: «Кулыны послидни посивы». Къ этому дню должны быть окончены посѣвы проса и гречихи, и съ этого дня «годыця все лито вечеряты на двори». (сл. Пря).

Но въ окрестностяхъ г. Купянска проса никогда не сѣютъ позже Николина дня, 9 мая, а гречиху хотя и сѣютъ иногда въ началѣ іюня, но это случается весьма рѣдко, исключительно лишь тогда, когда и май и начало іюня бываютъ дождливые.

Вечерять же на открытомъ воздухѣ начинаютъ обыкновенно со времени сѣнокоса.

Сѣнокосъ одна изъ пріятныхъ полевыхъ работъ, когда крестьянская молодежь, неистощенная еще страдною порою, и днемъ за работою и вечеромъ по окончаніи ея оглашается окрестность то веселымъ смѣхомъ, то громкой пѣсней. Легкій степной воздухъ, пріятный ароматическій запахъ свѣже скошенной травы, большое общество, а главное присутствіе молодежи другого пола,—все бодритъ и оживляетъ работающихъ.

Вотъ какъ описываетъ сѣнокосъ въ окрестностяхъ сл. Архиповки учитель нач. училища въ этой слободѣ, М. Д. Скубакъ.

Самое веселое для молодыхъ парней и дѣвушекъ рабочее время — это сѣнокосъ. Начинается онъ у насъ по большей части въ половинѣ іюня.

Партіи косарей, копильщиковъ и гребцовъ собираются на обширномъ лугу или на степи, которой «кинця й краю не видно». Начинается обычная работа. Косари одинъ за другимъ «якъ били лебеди», дружно налегаютъ на высокую траву. Тишина нарушается только звономъ косы. да изрѣдка вырывающейся остротой переднихъ косарей, подтрунивающихъ надъ отстающими: не время лясы точить, когда во рту пересохло, хотя самъ весь мокрый. Не то у копильщиковъ и гребцовъ.

Тамъ заразительно весело: пѣсни, остроты, шутки, хохотъ наполняютъ воздухъ. Вонъ «гребци»—молодыя дѣвушки и бабы—острятъ и трунятъ надъ «копильщиками»—молодыми парнями, припѣвая имъ:

«Наши гребци, якъ гребци,
«Копильщики жъ падлыци:
«Копыць не кладуть,—
«Обыдаты йдуть;
«Копыць не поклалы,—
«Выла поламалы,
«Спать полягалы.

Копильщики не остаются въ долгу и въ свою очередь подчуютъ гребцовъ непечатными остротами. Глядя на эту всегда веселую и смѣющуюся молодежь подумаешь, что она, не смотря на тяжелую работу подъ палящими лучами іюньскаго солнца, когда и вѣтерокъ лишь изрѣдка, какъ бы случайно, пронесется и пахнетъ свѣжестью въ лицо тружениковъ,— что она. эта смѣющаяся жизнерадостная молодежь никогда не утомляется. Но нѣтъ, взгляните на эти пылающія лица, на раскрытыя запекшіяся губы и вы убѣдитесь, что работа тяжелая, очень тяжелая, и вызываетъ потребность въ отдыхѣ, въ передышкѣ. И вотъ какая-нибудь разбѣдовая дѣвушка бросается на кучу сѣна и кричитъ: «повеливъ панокъ, щобъ привалылы валокъ!» Выдумка эта встрѣчается всеобщимъ хохотомъ и одобреніемъ: всѣ перестаютъ работать, садятся на душистое сѣно и отдыхаютъ. А потомъ снова за работу, и опять слышны смѣхъ, шутки, пѣсни.

Приближается время обѣда, откуда нибудь затягивается пѣсня, мигомъ подхватываемая всѣми:

«У чужого хозяина били калачи,
«А въ нашого хозяина ще й хлибъ у печи;
«У чужого хозяина обидаты йдуть,
«А въ нашого хозяина йсты не дають».

Но вотъ шапка кашевара на шестѣ говоритъ, что обѣдъ готовъ. Всѣ весело спѣшатъ къ табору, гдѣ уже стоятъ большіе котлы съ горячимъ кушаньемъ, а иногда и съ «крутою кашею». Рабочіе моютъ руки, крестятся и садятся на земли, а кашеваръ подаетъ имъ обѣдъ. Во время

ѣды пожилые люди говорятъ мало, но молодежь не можетъ и теперь усидѣть тихо: скоро начинается говоръ и смѣхъ, особенно между дѣвушками. Степеннымъ мужикамъ не нравится такое нарушеніе обычнаго порядка во время ѣды, когда въ крестьянской семьѣ позволяется говорить только старшимъ, поэтому они и здѣсь, въ степи, то и дѣло унимаютъ болтливыхъ: «ну, вы, сороки, чого розскрыкатались?!». Шумъ утихаетъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы тотчасъ же начаться на другомъ. Послѣ обѣда каждый отыскиваетъ себѣ «холодокъ», тѣнь, и ложится отдыхать, чтобы черезъ полчаса снова взяться за косу или грабли. Передъ заходомъ солнца идетъ самая спѣшная работа, хотя всѣ сильно умаялись, работая болѣе 15-ти часовъ, но вечерняя прохлада и предстоящій отдыхъ поддерживаютъ энергію уставшихъ рабочихъ. Чѣмъ ниже склоняется солнце къ горизонту, тѣмъ громче раздается пѣсня дѣвушекъ:

Уже сонце котится,
Намъ додому хочется,—
Пора та й давно,
А мы не йдемо.
Уже сонце надъ дубкомъ,—
Намъ додому холодкомъ,—
Пора та й дуже,
А мы байдуже.
Уже сонце надъ липкою,—
Намъ до дому изъ скрипкою,—
Пора та й давно,
А мы не йдемо.

Солнце зашло, начало темнѣть; работы прекратились; рабочіе собираются къ табору и ужинаютъ. Послѣ ужина парни и дѣвушки сходятся въ кружокъ недалеко отъ табора, раздаются звуки «сопилки», на середину кружка выходитъ пара: парень съ дѣвушкой, и начинаютъ отхватывать «козачка». Утомленія какъ не бывало: несется и стелется вокругъ дивчины молодецъ, едва касаясь земли, то, ставъ фертомъ предъ своей парой, учащенными ударами каблуковъ поражаетъ землю, вызывая своими выкрутасами крики одобренія и восторга въ толпѣ товарищей, съ разгорѣвшимися отъ зависти или удовольствія глазами, жадно слѣдящихъ за всѣми выкидываемыми имъ колѣнцами. Окружающая природа и та не остается холодной: трескомъ кузнечиковъ, крикомъ перепеловъ и коростелей она апплодируетъ танцующимъ. На смѣну первой выступаетъ вторая пара, или же музыка и танцы смѣняются пѣсней, той чарующей малороссійской пѣсней, чудные звуки которой съ неотразимой силой овладѣваютъ душой каждаго сына Украйны. Далеко за полночь иногда слышатся эти волшебные звуки и не замѣчаешь времени: оно не существуетъ для тебя, часы проходятъ, какъ минуты. Я знаю, говоритъ М. Скубакъ, что человѣку, никогда не бывшему у насъ на сѣнокосѣ, не проведшему

тамъ ни одной такой ночи, подобныя чувства не знакомы и могутъ, пожалуй, показаться даже странными, но, испытавши ихъ нѣсколько разъ, я не въ силахъ не высказать ихъ.

Пѣсни во время сѣнокоса.

1.

Наши грыбци, якъ грыбци,
А у Солодкого, якъ старци.
Наши грыбци зъ граблямы,
А у Солодкого съ торбамы. (сл. Пря).

2.

Ой чіи то копилныкы?
Воны соби бездилныкы·
Копыть не поклалы,—
Выла поламалы
Й спаты полягалы.
Ныхай воны сплять,
Покы выла вздрять;
А за те имъ плата—
Собака кудлата.
Копилныки падлыци
Надіютця на грыбци,
Шо грыбци погрыбуть,
Та й въ копы покладуть;
А за те грыбцямъ плата—
Горилочкы кварта (сл. Пря).

3.

Скрыплять, скрыплять воритечка
Лыбонь, на морозъ;
Вси хмарочкы до купочкы,
Лыбонь, буде дощъ.
Ой дай, Боже зъ неба,
Чого намъ треба,
А намъ треба
Дощу зъ неба.
Ой дай, Боже, дощъ,
Абы не морозъ!
Ой дай, Боже, дощыци,
Щобъ поплывлы копыци,—
Копыцй зъ валкамы,
Дивкы зъ парубкамы. (сл. Пря).

4.

Скрыплять воритечка
Лыбонь, на морозъ,
Вси хмарочкы до купочкы,
Ой дай, Боже, дощъ!
Ой дай, Боже, зъ неба,
Чого намъ треба,
Намъ треба водыци,
Шобъ поплывлы копыци,
Чіи бъ ны булы,
Бодай погнылы!
Ой дай, Боже, воды,
На четыри годы,
Хочь ныдиль на пьять,
Шобъ намъ погулять;
Хочь на вивторокъ,
Ныдиль на сорокъ:
А хочь на поныдилокъ,
Хочь на одынь дынёкъ.
Ой дай, Боже, дощъ,
Абы не морозъ! (сл. Пря).

5.

Ой чіи то косари
Покосылы по гори?!

Выкосылы лукы—
Набралыся мукы.
Переднему косарю
Борщю—каши наварю,
А заднему косарю
Йсты даты ны вылю (х. М.)

6.

А въ огороди капустонька,
Якъ біль побилила,—
Чогось наша Марусынька
Тай охмарнила,
Лыбонь у неи головонька
Та заболила.
Болыть, болыть головонька и тило усе,—
Колыжъ того Васылечка Господь прынесе?
Васылечка Господь несе,
Марусыньку радисть бере,—
Ныхай же бере, не перестае.
(сл. Пря).

7.

Зайшло сонычко за виконычко,
За садъ выноградъ.—
Цылуйтыся, мылуйтыся,
Ой хто кому радъ!
Оринка та Ивану раденька була.
«Бодай ты, дивко Оринко, здорова була!
«Шобъ за мены въ осыны рушныкы дала,
«Хочь не дужы вышывани, хочь изъ полотна (сл. Пря).

8.

Наши грыбци громадылы,
Чорнявого прынадылы,
Ой чернявого, кучерявого.
А ще будымъ громадыты,
Шобъ другого прынадыты,
Шулудывого та куршывого
(сл. Пря).

9.

А въ насъ грыбци громадылы
Чернявого прынадылы
Не одного—двохъ,
Чернявыхъ обохъ.
Ты, чернявый, попляши,
Намъ по чарци поднесы!
А въ чужого хозяина
Обидаты йдуть,
А въ нашого хозяина
Йсты не дають;
А въ чужого хозяина
Йдять калачи,
А въ нашого хозяина
Ще й хлибъ у печи;
А въ чужого хозяина
Горилочку пьють,
А въ нашого хозяина
Воды не дають (сл. Н-Н)

10.

А нашъ панъ—капытанъ, соловейко,
Отпускаи обидаты зараненько.
(сл. Пря).

11.

А нашъ панъ—копытанъ не нашои виры:
Вси люды обидають, а мы й доси не йлы.
У чужого хозяина йдять калачи,
А у нашого рытывого щей хлибъ у пичи;

А въ чужого хозяина обидають,
А у нашого рытывого исты не
даютъ. (сл. Пря).

12.

Наши грыбци коржи ілы,
А Солодкого понимилы.
Ой Богъ ему давъ,
Шо такыхъ набравъ;
Богъ погодывъ...
Та й тыхъ розгубывъ (сл. Пря).

13.

Наши грыбцы, якъ грыбцы,
А то чінсь, якъ старци.
Ой Богъ ему давъ,
Шо такыхъ набравъ!
Наши гребцы зъ гряблямы,
А то чіись съ торбамы.
Ой Богъ ему давъ,
Шо такыхъ набравъ!
А Богъ погодывъ...
И тыхъ разгубывъ (сл. Пря).

14.

Ой чіи то грыбци,
Ой чіи то молодци,
Дивчата та хлопци?

15.

Якъ у васъ, такъ й у насъ.
Морозы въ Петривку
Заморозылы на пичи
Парубка и дивку (сл. Пря).

16.

А вы у ярочку жывыте,
Нашыхъ дивокъ маныте
Чорнымы бровами,
Сынимы штанамы.
А мы свои бровы въ сажу вмажымъ,
Таки вашыхъ переважымъ.
А мы свои намалюемъ,
А на вашихъ и наплюемъ (сл. Пря).

17.

Тымъ травка зылена,
Шо блызко вода,—
Тымъ дивка хороша,
Шо ще й молода.
Де ходе—гуляе?
— Въ зыленимъ саду.
Рвала, бросала
Спилый виноградъ, —
Кидала, бросала
Дружка на кровать;
Съ краватушки брала,—
Та й за ворота:
«Не суши, сердечко,
«Мого живота».
Та своему мыленькому
Та наказывала:
«Ны ходы й у день, у день,
«Не смишы людей, людей!
«Прыйды й у ночи
«При ясной свичи,
«Шобъ насъ люды ны зналы,
«Шобъ насъ ны суждалы;
«Шобъ нашои любови
«Ны разлучалы».
— Ны кто жъ не разлуче:
— Ны свитъ, ны зоря;
— Тилько насъ разлуче
— Сырая земля! (сл. Н-Н).

18.

Какъ ва лугу, ва лужочку
Травушка расте,

Травушка муравушка,
Зеленая мая!
Никто жъ тае муравушку не косе.
Никто жъ тае муравушку не косе.
Абизвался косарёкъ,
Ваня, миленькій дружекъ
Онъ касилъ, касилъ, касилъ,—
Касу въ сторону бросилъ:
Ты жъ верныся, воротыся,
Расклиновае касьё,
Ты жъ вернися, варатися,
Насталёная каса;
Ты жъ залейся, закатися,
Полумѣдное кальцо;—
Ты умри, умри, мая
Разпостылая жена!
Возьму я за себя
Красную дѣвицу (сл. Н.-Н).

19.

Эй, ну! помаленько на гору,
Нуты, косари, вы, косарыкы мои,
Хоть ырано почалы,
Такъ богато утялы.
Эй, ну! помаленько на гору,
Нуты, косари, вы, косарыкы мои,
Накосылы стигъ сина,
Тай той коза за ничъ зъйла.
Эй, ну! помаленько на гору,
Нуты, косари, вы, косарыкы мои,
Постарайтысь вы дружно,
Шобъ було всимъ душно.
(х. М).

20.

Уже сонце пидъ обидъ,
Вары кашу, бисовъ дидъ?
Ой вары, вары,—
Бисъ тебе быры! (х. М.)

21.

А у нашого пана
Голова кудрява,
Ой кудрява, кучерява;
Лице, якъ у пана.
Винъ кудрямы затрясе,—
Намъ по чарци пиднесе,
Хоть по одній,
Такъ по повній.
Ой, паночку нашъ,
По чарочци дашъ! (сл. Пря).

22.

А у Солодкого косари косять,
А у насъ борщу просять.
А у насъ борщъ непорожній:
Лытивъ жукъ подорожній,
Лытивъ та й упавъ,—
Борщъ зъ мнясомъ ставъ.
Переднему косарю
Борщу й каши наварю,
А заднёму косарю
И брусныцю розибью. (сл. Пря).

23.

Наша паня пышна
За ворота выйшла,
Выйшла та й стоить:
«Обидать идитъ!» (сл. Пря).

24.

Наша паня Кулына
Тры дни кулишъ варыла;
Наварыла не вгодыла;
Наварыла кулишу,—
Накыдала камышу;
Наварыла галушокъ,—
Накыдала камушокъ. (сл. Пря).

25.

А вже сонце котыця,
Намъ до дому хочыця,
Хочыця давно,
А мы ныйдымо,
А мы ныйдымо—
Прыказу ждымо:
Покы панъ прыкаже,
Тройку коней запряже.
Сидай та й паняй,
Боже, помогай!
Сидай та й бижы,
Боже поможы!

26.

Уже сонце котыця,
Намъ до дому хочеця,
Пора та й давно,
А мы не йдымо;
Пора та й дуже,
А мы байдуже.
Уже сонце пидъ липкою,
Намъ до дому изъ скрыпкою;
Уже сонце пидъ дубкомъ,
Намъ до дому холодкомъ.
Полынула бъ я,
Та не воля моя!
Якъ бы мини воля,—
Сидила бъ я дома
У садочку, въ холодочку,
Пидъ вербою, надъ водою.
Отчиняй, пане, ворота,
Иде твоя робота;
Паняй, пане, по грибы,—
Уже сино погребли. (сл. Н-Н).

27.

Наша паня пышна
За ворота выйшла,
Выйшла противъ насъ,
Выглядаты насъ:
Десь мои грыбчыкы прытомылыся,
Та до дому вечеряты опизнылыся
(сл. Пря).

28.

Закотылося сонычко
За дубовыи доскы;
Ой ходить вечеряты
До хорошои дочкы.
Хороша дочка—
Хороша вечеря:
Рыбка печена,
А на закуску
Печену гуску (сл. Пря).

29.

А нашъ панъ—копытанъ, соловейко,
Отпускаи до домоньку зараненько.
Одчиняй, пане, ворота
Иде твоя робота,
Иде та не вся,
Ще й осталася,
Ще й осталася—
Пидтопталася
(Плоха була—розгубылася х. М.)
Осталася трошкы,
Та й та край дорожкы.
(Рубай, пане, биръ,
Пускай нась у двиръ;
Одчиняй, пане, синьци,
Становы намъ ослиньци. х. М.)
Одчиняй, пане, сины,
Вечеряты силы;
Одчиняй, пане, хату,
Давай грыбцамъ плату,
Плату не яку—

По четвертаку;
А якъ не дасы,—
Бильше не просы.
Якъ прыйдышъ прохаты,
Кочыргою съ хаты,
Кочергою, рогачемъ—
Черезъ порigъ сторкачемъ.
Ой не пидымъ,
Не пойдымъ,
А на другый день
Пидымъ до людей (сл. Пря).

30.

Зайшло солнце за виконце,
За садъ—виноградъ,—
Цилуйтеся, милуйтеся
Ой хто кому радъ.
А Бориско та Дуняша
Циловалися,
Дождали воны недиленьки,
Пишли повинчалися.
Зайшло солнце за виконце,
За соснови доски,—
Туда пидемо обидаты,
Де хороши дочки.
Зайшло солнце за виконце,
За дубовый тынъ,—
Туда пидемо вечеряты,
Де хорошiй сынъ (г. К.)

31.

Ходе Коля по базарю,
Шукае товару;
Найшовъ Коля гостру косу
По добру покосу.
Чужу Коля траву косе,
Своя сохне, вьяне;
Чужу Коля жинку любе,
Своя слезно плаче (сл. Кол.).

32.

Въ лиси—лисочку
Выросталы четыри дубочки,
Схылылыся верхи до купочки,
Налынулы сыви голубочки,
Силы, впалы та й заворкувалы,
Крылычкамы круту гору вкрылы,
Сами помижъ собою ричи говорылы:
Худо тому жонатому,
А й ще гирше, якъ хто кого любе.
Ой винъ любе, любе, прыголубе,
Прыгортае, якъ мате дытыну,—
Та такъ извивъ молоду дивчину (сл. Гус.).

33.

Косари косять, а витеръ повива,
Шовкова трава на косу налягa,
Десь мій мыленькый изъ инчую розмовля.
Якъ съ хорошою, хай Богъ помога,
А якъ съ поганою, хай Богъ разлуча (сл. Кбя).

43. Iюнь 23-е. (Купала).

Наканунѣ Рождества Іоанна Предтечи, вечеромъ по захожденіи солнца, когда стемнѣетъ, крестьянская молодежь, парни и дѣвки, собираются на празднество Ивана Купала, въ селеніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ, гдѣ нибудь на берегу рѣки, вдали отъ строеній, въ степныхъ

хуторахъ—на возвышеннахъ мѣстахъ, гдѣ и разводятъ огонь, устраивая костеръ большею частію изъ соломы. Въ г. Купянскѣ и въ большихъ торговыхъ слободахъ костровъ не зажигаютъ, а, вмѣсто огня, ставятъ кусты крапивы, чертополоха или волчеца, и взрослая молодежь не принимаетъ участія въ праздникѣ, Купалы, такъ что распорядителями и участниками празднества бываютъ одни подростки, мальчики и дѣвочки.

Въ нѣкоторыхъ слободахъ, напр. въ сл. Кабаньей, сохранился старинный обычай купаться прежде, чѣмъ прыгать черезъ огонь; причемъ купаясь окунаются съ головою всего одинъ разъ. Скупавшись, дѣвочки надѣваютъ себѣ на головы вѣнки, сплетенные изъ разныхъ полевыхъ и огородныхъ цвѣтовъ, чаще другихъ бываютъ: сокирки (Delphinium consolida), барвинокъ (Vinka minor), нагидки (Calendula officinalis), дзинозиверъ (Moclva Mauritiana), рожа (Althaca rosea), а мальчики срубятъ молодое деревцо, почти исключительно черноклёнъ. Дѣвочки надѣваютъ на это деревцо свои вѣнки и несутъ его на избранное для празднества мѣсто, гдѣ и втыкаютъ въ землю, а вѣнки снова надѣваютъ себѣ на головы. Деревцо это называютъ «Купало», или «Купайло». Перепрыгиваютъ черезъ огонь обыкновенно парами, парень съ дѣвкой, подростки же прыгаютъ черезъ крапиву безъ всякаго порядка. Парень, снявъ съ дѣвки вѣнокъ, надѣваетъ ей на голову свою шапку, а себѣ ея вѣнокъ, и, схвативъ дѣвку за руку, прыгаетъ съ дѣвкою черезъ костеръ. Иногда же два парня, взявъ дѣвку съ обѣихъ сторонъ подъ руки. переводятъ черезъ огонь, причемъ страдаютъ не только юбка и сапоги, но нерѣдко и ноги дѣвки. Перепрыгнувшая черезъ огонь пара проходитъ вокругъ «Купала» и становится позади прочихъ участниковъ, размѣнявшись шапкой и вѣнкомъ. Всѣ присутствующія поютъ слѣдующіе пѣсни:

1.

Купало!
Выгрѣвало сонычко на Йвана.
Сегодня Купала, завтра Ивана,—
Купало!
Выгрѣвало сонычко на Йвана.
Купався Иванъ та въ воду упавъ,—
Купало!
Выгрѣвало сонычко на Йвана
(сл. Кбя).

2.

Та купався Иванъ та въ воду упавъ.
Стризь вода налынула, (сколыхнула)
А на мори хвыля была,
А на долыни роса впала,
А на вулыци Купала пидъ Ивана
(г. К.).

3.

Та купався Иванъ та у воду впавъ.
Скризь вода полынула,
А по мори хвыля была
На Ивана на Купала,
Де молода челядонька гуляла;
По долыни розлывала,
На рыночку слава стала,

А въ пасъ на улыци Купала.
Выгрій, сонычко, на Йвана!
(сл. Св.-Л.).

А.

Пидъ Ивана Купала
Десь наша челядонька гуляла!
Та й шлы дивочкы
Та по ягодочкы,
Скризь вода ялынила,
А на мори хвыля была,
На долыни роса пала,
На дивоци коса сяла,
На вулыци Купала пидъ Ивана
(сл. Иря).

4.

Сёгодня Купала, а завтра Ивана!
Чимъ мини, моя маты, торгуваты?
Поведу я свекорка продаваты,
А ридного батынька купуваты.
Здешевыла свекорка, здешевыла,
А ридного батынька не купыла,
Тилко соби славоньки наробыла,
А ще того поприку до вику.

— —

Сегодня Купала, а завтра Ивана!
Чимъ мини, моя маты, торгуваты?
Поведу я свекруху продаваты,
А ридную матинку купуваты.
Здешевыла свекруху, здешевыла,
А ридной матинки не купыла,
Тилко соби славоньки наробыла,
А ще того поприку до вику и т. д.
Продается диверекъ и зовыця, чтобы купить риднаго брата и сестру—(г. К., сл. Ар., Гус., Н.-Н., Св.-Л., Каб.).

А.

Сёгодня Купало, а завтра Ивана.
Выграло сонычко на Петра!
Чымъ мини, моя маты, торгуваты?
и т. д.
Буды мини поприку до самого вику,
Поговору да прыбору (сл. Кол.).

5.

Посію я рожу, поставлю сторожу:
Батынька мого, ридненького.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Не вирна сторожа: поломана рожа.
Посію я рожу, поставлю сторожу:
Матинку мою, ридненькую.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Не вирна сторожа: поломана рожа:
Посію я рожу, поставлю сторожу.
Братыка мого, ридненького.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Не вирна сторожа: поломана рожа.
Посію я рожу, поставлю сторожу:
Васылька мого, мыленького.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Ой вирна сторожа: повна моя рожа (г. К.).

6.

Питривская зузулынька,
Чого ты не куешь?
Чомъ ты соби, бездильнычка,
Гниздычка не вьешь?
Ще другого литычка не буде,
Тоби, не робитнычка, жаль буде,
Що у тебе гниздечка не буде.
(сл. Н.-Н.).

7.

Ой вербе, вербе, вербыце,
Часъ тоби, ворбыце, розвытьця,—
Часъ тоби, Васылько, жынытьця.
— Ой ще ни часъ, ще ни пора:
Щей моя Маруся молода.
Я ны буду жынытьця до Ивана,—
Ще жъ моя Маруся ны гуляла,
Въ чырвоныхъ чырывычкахъ ны
скакала (г. К.)

8.

Идуть дивочкы
По ягидочкы,
А за нымы два дубочкы—
Парубочкы.
Чырвоная калынонька—
Дивчынонька,
Чырвоный мачёкъ
Парубачёкъ (г. К.)
Чирвоный мачёкъ—Ивашко,
Билая рожына—Марынка (сл. Кбя)

9.

Купалонька зъ Купала ишла,
Кропомъ очи завикала,
Петрушкою пидперизалася,
Цыбулiю заквичалася (сл. Ар.).

10.

Купалочка купалася,
А на сонычку сушылася.
Дивка Варюшка журылася:
Чи було лито, чи не було,
Шось мини не въ помку було.
Соловейки не щыбыталы,
Зузулоньки не кувалы (сл. Н-Н.).

Въ сл. Араповкѣ, послѣ того какъ каждая пара перепрыгнетъ через огонь три раза, костеръ гасится и молодежь расходится, а тамъ, гдѣ прыгаютъ черезъ крапиву или будяки, растенія эти относятся къ рѣкѣ и бросаются въ воду. Прійдя домой, дѣвушки снимаютъ съ головы вѣнокъ и, въ однихъ мѣстахъ, бросаютъ его черезъ голову на крышу хаты, а въ другихъ сохраняютъ на чердакѣ, приписывая ему цѣлебную силу.

Говорятъ, что уходя отъ Купала, не должно оглядываться, чтобы не догнала вѣдьма, которая обязательно тамъ присутствуетъ. А если желаете узнать, которая изъ бабъ на селѣ вѣдьма, возьмите отъ Купальскаго костра золы, завяжите ее въ тряпочку и идите домой не оглядываясь. На другой день баба—вѣдьма явится къ вамъ и попроситъ у васъ эту драгоцѣнность: «оддай мини тэ, що у тебе есть», подразумѣвая купальскую золу.

— На ночь не отлучаютъ телятъ отъ коровъ, чтобы вѣдьмы не повредили послѣднимъ.

— Золу отъ Купальскаго костра собираютъ и закапываютъ на воротахъ загороды, чтобы вѣдьма не ходила туда къ коровамъ (сл. Пря).

— Рвутъ подорожникъ, который и употребляется противъ различныхъ опухолей (сл. Ольш.).

— Пугаютъ дѣтей, говорятъ, что въ этотъ день нельзя купаться, не то русалки въ воду втащатъ.

44. Іюнь 24-е.

Рождество Іаонна Предтечи, Ивана Купала. На Ивановъ день дѣвушки дѣлаютъ изъ соломы большую куклу, одѣваютъ ее въ платье, вѣшаютъ на шею мониста, голову убираютъ лентами и цвѣтами, сами надѣваютъ на голову вѣнки. Убранную лентами и цвѣтами куклу, называемую Марынка, Морена (г. К.), Уляна, Катерына, (св-л.), носятъ по всѣмъ улицамъ, въ сопровожденіи толпы ребятишекъ, а въ заключеніе несутъ къ рѣкѣ, гдѣ, снявши съ Марынки всѣ украшенія, куклу бросаютъ въ воду.

Въ хуторѣ Егоровкѣ куклу Марынки, сдѣланную изъ соломы, сажаютъ на вѣтку черноклена или другого дерева, приносимую для этого изъ лѣсу, и носятъ ее съ пѣснями вокругъ колодца и пруда, а затѣмъ относятъ къ рѣкѣ. Иныя устраиваютъ куклу изъ чурбака, обмотаннаго соломой; въ этомъ случаѣ, чтобы брошенная въ рѣку кукла скорѣе потонула, привязываютъ камень. Другія лѣпятъ куклу изъ желтой глины, щеки намазываютъ красной глиной, брови рисуютъ сажей, а вмѣсто глазъ—два угля.

Въ слободѣ Араповкѣ дѣвушки, надѣвши купальные вѣнки, идутъ въ лѣсъ, срубливаютъ вѣтку клена и несутъ ее въ слободу, гдѣ дѣлаютъ изъ травы куклу. Сдѣлавъ куклу, надѣваютъ на нее дѣтскую сорочку, монисто и привязываютъ къ принесенной изъ лѣсу вѣткѣ. Кукла съ вѣткою называется Марыною. Потомъ на ровной площадкѣ въ слободѣ или выгонѣ вкапываютъ въ землю вѣтку, чтобы прямо держалась кукла, передъ которой ставятъ столъ, накрытый бѣлой скатертью. На столъ кладутъ хлѣбъ съ грудочкой соли; потомъ всѣ берутся за руки, ходятъ вокругъ стола и поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Тры мисяца ясныхъ—
Тры молодця красныхъ.
Купало! грало солнычко на Ӥвана.
Тры зирочкы ясныхъ—
Тры дивочкы красныхъ.
Купало! грало солнычко на Ӥвана.
Первый мѣсяць—
Молодый Иванько,—
Купало! грало солнычко на Ӥвана.
Кругый мисяцъ—
Молодый Ѳедирко,—
Купало! грало солнычко на Ӥвана.
Третій мисяць—
Молодый Ѳедотко,—
Купало! грало солнычко на Ӥвана[1]).
Перва зирочка—
Молода Катричка,
Друга зирочка—

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Молода Марьечка,
Третя зирочка—
Молода Галичка.
А Иванко каже:
Я Катричку люблю,
Я Катричку люблю—
Черевычкы куплю;
А Ѳéдирко каже:
Я Марьечку люблю,
Я Марьечку люблю—
Золотъ перстень куплю;
А Ѳедотко каже:
Я Галичку люблю,
Я Галичку люблю—
И за себе возьму.

2.

Посію я рожу, поставлю сторожу.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Надъ моею рожею червоною [1]).
На первую нычку поставлю я свекра;
Не вирна сторожа: поламана рожа.

—

На другу ниченьку поставлю свекруху;
Не вирна сторожа: поламана рожа.

—

На третю ниченьку поставлю диверька;
Не вирна сторожа: поламана рожа.

—

На четверту ничку поставлю зовыцю
Не вирна стоража: поламапа рожа.

—

А на пьяту ничку поставлю мылого,
Вирненька старожа: цила моя рожа.

3.

Ой славенъ городъ Купьянка.
А еще славнише Арапивка:
На чотыри вулыци стояла:
Перва вулыця кропова,
Друга вулыця роминова,
Третья вулыця лубова,
А четверта вулыця калынова.
Що зеленый крипъ—мужычкы,
Биленькіи ромень—жиночкы,
Зеленіи дубочки—парубочкы,
Червонная калынонька—то дивочкы.

4.

Ходылы дивочкы коло Марыночкы,
Зеленіи два дубочкы—парубочкы,
Червоная калынонька—то дивочкы [2]).
Якъ пишлы дивочкы въ лисъ по ягидочкы,
То й пришлося имъ тры риченькы брысты,
Тры риченькы брысты и Дунай плывты.
Уси дивочкы Дунай перепливлы,—
Дивка Марынка въ Дунаи втонула.
На дивци Марынци плахта чернитка.
Якъ зайшлы слухы та до мачухы.
«Не жаль мини дивкы Марынкы,
«А жаль мини плахты чернитки».
Якъ пишлы дивочкы въ лисъ по ягидочкы.
Та й пришлося тры риченькы бресты,

[1]) Припѣвъ этотъ: «стороною» и пр. повторяется послѣ каждаго стиха.
[2]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Тры риченькы бресты и Дунай плывты.
Уси дивочкы Дунай переплывлы,—
Дивка Марынка въ Дунаи втонула
На дивци Марынци плахта шовкивка.
Якъ зайшлы слухы та до матиньки:
«Не жаль мини плахты шовкивкы,
«А жаль мини дивкы Марынкы».
Зеленіи два дубочкы—парубочкы.
Червоная калыноньна—то дивочкы.

По окончаніи этихъ пѣсенъ, дѣвушки берутъ Марыну и несутъ ее по улицѣ, направляясь къ рѣкѣ, съ пѣніемъ тѣхъ же самыхъ пѣсенъ. Пришедши на берегъ, раздѣваютъ куклу и затѣмъ бросаютъ ее вмѣстѣ съ вѣткой въ рѣку, причемъ поютъ:

Потонула Марыненька, потонула,
Наверхъ кисонька зирнула.

Являются парни съ водкою. Всѣ садятся на берегу, пьютъ водку и закусываютъ тѣмъ хлѣбомъ, который лежалъ на столѣ передъ Марынкой.

По возвращеніи домой дѣвушки прячутъ свои вѣнки. Они хранятъ ихъ до слѣдующаго года и употребляютъ только, какъ лѣкарство. Послѣ Купала въ слободѣ наступаетъ тишина: жизнь уходитъ въ поле, гдѣ начинается страдная пора: время уборки хлѣбовъ.

Въ слободѣ Преображенной сдѣланную куклу «Марынку» выносятъ на улицу и ставятъ на приготовленную для нея скамейку, къ которой прикрѣплено небольшое вишневое деревцо. Поставивъ Марынку начинаютъ пѣть:

5.

А въ бирку, бирку
Тамъ строявъ Хведиръ комирку;
А до его Маруся прыходыла,
Ему хорошенько говорыла:
«Рубы, рубы, Хведирко комирку,
«Та прорубы виконычко въ прычилку,
«Шобъ до мені соловейко прылитавъ,
«Шобъ винъ мени хорошенько спивавъ
«Й раненько розбужавъ.
— На шо жъ тоби, Марьечко, соловейко?
— Есть въ тебе соловейко свекорю:
— Винъ же тебе раненько розбуды,
— Выйды за ворота та й осуды.

Потомъ начинаютъ носить Марынку по всѣмъ улицамъ и пѣть:

6.

А въ мого батька двиръ нывылычкый,
Двиръ нывылычкый,—зилля вылыке.
А въ тимъ зилли вовкы завылы,
Вовкы завылы, нелюба зъйилы.

А я за нелюбомъ тры дни ту-
жыла,
Тры дни тужыла: пичъ хлиба зъила.
А я одна въ батька була, [1])
Я молода, якъ ягода! [1])
А въ мого батька двиръ нывы-
лычкый,
Двиръ ны вылыкый,—ззилья вылыке.
А въ тимъ зилли вовкы завылы,
Вовкы завылы, мылого зъилы.
А я за мылымъ тыждынь тужыла,
Тыждынь тужыла: пивъ хлиба
зъила.

7.

Та стояла Марьюшка на межи,
Червоные черевички на нози,
Шо купывъ Иванъ на межи (?).
«Носы, носы, Марьюшка, здорова,
«Нихто тоби не скаже ни слова;
«Носы, носы, серденько, ще куплю,
«За твое серденько, що люблю!
(сл. Гус.)

8.

Сухый дубе горитъ дуже,
Съ тебе полумя паше дуже.
Черезъ воды на слободы,
Де Марынка биль билыла.
«Ой биле жъ моя, товста не била,
«Якъ пиду жъ я за нелюба,
«Я жъ тобе, биле, у калу билю,
«Я жъ тобе, биле, у чорни потчу,
«Я жъ тобе, биле, у будень зносю.»
Сухый дубе горытъ дуже,
Съ тебе полумя паше дуже
Черезъ воды на слободы;
Де Марынка биль билыла.
«Якъ пиду я за любого,
«Ой биле жъ моя, товста та
била,
«Я тобе, биле, въ бильи почту,
«Я тебе, биле, у празныкъ зносю
(сл. Кабя).

9.

Та гуляла Уляна у пана,
Чырвони чырывычкы покаляла,
Жымчугъ намысто порвала,
Золоти хресты поламала;
Та прохала Уляна Ивана:
Та пиды та скажы мачуси,
Шо Уляна у пана гуляла,
Чырвони чырывычкы покаляла,
Жымчугъ намысто порвала,
Золоти хресты поламала.
Ой, сыне мій, Иване,
Пиды скажы Уляни,
Ныхай вона утопыця,
А на мои кари очи ны явыця.
— Ой, брате, мій, Иване,
-- Пиды та скажы мачуси,
— Шо вже наша Уляна вто-
нула,
— Тилькы іи кисонька зрынула.
«Ой, сыне, мій, Иване,
«Пиды скажы Уляни,
«Ныхай вона ны топыця,
«А на мои кари очи та явыця:
«Я вже чырвони чырывычкы по
обтырала,
«Жымчугъ намысто позбырала,
«Золоти хресты покувала.
(г. К.).

---

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Примѣчаніе. Пѣсни 5 и 6 въ г. Купянскѣ поются вообще въ Петровку.

А.

Десь наша Уляна гуляла,
Намысто, жемчугъ порвала,
Зеленую суконьку замарала,
Золоти обидци поламала.
Іи братичокъ пидозривъ,
Та своій мачуси сказавъ:
«Ой, ненько моя, мачухо,
«Якъ наша Уляна гуляла:
— Пиды жъ ты ій искажы,
— Ныхай вона до дому не явыця,
— Ныхай иде та топыця.
Пишла Уляна топыця,
Пишла мачуха дывыця.
Вынырнула Уляна трычи наверхъ,
Сказала мачуси трои сливъ:
«Ой, ненько моя, мачухо,
«Отдай ты мои обидци на винци,
«Зеленую суконьку братику,
«Жемчугъ намысто сыстрыци
(Св.-Л.).

Въ г. Купянскѣ бросаютъ въ рѣку не одну Марынку, но и Купала вмѣстѣ съ нею, затѣмъ принесшія куклу и сами начинаютъ купаться, причемъ окунаютъ чурбанъ Марынки, припѣвая:

Утонула Марынка (Уляна) утонула,
Тилькы іи кисонька зирнула! или:
Пишла Марынка топытьця,
А за нею дружечкы подывыться.
Ны топыся, Марынко, ны топыся,
Оглянысь, та на свое дытятко подывыся!

Старухи говорятъ, что купаться съ Марынкою не должно, потому что всегда, лишь только погрузится въ воду Марынка, налетаетъ сильный выхрь. Эта нечистая сила является за Марынкой, которая, по мнѣнію иныхъ, есть старшая русалка.

— Якъ розійдуця изъ юлыци уси дивчата и хлопци, то почью на тому мисти, де носылы на гильци Марынку, тамъ сходяця уси видьмы той слободы и собырають тамъ листья, шо осыпалысь изъ тіи гилкы, на яки посылы Марыну, такъ якъ воно згидлыве одъ всякои хворобы (х. Ег.).

— На Ивана Купала рвутъ полынь и сушатъ, а какъ золять въ первый разъ полотно, то въ жлукто (большой улей, въ который складываютъ холстъ, или бѣлье, пересыпаютъ золою и льютъ кипятокъ) полынь и пучку (щепоть) соли бросаютъ для того, «щобъ швыдче выбилылось полотно (сл. Коля).

— «Якъ просо объ Ивани ростомъ зъ ложку, такъ будыть каша въ ложци.»

45. Іюнь 29-е.

Свв.-Ап. Петра и Павла. Въ этотъ день хозяйки служатъ благодарственный молебенъ ап. Петру за то, что онъ установилъ постъ Петровку (сл. Кбя).

Въ Купянскомъ уѣздѣ по возвышенностямъ праваго берега рѣкъ Оскола и Красной надъ мѣломъ наслоены зеленыя глины съ прослойками зеленоватосѣраго песчаника, такъ называемаго Харьковскаго камня. Слой камня обыкновенно прикрытъ черноземомъ, но при оранкѣ выворачивается изъ почвы много камней, о появленіи которыхъ на нивахъ разсказывается слѣдующая легенда, записанная въ сл. Преображенной:

«Сіявъ чоловикъ въ поли пры дорози пшыныцю,—иде святый Петро, поздоровкався и пыта: «шо, зымлякъ, сіишь?» А той пиднявъ его на глузы (на смѣхъ): «каминь», кажы.—Ну, пыхай жы и вроды каминь», прорикъ Петро. И съ тыхъ пиръ тамъ и теперъ росте одынъ каминь. «На Петра и полупетра не должно купаться,—утонешь».

46. Іюнь 30-е.

Соборъ 12-ти апостоловъ считается праздникомъ на половину меньшимъ сравнительно съ предыдущимъ днемъ и называется «Полупетра», или «Петрового батька». Въ хуторѣ Егоровкѣ въ этотъ день коровъ не доятъ и варятъ борщъ въ трехъ горшкахъ «тры борщи для того, шо св. Пытро тры разы одрикся одъ Хрыста, и въ ти борщи рижуть трехъ пивнивъ».

Хотя мѣстами по пескамъ рожь начинаютъ косить предъ Петровымъ днемъ, но вообще Іюль мѣсяцъ есть главное время уборки хлѣба.

47. Іюль 8-е.

Св. великом. Прокопія. Въ этотъ день до восхода солнца рвутъ укропъ и потомъ употребляютъ его какъ цѣлебное средство въ головныхъ боляхъ, взрослые моютъ голову водою, въ которой варился укропъ, а дѣтей, страдающихъ «младенческимъ», купаютъ въ этой водѣ.

— Соловей поетъ, пока ячмень не выброситъ колоса, а кукушка въ крайнемъ случаѣ до «Прокипія», но такой продолжительный періодъ пѣнія кукушки предвѣщаетъ бѣду: или неурожай, или болѣзни, обыкновенно крикъ кукушки прекращается къ Петрову дню.

— До Прокипія можно допускать ройбу пчелъ, послѣ же этого дня не слѣдуетъ.

48. Іюль 18-е.

Пр. Іоанна многострадальнаго. Жены, брошенныя мужьями, служатъ этому святому молебны, чтобы онъ воротилъ бѣжавшаго мужа и пробудилъ въ измѣнникѣ прежнюю любовь къ женѣ (сл. Кбя).

49. Іюль 19-е.

Пр. Макрины. Если въ этотъ день будетъ дождь, осень будетъ дождливая. «Якъ шо па Мокрипы буды дощъ, такъ сій жито: буды урожай».

50. Іюль 20-е.

Св. пр. Ильи. «До Иліи дощъ ходы съ своимъ витромъ, и за витромъ и противъ витру, якъ Илья звылыть, а писля Илья иде за витромъ».

Когда бѣсы возсталы противъ Бога и хотѣли низвергнуть Его съ престола, Богъ велѣлъ Ильѣ прогнать ихъ съ неба и загнать въ тартары. Вотъ съ тѣхъ поръ Илья и гоняется за бѣсами и загоняетъ ихъ въ пекло. Но въ одномъ мѣстѣ онъ ихъ загонитъ, глядь—они въ другомъ вылѣзли, нужно спѣшить туда, такъ онъ вѣчно воюетъ съ ними. Когда громъ гремитъ тихо и тучи идутъ медленно,—это Илья спокойно ѣдетъ на своей огненной колесницѣ, нигдѣ не видя бѣсовъ. Завидѣвъ же ихъ, онъ гонитъ во весь духъ: отъ страшной скачки подымается буря, гремитъ громъ, испуганные бѣсы бросаются во всѣ стороны, а Илья вслѣдъ за ними бросаетъ свои огненныя стрѣлы-молніи. Такія стрѣлы сами выходятъ на поверхность земли черезъ семь лѣтъ; ихъ можно видѣть у нѣкоторыхъ изъ деревенскихъ знахарокъ. Подобная стрѣла имѣетъ большею частію видъ длиннаго каменнаго трехграннаго терпуга, на концѣ заостреннаго (каменное орудіе).

Во время грозы свѣтятъ предъ иконой страстную свѣчу. Многіе думаютъ, что происшедшій отъ молніи пожаръ тушить грѣшно, да и потушить его нельзя ничѣмъ, кромѣ молока, а потому къ тушенію такого пожара приступаютъ неохотно, говоря: «Богъ запалывъ, чоловикъ не затуше», такъ какъ пожаръ отъ молніи считаютъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи. Кто работаетъ въ день Ильи, того убиваетъ громъ. Во время грозы прогоняютъ отъ себя кошекъ и собакъ, вѣря что въ нихъ часто прячется діаволъ, когда убѣгаетъ отъ преслѣдованія пророка Ильи. Но человѣка, убитаго громомъ, считаютъ праведнымъ, потому что въ этомъ случаѣ убитъ бываетъ не человѣкъ, а собственно бѣсъ, спрятавшійся отъ Ильи въ человѣка, душа же человѣка попадаетъ прямо въ рай.

— На Илью «до схидъ сонця» отправляются хозяйки въ одной бѣлой сорочкѣ на огородъ къ грядамъ капусты и тамъ начинаютъ сдавливать головки капусты руками, приговаривая: «святый Илья, складай головки туги та били такъ, какъ я» (сл. Св.-Л.).

— На этотъ день скота въ поле и въ лѣсъ на пастьбу не выгоняютъ, потому что въ этотъ день всѣ звѣри и гады ходятъ по лѣсамъ и полямъ свободно (сл. Топ.).

— Прежде почти во всемъ уѣздѣ, при окончаніи жатвы ржи, оставкяли кустикъ этого хлѣба не сжатымъ «Ильѣ на бороду», теперь же это дѣлается только кое-гдѣ, да и то въ видѣ шутки.

— «Прійде Илья, наробе гнылья», говоритъ народная пословица, составившаяся на основаніи частаго выпаденія дождей въ концѣ іюля мѣсяца.

— Послѣ Ильина дня, говорятъ, не слѣдуетъ купаться, а не то голова будетъ болѣть.

51. Іюль 27-е.

Св. вкм. Пантелеймона (Палія). Этотъ день называютъ днемъ Палія, потому что, по народному вѣрованію, хлѣбъ и все имущество у лицъ, работающихъ въ этотъ день, «спалятся», сгорятъ отъ молніи. Во время пожара, особливо происшедшаго отъ грозы, обносятъ три раза вокругъ горящихъ построекъ икону св. Пантелеймона (а также икону Неопалимой купины), вѣря, что вслѣдствіе этого пожаръ прекратится. Св. Пантелеймонъ пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ, какъ цѣлитель въ болѣзняхъ, и иконы его встрѣчаются довольно часто въ хатахъ грамотныхъ крестьянъ.

52. Іюль 28-е.

Иконы Смоленскія Божія Матери (Смоленська).

Говорятъ: «Палій пале, а Смоленьска смале», и въ этотъ день многіе не работаютъ изъ боязни, чтобы отъ грозы не погорѣли скирды хлѣба. Для предохраненія же хлѣбовъ въ стогахъ и въ скирдахъ отъ мышей, кромѣ скарлупъ крашенокъ, освященнаго на пасху хрѣна и костей пасхальнаго поросенка, кладутъ туда еще и кресты изъ колосьевъ хлѣба, сдѣланныя по окончаніи жатвы каждаго рода хлѣбовъ.

53. Іюль 30-е.

Св. Ивана воина, Чтобы отыскать уворованную вещь или, по крайней мѣрѣ, отомстить вору, служатъ молебенъ Іоанну воину и при этомъ ставятъ передъ иконой его свѣчу верхнимъ концомъ внизъ и зажигаютъ нижній ея конець. Во время горѣнія свѣчи воръ будто бы испытываетъ такія страшныя мученія, что непремѣнно возвратитъ украденную вещь, если она у него.

Пчеловоды, въ случаѣ воровства ульевъ или насылки изъ другой пакѣки пчелъ, дѣлаютъ дома изъ своего воска свѣчу, зажигаютъ ее, а потомъ, потушивъ, относятъ въ церковь и ставятъ верхнимъ горѣлымъ концомъ внозъ передъ иконой Іоанна воина.

Пчелы отыщутъ вора и отомстятъ ему. Такъ въ одной пасѣкѣ пчелы зажалили своего дѣда пасѣчника, который и оказался воромъ.

---

54. Пѣсни во время жатвы.

1.

Ой у поли нывка,
Съ краю матырынка,
Тамъ дивчына жыто жала,
Сама чернобрывка.
Йихавъ парень дорогою:
«Здоровъ, здоровъ, женче!»
Вона стала, одгадала:
«Здоровъ, здоровъ, серце!»
А вже тая слава
На все село стала,
Шо дивчына казаченька
Серденькомъ назвала (сл. Пря, г. К., сл. Коля).

2.

Посылае Сыдиръ Гапку
Въ поле жыта жаты;
Гапка каже: ны здужаю
Головку пидняты.
«Вставай, моя Гапко, ны лыжы,
«Кума въ гости зове».
— Пиду я поспишненько,—
— Може хворь скорій пройде.
— Заразъ убыраюся
— И скоренько пиду,
— А для тебе, Сыдорка,
— Дви работы найду:
— А первая работушка:
— Выжынь лыбыди зъ двора,
— А другая работушка:
— Поставъ самоваръ для меня.
(х. Ег., сл. Пря)

3.

Якъ послала мене маты
Ярового жыта жаты;
А я жытця ны жала—
Въ борозенци лежала.
Та йхалы чужежепци,
Найшлы мене въ борозенци:
«Встань, дивчыно ны лыжы,—
«Боже тоби поможы.
— Охъ вы, жынци—чужоженци,
— Та пыкажыть моей неньци,
— Шо лыжала въ борозенци.
— Я лыжала ны лыжала
— И снопыка ны нажала
— И копъ ны наклала (сл. Н-Н).
Тай повезлы мене до дому:
Ой мамочко, мамочко,
Не хочу жыта жаты,
Буду дома лежаты:
И головочка не заболыть,
И било лычко не загорыть (г. К.).

4.

Борозенька узенька,—
Въ двохъ не вляжемося,—
Теперь ничка маненька,—
Не награемося.
Ой пидъ рядномъ холодно,
Пидъ кожухомъ душно;
Ой сама жъ я не засну. —
Безъ мылого скушно.
Ой, Маруся моя, ты до горя довела,

Ты до горя довела, ты зъ ума мене звела:
Ой ставъ же я та й хылюся
На ту кровать, де Маруся.
Ты, Маруся моя, ты до горя довела (г. К.).

4.

За нашею слободою
Росло жыто съ лободою.
А хто буде жыто жаты,
То той буде горе знаты.
Катерина жыто жала,
Катерина горе знала (г. К.).

5.

Болять, болять били ручкы,
Пшеныченьку жнучи!
Та вже-жъ мини надокучыло,
Мыленького ждучи!
Нема жъ, нема-жъ мого мыленького,
Нема жъ мого пана.
Уже жъ тая дороженька
А жъ пылю прыпала!
Та йдуть возы скрыпучи,
А по переду выступае
Мій мыленькій идучи,
Та у сопилочку грае.
Сопилочко, барвиночко,
Орихове денце,—
Прыйды, прыйды, молода дивчина,
Потишь мое серце! (сл. Гус.).

7.

Нащо мини жынытыся,
Нащо жинку браты:
Теперъ сина ныврашай,—
Ничымъ годуваты.
Грычанои половыци
Та ны буде йсты,
А ячминна зъ усвюкамы—
Буде въ зубы лизты.
Нащо мини жынытыся,
Нащо мини жинка:
Цвитуть цвиты въ огороди:
Всякая нагидка (г. К.).

7.

Посылала Ваньку маты
Ярового жыта жаты.
Ванька жавъ, Ванька жавъ,
За весь день снопъ нажавъ,
Малолитній изязавъ.
Якъ напала Ваньку скука,
Тай обризавъ серпомъ руку:
Полылась руда зъ рукы.
Его паня подбижала,
Платкомъ руку объязала;
Вона его въ гости звала,
За тысовый столъ сажала.
Вона его угощала:
Медомъ, виномъ напувала,
Калачамы годувала (сл. Н—Н.)

8.

Изъ-за горы витырь вiе,
Жыто половiе.
На козака худа слава:
Робыты ны вмiе.
Ой робыты—ны робыты,
Жаты не вагнется—
До дивчыны чорнявои
Съ старостамы шлется.
Ой хоть шлыся, хоть ны шлыся,
Хоть у годъ наймыся,
Та выжывы пару коный
И пару жупанивъ,
Тоди сядымъ крый дивчыны,

Крый шытыхъ рукавивъ.
Шыти, шыти рукавчыкы,
У поляхъ мережка,
А до тіи дивчыноньки
Втоптаная стежка.
Ходимъ, ходимъ, товарышу,
На той край помалу.
— Ой чого жъ намъ, товарышу,
— На той край ходыты?
Пырыстала дивчынонька
Вирненько любыты (сл. Кам.).

9.

Пріихавъ мій мылый съ поля,
Прывьязавъ коня крый порога,
Та самъ заплакавъ крый коныка свого:
Розбысчаспа головонька моя.
Та просватана дивчынонька моя.
Якъ бы мини, Господы вечера дождаты,
Та пошлю людей дивчыну свататы,
А самъ пиду пидъ викно слухаты,
Ой що буде дивчына казаты.
А дивчына по свитлонци ходе,
Вона жъ ходе, ходе-гуляе,
Били ручку ломе й вымовляе:
Ой ты, мате-порадныца въ хати,
Порядь, мате, шо людямъ казаты,
Та чи будемо рушныкы даваты,
Чи будемо людей видсылаты
До осени ждаты. (г. К.).

10.

Ой полынь, полынь, та черная
Крутымъ бережкомъ;
Накажы жъ ты, черная галка,
Моему родочку,
Шо теперъ же я на чужій чужини
Зоставсь сыротою,
Сыротою та не вылыкою недавно зостався
Черезъ тую молодую дивчыноньку,
Шо я женыхався,
Та женыхався, та не насміявся,
Думавъ—моя буде;
А теперъ тую молоду дивчыну
Розраялы люды;
А теперъ тая молода дивчына
Якъ голубка гуде.
Та нехай гуде, та нехай гуде,
Вона нагудетця,
Якъ упіймаемъ, та пребуркаемъ,
Вона зхаменетця.
Та потимъ боци та видъ толоци
Козакъ жыто косе;
Его ненька старенька
Вечаряты носе:
«Вечеряй ты, стара маты,
«Колы наварыла:
«Теперъ мини, моя маты,
«Вечеря не мыла».
— Не журыся, мій сыночокъ!
Дивка твоя буде:
Брала писокъ изъ-пидъ нижокъ
Тебе чаруваты;
Брала воду изъ-за броду
Тебе облываты.
Чаруй, чаруй, молода дивчына,
Колы довылося,
Колы твое биле лычко
Зъ моимъ позналося,
Мы жъ съ тобою, молода дивчына,
Та й поберемося (сл. Н.-Н.).

11.

Почому я лита свои
Згадуваты буду,

Шо ны зъйла, шо ны спыла;
Шо хороше ны ходыла;
Тико буду згадуваты,
Шо кремно робыла.
Якъ запряжу я тройку коней—
Кони вороніи,
Та побижу доганяты
Лита молодіи.
Та й побигла, та й догнала
На каменомъ мости:
Ой вырнитесь, лита мои,
Хоть на часъ у гости!
Ны вернымось, ны вернымось,
Ны будемъ вертатьця:
Було бъ тоди шануваты,
Та й не гайнуваты,
Ны вернымось, ны вернымось,
Ны будемъ выртатьця:
Було бъ тоди шануваты
Здоровьячка свого.
Я вырву я зъ рожы квитку,
Та й пустю на воду:
Плывы, плывы, зъ рожы квитка,
Ажъ до мого роду!
Плывла, плывла зъ рожы квитка,
Та й стала крутытьця
Выйшла маты, воды браты,
Та й стала журытьця:
Чого, чого зъ рожы квитка
На води завьяла,
Чого, чого жъ, донько моя,
Така стара стала?
— Изстарила мене маты,
Та чужая хата,
А ще й къ тому й малы дитки,
Та чужи пивмитки (г. К.).

А.

Та шо диброва ой да зашумила?
Ой да шо у мене, молодой, головка заболила?
Та якъ пиду я ой да у садочекъ,
Та й вырву жъ я ой да цвиточекъ.
Та якъ вырву я ой да рожи квитку,
Та й пустю на воду:
Та плывы, ой да рожи квитка,
Та й до мого роду!
Та якъ прыплывла ой да рожи квитка
Та й стала крутытьця.
Выйшла жынка ой да воды браты,
Та й стала журытьця:
Та чого, чого ой до рожи квитка
На води завьяла,
Та чого, чого моя жинка
Така стара стала (сл. Кбя).

12.

Та въ лиси пидъ кустыкомъ
(Ой у лиси та пидъ кустыкомъ Х. Н-С.)
Та сыдить дивка съ купчикомъ,
Та съ купчикомъ, съ голубчикомъ.
Та купецъ дивку вговоряе:
«Ой ты, дивыця-красавыця,
«Ой ты, дивыця-красавыця,
«Ой моя прежняя любовныця,
«Моя прежняя любовниця!
«Ой тожъ мы съ тобой любылыся,
«Тожъ мы съ тобой любылыся:
«Ой та ничого жъ мы не журылыся,
«Ой якъ мы съ тобой перестал ы,—
«То й вси ворогы ради сталы (г. К. и р. м.).

—

Якъ мы съ тобой вирно любылыся,—
Вси сухи дубы та розвылыся,
Вси ворогы смутылыся;

А якъ тыперъ пырысталы,—
Вси одполютки та й повсыхалы
(х. Ег.).

13.

Ой Семено, Семено,
Дома нѣту никово,
Только дома батракъ
Работае дурно такъ:
И сараи городить,
И плытни становить.
Уберанця батракъ
Въ чистое поле работать,—
Яровое жыто жать.
Заходылы подъ постать,
Позабыли серпы взять.
Ой ждать да й пождать,
Да некого да й послать.
Телѣжечка забряжчала,
За серпами побѣжала.
Прибѣгае ко дворцу,
Ходыть теща по дворцу.
«Здраствуй, тетка и свекры,
«Отдайте наши серпы!»
— Наши серпы у снопахъ
— Позастримляни лежать.
При высокому кургани
Стоять дивки съ молодцами,
Одну рѣчь вси говорять;
Кому кого брать (сл. Пря).

Въ настоящее время ни обжиночныхъ, ни дожиночныхъ пѣсенъ нѣтъ особыхъ, а во все продолженіе жатвы и уборки хлѣбовъ поются однѣ и тѣ же пѣсни, или изъ числа вышеприведенныхъ, или, даже, просто изъ числа общеизвѣстныхъ, распѣваемыхъ и на вечерницахъ, напримѣръ:

14.

Утромъ рано до зори
Вышли въ поле косари,—
Ай люли,-косари,
Косари вы мои
Рано, рано почали.
Косилъ Ѳомка, косилъ Власъ,
Да, Еремка кривой глазъ.
Ай люли,-косари,
Косарики,-вы мои, } припѣвъ.
Рано, рано почали
Косилъ батько, косилъ я,—
Накосили черта два.
Припѣвъ:
Посылала меня мать
Въ поле яровое жать.
Припѣвъ.
А я сѣла на песокъ,
Просидѣла весь денекъ.
Припѣвъ.
Я въ песочкѣ простояла
Друга мила ожидала.
Припѣвъ.
Насилушку дождалась,
Насилушку бросалась.
Припѣвъ.
Ты, косаричекъ же мой,
Поцилуйся же со мной!
Ай люли,-косари,
Косарики вы мои
Рано, рано почали (г. К.).

Какъ отголосокъ временъ крѣпостного права приводимъ слѣдующія пѣсни:

15.

Господа наши дворяны
Неразсудлыви бувалы,
Неразсудлыви бувалы,
На работу рано гналы.
На работу гонють рано,
На день дають хлѣба мало;
На послидку поприкалы,
Шо линыво работалы.
Работалы, все страдалы:
Съ лыця пить-вода течеть,—
Молодця горе береть.
Завыдувалы наши хрыстьяны
На лакейское житьё.
Хорошо буты лакею:
Лакей пашеньки не пашыть,
Винъ оброку не кладеть,
Косы въ руку не береть.
Куды пошлють—идеть скоро,
Шобъ и дыло ишло скоро,
На дорожкѣ состоялъ,
Сударушки дожидалъ.
Сударушка ты моя,
Лебедушка бѣлая.
Хоть спинушка набыта,
Да сударушка нажита;
Хоть спинушка побыта больно,—
Любилъ дѣвушекъ довольно.
(сл. Св-Л.).

16.

Нынче праздничекъ заходитъ,
Намъ хочется погулять—
Ахъ, бѣда! ахъ бѣда, бѣда!
Господа не вылять.
Мы дождемся темной ночи,
Украдимся и пойдемъ,
Погуляемъ мы всю ночку
До бѣлой до зари.
А завтра рано поутру.
Призываютъ насъ къ кнуту.
Не велятъ молодцу оправдаться,
Велятъ скоро раздѣваться,
Не поспѣлъ онъ сказать рѣчи,
Ужъ спустили ему бѣлы плечи.
Хоть спинушка набита,—
Сударушка нажита;
Хоть спинушка болитъ больно,—
Люблю дѣвушку довольно.
А на завтра къ вечеру
Ко мнѣ дѣвушка пришла,
Кувшинъ меду принесла
И бутылку вина,
Што бъ спинушка зажила (сл. Пок.).

17.

Бѣла Доня заболѣла,
Сладкихъ пряпцевъ захотѣла:
«Ужъ ты, мужъ мой, мужинекъ,
«Поѣзжай ты въ городокъ!
— Ужъ ты, Донюшка—Дуняша,
Кабы воля па то наша:
Нонче годы не такіе,
Наши паны все лихіе,
И приказчики дюжа злые (сл. Пок.).

18.

У нашого пана вылыка панщина!
А въ ныдилю пораненько
Во вси звоны дзвонять,
А насъ молоди дысятныкы
На панщину гонять
«Годи, годи вамъ, крыстьяны,
До церквы ходыты!
Идитъ, идитъ швыдче въ клуню
Овесъ молотыты,
А молоди хлопци
На греблю писокъ возыты,
Та щобъ по краяхъ
Килочкы булы набыти» (сл. Пря).

55. Августъ 1-е.

Муч. Маккавеевъ. Маковія и перваго Спаса. (Саса на води). На Маковія пекутъ коржи и приготовляютъ изъ нихъ такъ называемые «шулыкы», то есть, изломавъ эти коржи на мелкіе кусочки, обливаютъ ихъ медовою ситою съ маковымъ молокомъ, дѣлаютъ также изъ молока съ медомъ «маковыки».

Какъ шулики, такъ равно и маковики составляютъ отличительное кушанье для настоящаго дня у малороссовъ, а у великороссіянъ это кушанье неизвѣстно. Въ подтвержденіе чего разсказывается слѣдующій анекдотъ: какъ то разъ на Маковія зашелъ къ одной вдовѣ солдатъ—москаль. Хозяйка посадила его обѣдать и въ заключеніе стола подала ему шуликивъ. Солдатъ, никогда не видавшій этого кушанья и притомъ уже наѣвшійся борщу и каши, подозрительно взглянулъ на смѣсь изъ кусочковъ коржа и маковаго молока и спрашиваетъ: «а что это такое?»—Та це шулыкы, отвѣтила старуха. «Кулики, кулики, такъ пусть летятъ себѣ съ своимъ гнѣздомъ», говоритъ солдатъ, выбрасывая за окно шулики. «Та шо се вы робыте, служивый?! вы бъ покуштувалы, сказала хозяйка. Солдатъ лизнулъ ложку: вкусно, сладко,—да какъ закричитъ въ окно: «кулички, кулички! возвратитесь назадъ въ свое гнѣздушко!» Такъ дурный москаль и остався безъ шуликивъ на Маковія.

Больные лихорадкою, а также и тѣ которые думаютъ, что они болѣютъ, «сглазъ», «уроченые», купаются въ этотъ день или до солнечнаго восхода на утренней зарѣ, или во время водосвятія. Цвѣты которыми окружаютъ крестъ, разбираются потомъ на расхватъ, такъ какъ имъ приписываются особыя цѣлебныя свойства.

56. Августъ 6-е.

Преображеніе Господне, Спасъ на гори. Въ этотъ день освящаютъ въ церкви яблоки, груши и медъ въ сотахъ «сцильныкы». До «Спаса» не ѣдятъ яблокъ многія женщины, преимущественно же тѣ, у которыхъ умирали дѣти, или были мертворожденныя. По народному повѣрью, на томъ свѣтѣ, на небѣ въ этотъ день Богъ роздаетъ яблоки умершимъ дѣтямъ, но даетъ только тѣмъ изъ дѣтей, матери которыхъ не ѣли до Спаса яблокъ, а дѣтямъ, родители которыхъ не воздержались отъ употребленія этихъ фруктовъ, не даетъ райскаго яблочка, говоря: «твое свыня зъила».

— Въ этотъ день до восхода солнца знахарки ходятъ рвать извѣстныя имъ травы, причемъ приговариваютъ: «Дива Марія це зилья сіяла, а Спасъ полывавъ, намъ на помищь дававъ».

— Прыйшовъ Спасъ, держы рукавычкы про запасъ.

Говорятъ: Спасивка-ласивка, а Петривка-голодивка, потому что ко дню Спаса оканчивается уборка не только ржи, но многіе изъ крестьянъ успѣваютъ къ этому времени убрать и ячмень, а иные даже и пшеницу. Говорятъ, что Спасовка есть продолженіе Великаго поста. Богъ назначилъ, молъ, для Великаго поста девять недѣль, но святые отцы, зная людскую слабость, упросили Бога раздѣлить этотъ постъ на двѣ части, чтобы людямъ было легче выполнять его.

Тогда Богъ повелѣлъ назначить для Великаго поста семь недѣль, а двѣ недѣли отнести къ концу лѣта и установить Спасовку.

Поэтому и въ Спасовку должно также строго соблюдать постъ, какъ и во время Великаго поста, а равно и говѣть, что стариками обыкновенно и исполняется.

57. Августъ 15-е.

Успеніе пр. Богородицы, перва Пречиста. Къ этому дню у многихъ хозяевъ бываетъ окончательный сборъ садовыхъ плодовъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ послѣ Спаса становится все труднѣе сохранить ихъ на деревьяхъ отъ воровъ.

При собираніи грушъ въ сл. Преображенной поютъ:

Прычыста по груши ходыла,
Прычыста мишокъ загубыла,
А Спасъ ншовъ,
Мишокъ найшовъ.
Спасыку-братыку, отдай мини мишочокъ,—
Не буду ходыты у твій лисочокъ!
(сл. Пря).

58. Августъ 29-е.

Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, Головосика. Въ этотъ день не варятъ борща, не рѣжутъ ножемъ хлѣба, многіе даже не берутъ ножа въ руки «потому шо святому Іоанну одризалы голову на цей день». Если рѣзать ножомъ головку капусты, или разрѣзать арбузъ, то на ножѣ появятся капли крови, поэтому въ этотъ день для ѣды арбузы разбиваются, а хлѣбъ разламывается на куски. Употреблять въ этотъ день какое-либо рѣжущее оружіе считается грѣхомъ, влекущимъ за собою наказаніе.

Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ ѣхалъ на «Головосика» по какому то дѣлу въ городъ, и дорогою сломалась у него въ повозкѣ чека. Не долго думая, взялъ крестьянинъ топоръ, отрубилъ отъ палки кусокъ, затесалъ, его и сдѣлалъ чеку. По обыкновенію, увидѣвъ сломавшуюся

чеку, крестьянинъ въ слухъ разсуждалъ самъ съ собою, но лишь только отрубилъ онъ кусокъ палки, какъ почувствовалъ, что у него языкъ какъ-бы отсѣкся: сказать ничего не можетъ — совсѣмъ онѣмѣлъ. Долго оставался этотъ крестьянинъ нѣмымъ, пока по совѣту добрыхъ людей не сталъ служить передъ иконой Усѣкновенія молебней и не сталъ предъ всѣми людьми каяться въ своемъ грѣхѣ, тогда только снова получилъ онъ спобность говорить, а то все мычалъ, какъ какой-нибудь звѣрь. (сл. Н.-Н.).

59. Сентябрь 1-е.

Св. Симеона Столпника, Семена. Съ этого дня деревенскіе мастеровые работаютъ и по вечерамъ при огнѣ, начинаютъ «засиживать вечеръ», а поэтому случаю бываетъ изрядная выпивка.

Говорятъ, что на Семена въ селеніяхъ по утру нельзя увидѣть ни одного воробья, потому что въ этотъ день всѣ воробьи съ ранняго утра собираются на берегахъ рѣкъ и озеръ въ камышахъ, гдѣ черти перемѣривоютъ ихъ мѣрами, причемъ попавшіе въ мѣрку достаются чертямъ, а остаются въ живыхъ только вершки, поэтому то послѣ Семена дня число воробьевъ въ селеніяхъ замѣтно уменьшается. (г. К.).

60. Сентябрь 4-е.

Иконы Б. М. «Неопалимыя Купины». Нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ эту икону въ домахъ, такъ какъ приписываютъ ей чудесное свойство предохранять домъ отъ пожара.

Вѣрятъ также, если обнести вокругъ горящаго зданія икону Неопалимыя Купины, огонь самъ собою потухнетъ. (сл. Кабя).

61. Сентябрь 6-е.

Чудо Архистратига Михаила, Мыхайлово чудо. Работать въ этотъ день считается большимъ грѣхомъ и нарушитель святости праздника неминуемо понесетъ соотвѣтствующее наказаніе, какъ это видно изъ слѣдующихъ разсказовъ:

— На Мыхайлово чудо выйхавъ чоловикъ жыта сіяты, а другый ему каже: чого ты выйхавъ жыта сіяты, сёгодня празднывъ — Мыхайлово чудо?!» А той ему въ отвитъ: чудно буде, якъ посію. Ну, и ставъ знимаɪы бороны, та якъ знявъ перву борону, узявъ іи на голову, та такъ цилый день и ходывъ по рели съ бороною на голови. Отакъ чудно винъ посіявъ!» (сл. Ар., х. М.).

— На Мыхайлово чудо грихъ кроиты сорочку або штаны. Одна жинка кроила, а сусидка прыйша до неи та й каже; «сегодня грихъ кроиты: сёгодни Мыхайлово чудо!» А вона іи и каже: чудна буде, якъ покрою. Та съ тыхъ поръ всю жысть свою вона все ризала ножныцями що ны запопаде. (г. К.).

— Одна женщина ткала полотно, вечеромъ приходитъ къ ней ея знакомая; увидѣвъ ткачиху за станкомъ, говоритъ ей: «Якъ це ты такъ не боишься, шо сегодня тчешь: сёгодня Мыхайлово чудо?!» А хозяйка ей въ отвѣтъ: буде чудно, якъ ось я сёгодня дотчу та й верстакъ выкыну. Та й начала сміяться, та все сміялась, ажъ цилый годъ не перестаючи до самого цёго праздника. (сл. Н.-Н.).

62. Сентябрь 8-е.

Рождество пресв. Богородицы, друга Прычыста. Съ этого дня начинается сватовство, отсюда поговорка: «Прыйшла друга прычыста понысла старостивъ пычыста».

63. Сентябрь 14-е.

Воздвиженіе креста Господня, Здвижання. Въ этотъ день соблюдается строгій постъ и не совѣтуютъ ходить въ лѣсъ, потому что тамъ можно провалиться въ ту яму, въ которую собираются на зимовлю всѣ гадюки (змѣи), и тогда придется вмѣстѣ съ ними лизать гадючій камень. Разсказываютъ, что одна дѣвушка пошла на Воздвиженье въ лѣсъ и тамъ попала въ одну изъ такихъ ямъ и въ ней прожила всю зиму вмѣстѣ съ гадюками, которыя пили кровь дѣвушки, а она лизала ихъ камень. На Руфа, когда все пробуждается отъ зимняго оцѣпенѣнія, змѣи вылѣзли изъ ямы, вылѣзла и дѣвушка. Она была до того истощена, что едва дотащилась до своего дома, гдѣ успѣла разсказать только о томъ, что съ нею случилось,—и умерла (г. К., сл. Пря, Ар.).

— «На цей день земля здвыгуется ночью, такъ шо нихто и нызамите, окромы благочыстывыхъ людей» (х. М.).

— Въ этотъ день гадюки собираются въ свои гнѣздовья на зиму, но тѣ, которыя въ теченіе года укусили человѣка или скотину, не принимаются въ кругъ, а должны оставаться и мерзнуть на поверхности. Всѣ такія, отверженныя своимъ обществомъ, змѣи выползаютъ въ этотъ день на дороги, чтобы погибнуть подъ колесами проѣзжающихъ (г. К., сл. Кбя).

64. Сентябрь 23-е.

Зачатіе Предтечи и Крестителя Іоанна. Нельзя на Ивана Черного ничого заготовляты на зиму, бо почерніе все (сл. Бор.).

65. Октябрь 1-е.

Покровъ Пресв. Богородицы, Покрова. Накануне этого дня перебрасываютъ три раза черезъ хату гноину (кусокъ сухого навоза), «щобъ хата не курна була,» а на самый праздникъ «до схидъ сонця» топятъ въ грубкахъ, «щобъ хата зимою тепла була».

— Въ этотъ день вырѣзываютъ четыре плиты дерна и кладутъ ихъ на чердакъ сырого дома по угламъ травою внизъ, чтобы домъ былъ зимою сухой (сл. Бор.).

— Замѣчаютъ откуда въ этотъ день дуетъ вѣтеръ: если съ сѣвера или востока, то зима будетъ холодная, малоснѣжная; если съ юга,—то теплая, съ запада,—снѣжная.

Съ Покрова свадьбы и вечерницы въ полномъ разгарѣ. Пословица: «Прыйшла Прычиста,—посе старостивъ нычыста,» такъ говоритъ деревенская красавица, разборчивая невѣста. «А якъ прыйде Покрова, зареве дивка, якъ корова: що старостивъ нема, щобъ замижъ скорій отдалы».

66. Октябрь 26-е.

Вм. Димитрія Солунскаго. «До Мытра дивка хытра, говоритъ народъ, имѣя въ виду невѣстъ, перебирающихъ женихами, а послѣ Дмитрія: «хоть за старця: абы не остатьця».

67. Октябрь 28-е.

Вм. Параскевы, св. Пятинкы, Пьятници. День почитаемый преимущественно женщинами: не прядутъ, не шьютъ, не золятъ бѣлья и не расчёсываютъ волосъ на головѣ.

68. Ноябрь 1-е.

Св. безср. Космы и Даміана. Въ этотъ день нѣкоторые изъ крестьянъ не работаютъ, считая Косьму и Демьяна защитниками людей и скота отъ укушенія змѣй и разныхъ гадовъ.

Легенда о Косьмѣ и Даміанѣ. Разсказываютъ, что св. Косьма былъ искусный кузнецъ, такой мастеръ, что для него ничего не стоило и стараго человѣка перековать на молодого.

Приходитъ разъ къ нему въ кузницу красивый юноша и проситъ принять его работникомъ. Косьма отослалъ этого юношу къ себѣ въ домъ, чтобы онъ тамъ переночевалъ, а на утро явился въ кузницу. Когда

жена Косьмы увидала молодаго работника, то такъ и вспыхнула страстью къ нему. Она была и сама очень красива, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшная вѣдьма. И вотъ начала она увиваться около Демьяна, такъ звали юношу: подчуетъ его и водочкой, и винцомъ, угощаетъ яичницей, варениками, всячески ластится къ нему и соблазняетъ его. Но Демьянъ относился холодно и къ ея словамъ, и къ ея ласкамъ. На утро, пришедши къ Косьмѣ въ кузницу и видя, что тотъ беретъ голыми руками раскаленное желѣзо, снова сталъ просить его поучить своему искусству. Косьма сказалъ: смотри и учись, на ночь же вторично отправилъ его къ себѣ въ домъ. Трудно было Демьяну устоять противъ всѣхъ прелестей и чаръ красавицы вѣдьмы, жены Косьмы, но все же онъ устоялъ, не соблазнился ни на вторую, ни на третью ночь, когда вѣдьма являлась къ нему на постель совсѣмъ обнаженной. Когда, затѣмъ, утромъ послѣ третьей ночи Демьянъ пришелъ въ кузницу и обратился съ прежней своей просьбой къ Косьмѣ, тотъ ему отвѣтилъ: «тебѣ нечего учиться: ты побѣдилъ самый страшный огонь, пламени котораго не противустоитъ ни одинъ человѣкъ,—ты побѣдилъ пламя страсти,—теперь тебѣ не можетъ вредить никакой огонь. Смѣло бери голыми руками раскаленное желѣзо: оно холоднѣе женскаго тѣла». И стали Косьма и Даміанъ работать всмѣстѣ, ковать плуги да сохи да учить людей земледѣлію. Только въ одномъ сплошали они. Жена Косьмы рѣшила отомстить Даміану, сдѣлалась зміею, прилетѣла къ кузницѣ и стала требовать у мужа, чтобы тотъ выдалъ ей Даміана, грозя въ противномъ случаѣ уничтожить ихъ обоихъ. Святые схватили раскаленными щипцами ее за языкъ, когда она, пролизавъ двери, начала шарить имъ по кузницѣ, и убили ее молотами, а убивши трупъ сожгли и золу развѣяли. Да вотъ бѣда: изъ этой то золы и выплодились разныя вредныя насѣкомыя (г. К.).

69. Ноябрь 21-е.

Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы, Выдынья.

— На цей день Богъ отпускае праведныхъ душъ подывыця на свое тило; потому воно и называнця цей день Выдыньямъ, що душа дывыця на свое тило (хут. Мал.).

— Якъ Веденья мосте мостки, а Мыкола забыва гвиздки, то люта зима буде (сл. Ар).

— Якъ ляже глыбока зима, готовь глыбоки закрома: будетъ хорошій уражай (сл. Пря).

70. Ноябрь 24-е.

Вм. Екатерины. Въ этотъ день дѣвушки срѣзываютъ съ вышневыхъ деревьвъ вѣточки и ставятъ ихъ въ воду. Если на этихъ вѣточкахъ появятся къ Рождеству цвѣты, то гадающая выйдетъ замужъ. Иныя срѣзываютъ столько вишневыхъ вѣточекъ, сколько душъ въ семействѣ, а затѣмъ, по числу нерасцвѣтшихъ въ кувшинѣ съ водою до Рождества вѣточекъ, судятъ сколькихъ членовъ лишится семейство въ теченіе будущаго года (сл. Св-Л.).

71. Ноябрь 30-е.

Ап. Андрея Первозваннаго, Андросыма. Наканунѣ этого дня, а въ иныхъ слободахъ въ этотъ самый день, дѣвушки-невѣсты ничего не ѣдятъ, на ночь же, ложась съѣдаютъ небольшой коржикъ, сильно соленый, или выпиваютъ наперстокъ воды съ солью и кладутъ 100 поклоновъ, прося св. Андрея показать во снѣ суженаго.

Гадаютъ также по кольямъ плетня, по соломинкамъ изъ крыши, по полѣньямъ дровъ. Короче сказать, употребляютъ тѣ же способы гаданья, какъ и накапунѣ Новаго года.

— «Въ цей день одна баба шыла сорочку, а друга—сусида прыйшла тай каже:» що ты, моя голубочко, робышъ,—сёгодня Андросыма?!

— Якъ буде на усе Андросымы, то ничымъ буде и реберъ прыкрыты, отвѣтила хозяйка.

Такъ зъ нею якъ сталось! такъ уся шкура одстала видъ ребръ,-и до вечыра Богу душу отдала (хут. Мил.).

72. Декабрь 1-е.

Пророка Наума. До открытія въ уѣздѣ земскихъ училищъ, крестьяне имѣли обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ школу на этотъ день, придерживаясь стариннаго обычая, объясняемаго отчасти и поговоркою: «пророкъ Наумъ наведе па умъ.» Впрочемъ и теперь еще говорятъ: «въ цей день треба дитей въ школу отдаваты, шобъ умни булы» (сл.-Св-Л.), и считаютъ: «хто на цей день народыця на свитъ, то викъ буде умный и небесне буде знаты, не учившись» (хут. Мал.).

73. Декабрь 4-е.

Вм. Варвары, Варькы. Празднуется преимущественно женщинами. Говорятъ: «Варвара ночи урвала, а дня прыточыла на макове зерно», или «Варвара ночи вкрала, дня доточыла».

74. Декабрь 5-е.

Пр. Саввы освященнаго. Говорятъ: Варвара мосте, Сава гостре, а Мыкола гвозде (г. К.), когда на Варвару выпадетъ снѣгъ, а на Савву и Николая усилятся морозы. Или, Савушка да Варварушка мосты мостятъ, а Николушка—батюшка гвозди забиваетъ (сл. Покр.).

Три дня; 4, 5 и 6 декабря называются «Николины святки» и на эти дни варятъ кутью и узваръ, чтобы на будущій годъ былъ урожай на плоды и на ячмень (г. К., сл. Св-Л.).

75. Декабрь 6-е.

Св. Николая чудотворца. Савва-Мыколынъ батько.

Легенды о св. Николаѣ. Однажды Савва съ сыномъ своимъ Николаемъ пошли на обѣдъ къ знакомому богатому человѣку, когда было приглашено много людей разнаго званія, знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ: обѣдъ былъ поминальный. Когда всѣ усѣлись за столы, собираясь приступить къ трапезѣ, оказалось, что ѣсть нечего: Николай всѣ кушанья и напитки, приготовленныя для угощенія гостей, повыбрасывалъ и повыливалъ на дворъ. И когда его спросили, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Николай отвѣчалъ, что онъ потому такъ поступилъ, что все приготовленное къ столу было осквернено лихою личиною, такъ какъ хозяинъ поставилъ этотъ обѣдъ не отъ усердія и чистаго сердца, а изъ тщеславія, поэтому то лиха личина (чертъ) не только осквернилъ кушанья, но и сидитъ между людьми за столомъ, чтобы поселить въ нихъ чувства зависти и вражды. Но какъ Николай въ то время былъ еще мальчикомъ, то его словамъ не повѣрили, а отецъ, разсердившись на него за такой дерзкій, по мнѣнію его, поступокъ, прогналъ сына изъ дому. Николай поселился въ глухомъ лѣсу, въ которомъ, впрочемъ, спасался одинъ пустынникъ, питавшійся лишь травою. Юноша же Николай ловилъ птицъ, варилъ ихъ и ѣлъ ихъ мясо. Пустынникъ, увидѣвъ, что Николай употребляетъ въ пищу мясо, сталъ упрекать юношу, говоря: Вотъ ты тоже захотѣлъ быть, подобно мнѣ, пустынникомъ, пожелалъ жить, какъ и я въ уединеніи, для чего же ты ѣшь мясо? «Николай ничего не отвѣтилъ старцу, но продолжалъ вести прежнюю жизнь. Когда же они оба померли, то Богъ сопричислилъ Николая къ лику святыхъ, а пустынникъ попалъ въ стадо грѣшниковъ, потому что хотя Николай ѣлъ и мясо, но онъ ѣлъ въ три дня всего одинъ разъ, а пустынникъ, осудившій его, наполнялъ свое чрево ежедневно травою: «пасся якъ скотына». (сл. Ар.).

— Мыколай угодныкъ изъ попивъ: винъ творывъ вылыки чудыса и за те прысвятывся. Чудыса его булы прывылыки, ну, а обычай у него була, якъ бы и сказаты—напросто ныгарна, хай Богъ простыть въ цимъ слови:—винъ бувъ чмутъ (шутникъ) здоровый. Разъ Мыколай вылыкій чудотворыць йхавъ въ одно сыло церкву святыты, чы можы такъ на храмъ служыты, и дорогою нагнавъ его другый священныкъ, который то жъ туды ихавъ. Въ цёго булы кони, якъ зміи, а въ Мыколая чудотворця такъ, яки Богъ давъ. Тому здумалось похвастатьця,—винъ звернувъ и ахнувъ впередъ, тико курява встала.

Ну, ныдалеко залытышь, держе соби на уми Мыколай и поихавъ шагомъ. Онъ проихавъ той мало—багато, и остановывся въ поли коней кормыты: положывъ имъ сина, чи можы такъ выпустывъ пастысь, а самъ лигъ спаты. Затымъ пидйхавъ туды и Мыколай чудотворыць, дывыця,—кони йдять, а хозяинъ спыть. Винъ, ныдовго думавшы, взявъ и поодрызувавъ тымъ конямъ головы, а своихъ пустывъ пастысь. Той проснувся, ажъ лышычко! та до Мыколая: такъ и сякъ ставъ прохаты. А чутка давно пройшла, що Мыколай творыть чудыса. «Ашо будышъ тикаты?» кажы чудотворыць, а дали помутывъ, пошутывъ надъ тымъ священныкомъ, трохы поучивъ его та й змылувався: прыложывъ головы конямъ, и воны ожылы. И ото за таку его голахтырь винъ и ны удостоявся стояты у церкви на правомъ крыласи, а повсыгда икона его стоить на ливому (сл. Иря).

— Жило два сосѣда: одинъ человѣкъ богатый, другой—бѣдный. Вотъ пошелъ бѣдный къ своему богатому сосѣду занять денегъ. Пришелъ, поклонился и сказалъ: «позычь мнѣ денегъ рубля три; я дня черезъ три отдамъ.—«Не вѣрю, не отдашъ». Клянусь, отдамъ!»—«Не отдашъ». Не вѣришь мнѣ, повѣрь Богу и угоднику Его: вотъ тебѣ икона Николай-угодникъ свидѣтель, что отдамъ! она мой поручитель». Позычилъ богачъ три рубля. Прошло три дня, не несетъ сосѣдъ денегъ. На четвертый день пошелъ богачъ къ своему сосѣду за долгомъ,—не отдаетъ. Разсердился тогда богачъ, снялъ икону Николая-угодника, ну бить ее, бьетъ да приговариваетъ: «давай мнѣ три рубля: ты былъ свидѣтель и поручитель! давай, а то понесу на базаръ и продамъ!» Взялъ икону и понесъ продавать. Несетъ на базаръ, а мальчикъ на встрѣчу и спрашиваетъ: «куда ты, дядинька, несешь эту икону?»—Позычалъ я три рубля денегъ одному тутъ мужику, Николай былъ поручитель, а теперь ни мужикъ не отдаетъ мнѣ моихъ денегъ, ни этотъ поручитель, такъ вотъ я и хочу продать поручителя, чтобы не пропали за мужикомъ мои деньги; сказавши эти слова, богачъ снова ударилъ икону и на ней показалась кровь.

Мальчикъ сталъ просить его не быть иконы, повелъ его въ лавку къ своей матери и сказалъ ей: «маменька, вотъ человѣкъ продаетъ икону».

Женщина взяла икону, посмотрѣла и видитъ на ней кровь: «чего на этой иконѣ кровь?» спросила она. Продавецъ и ей расказалъ тоже, что и мальчику. Тогда женщина дала ему три рубля, взяла икону, поставила въ лавкѣ, повѣсила предъ иконой лампаду и по утрамъ, приходя въ лавку, и по вечера, уходя домой, молилась передъ этой иконой. Съ тѣхъ поръ какъ купила она икону, торговля у нея пошла лучше, а до того лавочка у нея была маленькая и изъ покупателей рѣдко кто туда заглядывалъ, развѣ бѣдняки, что покупаютъ на копѣйку, а торгуются на грошъ; богатые же люди всѣ шли въ лавки богатыхъ братьевъ ея, а теперь народъ такъ валомъ и валитъ къ ней въ лавку: не успѣваютъ вдвоемъ съ сыномъ отпускать. Черезъ нѣсколько времени приходитъ къ нимъ старичекъ, переночевалъ да и остался у нихъ жить. Увидѣли дяди этого мальчика, что у нихъ покупатели уменьшаются, а у сестры съ племянникомъ дѣло идетъ чѣмъ дальше тѣмъ шире и порѣшили поѣхать въ чужія земли, привезти новаго товару, стали подмовлять и племянника ѣхать вмѣстѣ съ ними за море, въ дальнія страны за товаромъ.

Мальчикъ приходитъ домой и говоритъ: «маменька, благословите меня,—я поѣду съ дядьками за море товаръ набирать!»—Съ чѣмъ же ты, сыночекъ, поѣдешь! денегъ у насъ немного, а судёнушко всего одно. Спрашиваетъ мальчикъ у дѣдушки: «чы можно мнѣ ѣхать за товаромъ?»—Можно, скажи маменькѣ, что мы поѣдемъ вдвоемъ. «А какъ же мы поѣдемъ? вонъ дяденьки по шести суденъ берутъ, а у насъ одно да и то плохенькое, развѣ мы на немъ доѣдемъ?—Доѣдемъ, внучекъ, доѣдемъ и товару больше, чѣмъ они, привеземъ. Дяденьки понаймали по пятнадцати человѣкъ на судно, а тотъ мальчикъ поѣхаль только съ дѣдушкой вдвоемъ. Тѣ ѣдутъ по морю, всѣ люди работаютъ, управляютъ суднами, а ихъ судёнушко само идётъ да играетъ.

И пріѣхали они на мѣсто первыми, остановились, прибрались; тутъ пріѣзжаютъ и дяди. Понесли дяди къ царю той земли гостинцы,—мальчикъ и говоритъ дѣдушкѣ: «Дѣдушка, вонъ дяди понесли царю гостинцы, что жъ я понесу ему за гостинецъ?—На́ тебѣ этотъ камушекъ, сказалъ дѣдушка, подавая мальчику камень; возьми въ платочекъ, отнеси и отдай вмѣстѣ съ платочкомъ царю. Когда царь развернулъ поданный ему мальчикомъ платочекъ, камень такъ всю комнату и осіялъ и Богъ его знаетъ, чѣмъ этотъ камень сдѣлался. Царь сильно удивился и обрадовался и сказалъ: «много бываетъ у меня народу за товаромъ, много у

меня разныхъ дорогихъ гостинцевъ, но никогда никто не приносилъ мнѣ такого дорогого гостинца, какъ этотъ мальчикъ!» Затѣмъ приказалъ всѣхъ угостить. По окончаніи угощенія призвалъ къ себѣ всѣхъ пріѣхавшихъ къ нему за товаромъ купцовъ и сказалъ имъ: «Вы люди торговые, во многихъ земляхъ бываете, разныя науки знаете, не можетъ ли кто изъ васъ мою дочь заклятую изъ монастыря выручить, отъ заклятья освободить? Кто мою дочь выручитъ, дамъ тому я даромъ столько товару, сколько ему угодно будетъ взять самому, да и всѣмъ вамъ торговать безданно, безпошлинно во всемъ моемъ государствѣ». Возвратился мальчикъ на свое судно и разсказалъ дѣдушкѣ, что говорилъ имъ царь. А дѣдушка и говоритъ мальчику»: пойди ты и выручи царевну. На тебѣ три палочки, возьми Евангеліе: а когда прійдешь на мѣсто въ монастырь обведи кругомъ себя этими палочками, очеркни каждой по кругу, стань и читай Евангиліе, не бойся ничего: никто не посмѣетъ переступитъ черезъ черту.» Пошелъ мальчикъ въ монастырь, обвелъ вокругъ себя три городка: одинъ маленькій, другой большій, а третій, самой длинной палочкой то большій, сталъ по серединѣ и читаетъ Евангеліе.

Вотъ настала лунная ночь, выбѣгаетъ изъ склепа дочь царя, кричитъ: съѣмъ, съѣмъ! протягиваетъ къ мальчику руки да достать не можетъ; бѣгаетъ кругомъ, а достать не достанетъ: городки мѣшаютъ. А мальчикъ стоитъ да все читаетъ, все читаетъ. Бѣгала, бѣгала царевна, а тутъ пѣтушокъ запѣлъ, она и спряталась. Настало утро, царь собралъ свой сенатъ и пошли въ монастырь; пришли, смотрятъ,—мальчикъ стоитъ да Евангеліе читаетъ. Взяли его подъ руки, повели къ царю въ домъ; привели и угостили на славу. На другую ночь опять идетъ мальчикъ въ монастырь, даетъ ему дѣдушка снова три палочки и три камня и говоритъ емъ, чтобы онъ палочками обчеркнулся, а камни кидалъ царевнѣ, когда та станетъ бѣгать вокругъ него. Пришелъ мальчикъ въ монастырь, засвѣтилъ свѣчу, очеркнулся три раза, сталъ и читаетъ Евангеліе. Настала лунная ночь, поднимается царевна и кричитъ: «кто въ моемъ домѣ? съѣмъ?» Бѣгаетъ да щелкаетъ зубами; онъ кинетъ ей камень, а самъ все читаетъ, все читаетъ, а она погрызетъ, погрызетъ камень, да опять кричитъ: «кто въ моемъ домѣ? съѣмъ?»

Вотъ пѣтухъ запѣлъ, затѣмъ, она спряталась. Когда настало утро, приходитъ къ нему царь съ сенатомъ, отперли монастырь, входятъ,— мальчикъ стоитъ да Евангеліе читаетъ. Взяли его подъ руки, повели на прогулку, привели къ царю въ домъ, угостили на славу и отпустили на судно къ дѣдушкѣ. На третью ночь опять беретъ мальчикъ у дѣдушки три палочки, идетъ въ монасырь, засвѣтилъ свѣчу, обчеркулся три раза,

сталъ и читаетъ Евангеліе. Настала лунная ночь, выбѣгаетъ царевна и кричитъ: «кто въ моемъ домѣ? съѣмъ!»

Бѣгала бѣгала кругомъ городка и переступила черезъ одну черту, а дали и черезъ другую и черезъ третью, а потомъ стала около мальчика, стоитъ сбоку него и вздыхаетъ. Гдѣ ни взялася подъ евангеліемъ съ лентой крестъ, мальчикъ взялъ его да и надѣлъ на нее, а самъ все читаетъ.

Настало утро; царь взялъ свой сенатъ и пошелъ въ монастырь. Входятъ, смотрятъ,—мальчикъ читаетъ, а около него стоитъ царевна и крестъ у нея на шеѣ. Взяли мальчика подъ руки, ведутъ изъ монастыря и дѣвица за нимъ идетъ слѣдомъ. Привели его во дворецъ и она пришла, начали его угощать и она проситъ хлѣба. Обрадовался царь и сталъ совѣтоваться съ сенатомъ, какъ наградить мальчика. И говоритъ царь: «я желаю отдать ее замужъ за того, кто ее выручилъ». Царь и выдалъ свою дочь за этого мальчика замужъ. Сыграли свадьбу, подарили дяди своему племяннику по судну, а царь подарилъ три судна, да свое одно, вотъ и стало у него шестеро суденъ. Понадавалъ ему тесть всякихъ товаровъ, нагрузили всѣ шесть суденъ до верху и поѣхали домой. Дяди ѣдутъ, командуютъ, кричатъ на матросовъ а его судна сами идутъ, что лебеди бѣлые плывутъ; никто не правитъ,—сами путь держатъ. Пріѣхали домой, понанимали амбары, лавки, разложили товары и начали торговать. Тогда дѣдушка пришелъ къ нему попрощаться и сказалъ: «ты меня выручилъ, а я тебя наградилъ; теперь торгуй себѣ съ Богомъ!» Былъ дѣдушка и нѣту. (сл. Н-Н. кр. Д. Дворняковъ).

76. Декабрь 9-е.

Зачатіе св. Анны. Не работаютъ, чтобы волки не нападали на скотъ. «На цей день вовки зачинають бигаты тичками и бигають ажъ до Крещенія, тоди ихъ розганяють, якъ стриляють на Іордани изъ руживъ; посли цёго воны бигають по одному та по два». (г. К. сл. Св.-Л., Н., х. М.).

---

77. Пища и питье.

(Отдѣльная статья, составленная В. Д. Щ., отослана въ Редакцію журнала «Этнографическое Обозрѣніе» въ 1891 году).

---

78. Вечерницы.

Съ наступленіемъ долгихъ осеннихъ вечеровъ крестьянская молодежь: парни и дѣвки, начинаютъ собираться по вечерамъ на такъ называемыя «вечерныци»,—въ сл. Араповкѣ: «вечерушки». Вечерницами называютъ вообще собраніе собственно дѣвушекъ въ отдѣльной сборной избѣ для работъ по вечерамъ и досвиткамъ; но на такія вечернія собранія дѣвушекъ обыкновенно являются и парни: причемъ дѣвушки работаютъ: прядутъ, шьютъ, вышиваютъ, поютъ пѣсни и большею частію энергично противодѣйствуютъ заигрываніямъ парней, которые не работаютъ, а только всячески любезничаютъ съ дѣвками, разсказывая имъ разнаго рода были и небылицы, сказки, поютъ, танцуютъ или играютъ въ карты.

Тутъ то молодые люди сближаются, коротко узнаютъ физическіе и нравственные недостатки и достоинства одинъ другаго, потому что къ полуночи дѣвки, приготовивъ постели, выбыраютъ себѣ каждая парня и ложатся парами спать, прикрывшись вдвоемъ одною свиткой. Спятъ до 3 или 4-хъ часовъ утра, потомъ встаютъ и дѣвки снова садятся работать, а парни отправляются къ себѣ домой.

Кромѣ обыкновенныхъ вечерницъ бываютъ еще такъ называемыя «складки», преимущественно на Рождественскихъ и Пасхальныхъ святкахъ и накапунѣ заговѣнъ на Филипповку и Великій постъ. На складкахъ все время посвящается увеселеніямъ и взаимнымъ угощеніямъ. Дѣвки угощаютъ парней чаемъ, «оришками», блинами, яичницей и вообще ужиномъ, а парни подчуютъ дѣвокъ виномъ (въ г. Купянскѣ), водкою, пряниками, конфектами и другими лавочными сластями. Сверхъ того, парни нанимаютъ на свой счетъ музыкантовъ.

Для вечерницъ избирается хата, принадлежащая какой-нибудь бѣдной вдовѣ или солдаткѣ, или же, въ крайнемъ случаѣ, и бездѣтнымъ хозяевамъ. Уступить состоятельному крестьянину свой домъ для вечерницъ считается предосудительнымъ, говорятъ: «хорошій хозяинъ николы не буде заниматься такымы пустякамы», а на отдачу бѣднякамъ хаты подъ вечерницы смотрятъ, какъ на одно изъ средствъ къ прокормленію неимущаго человѣка, положимъ изъ числа не вполнѣ благовидныхъ средствъ, но все же стоящихъ выше прошенія милостыни; хожденія по дворамъ за кусками хлѣба.

Помѣщеніе для вечерницъ пріискивается и нанимается дѣвками; онѣ же и уплачиваютъ за него хозяйкѣ продовольственными припасами и работою, доставляя ей печеный хлѣбъ, муку, пшено, картофель, сало, а также дрова или навозъ для топлива, и работая для хозяйки одинъ день

въ недѣлю, чаще—субботу, или же каждая изъ посѣщающихъ вечерницы дѣвокъ шьетъ изъ своего холста хозяйкѣ хаты сорочку.

При такихъ условіяхъ хата поступаетъ въ полное распоряженіе одной изъ дѣвокъ, избираемой по возможному соглашенію между ними хозяйкою. Но такъ бываетъ лишь тогда, когда хозяйкою хаты окажется ветхая старуха, которая и не вмѣшивается въ распоряженіе своей замѣстительницы: а лежитъ обыкновенно на печи и оттуда наблюдаетъ за выходками собравшейся молодежи, изрѣдка позволяя себѣ выражать одобреніе или порицаніе. Въ большинствѣ же случаевъ распорядительницею на вечерницахъ, бываетъ хозяйка хаты «панимаtка», какъ женщина болѣе опытная, чѣмъ дѣвки, а поэтому и пользующаяся среди собирающейся молодежи бо́льшимъ, сравнительно съ ними, авторитетомъ.

На вопросъ: сколько же бываетъ одновременно въ слободѣ вечерницъ?—получены отвѣты: не только каждая часть слободы имѣетъ свой особый сборный для вечерницъ домъ, но и каждая почти улица заботится о томъ-же.

Въ большихъ хуторахъ тоже находится нѣсколько хатъ для вечерницъ. Вездѣ же стараются имѣть по крайней мѣрѣ два особыхъ дома, потому что считается неприличнымъ ходить на однѣ и тѣ же вечерницы вмѣстѣ роднымъ братьямъ и сестрамъ.

Осенью и зимою вечерницы бываютъ каждый вечеръ, а весною и лѣтомъ, вмѣсто вечерницъ, молодежь по ночамъ собирается на такъ называемыя «вулыци», преимущественно въ праздничные дни, такъ какъ въ будни работаютъ въ поляхъ, гдѣ не рѣдко и ночуютъ.

Кромѣ того, на «вулыцяхъ» преобладаютъ подростки, потому что большая часть взрослыхъ парней и дѣвокъ съ ранней весны уходитъ въ южныя губерніи на заработки, гдѣ и остается до Покрова или даже до 14-го ноября.

На вечерницы собираются дѣвушки и парни; женатые мужчины и замужнія женщины никогда на вечерницы не ходятъ, да если бы кто изъ нихъ и рѣшился пойти, то такой его поступокъ вызвалъ бы со стороны всего общества громкое осужденіе, какъ безнравственный, и встрѣченъ былъ бы прямымъ противодѣйствіемъ со стороны парней.

Впрочемъ иногда, хотя и очень рѣдко, случается, что и женатые молодые крестьяне ходятъ на вечерницы, съ согласія парней и дѣвокъ, послѣ опредѣленнаго угощенія; но это снисхожденіе допускается лишь относительно неудачниковъ, женившихся большею частью по принужденію и никакъ не могущихъ или не умѣющихъ примириться со своей горькою судьбою. Въ такомъ случаѣ многіе изъ крестьянъ смотрятъ снисхо-

дительно на эти посѣщенія женатымъ молодымъ человѣкомъ вечерницъ. Сдѣлай же то же самое молодая замужняя женщина, «молодыця», хотя бы и она находилась въ такомъ же точно положеніи, ее всѣ безъ исключенія строго судятъ. А потому, говорятъ, никогда не бывало, чтобы молодыця ходила на вечерницы. Точно также никогда не бываетъ и того, чтобы мужъ и жена вмѣстѣ посѣщали эти собранія готовящейся ко вступленію въ брачный союзъ молодежи.

На вечерницы дѣвки собираются вечеромъ, какъ только стемнѣетъ. Идя туда въ будни, непремѣнно берутъ съ собою какую нибудь работу, большею частію вооружаются самопрялкой, донцемъ и гребнемъ съ мычками; только подъ пятницу запасаются иною работою, потому что въ пятницу прясть грѣшно. Пришедши на вечерницы, принимаются за работу, и сперва работаютъ всѣ очень прилежнно, большею частію молча; разговоровъ бываетъ мало, развѣ перекинутся двумя-тремя словами. Но вотъ у болѣе подвижныхъ начинаетъ обнаруживаться нетерпѣніе, то та, то другая взглянетъ на окно или затянетъ заунывную пѣсню: Парни являются на вечерницы всегда позже дѣвокъ, предварительно стучатъ въ окно и просятъ позволенія войти въ хату. Такъ поступали прежде и такой же порядокъ соблюдается и теперь, покрайней мѣрѣ среди чистаго малорусскаго населенія, въ селеніяхъ же великорусскихъ, а равно и тѣхъ, гдѣ большая часть молодежи успѣла побывать на заводахъ, парубки съ шумомъ и гамомъ прямо врываются въ хату, несмотря даже на то, что двери заперты.

Однако большинство спрашиваетъ позволенія.

Дѣвки прежде, чѣмъ отпереть двери, смотрятъ, тѣ ли это парни, которыхъ онѣ ожидаютъ, или пришли другіе-чужіе,—первыхъ принимаютъ, вторымъ отказываютъ послѣдніе, постучавъ въ дверь и не получивъ приглашенія войти въ хату, уходятъ назадъ, если только пришли безъ уговора съ мѣстными парнями. Если же явились по предварительному уговору, то поджидаютъ прихода здѣшнихъ парней, чтобы вмѣстѣ съ ними войти въ хату.

Войдя въ хату, здороваются: «добрый вечеръ!» и пожимаютъ дѣвкамъ руки, причемъ иные добавляютъ: «мое потѣніе» (почтеніе).

«Боже поможи». На привѣтствіе парней, дѣвки отвѣчаютъ большею частью односложно: «здрастуйты!» Дѣвки сидятъ кругомъ стола на лавкахъ и скамейкахъ поближе къ огню «свиту» и занимаются пряжею или шитьемъ, поэтому вошедшіе парни размѣщаются гдѣ возможно и какъ попало: одни садятся около дѣвокъ на полу, другіе ложатся на соломѣ, приготовленной для постелей, третьи стоятъ у порога, оперщись о при-

толки дверей, или возлѣ печи. Начинается сообщеніе новостей дня, пересыпаемое остротами и шутками, часто неприличнаго свойства, но тѣмъ не менѣе встрѣчаемыми дружнымъ смѣхомъ; дѣвки незамѣтно втягиваются въ разговоръ, оставляя на минуту свою работу. Чѣмъ пользуются парни, подсаживаются къ нимъ поближе, начинаютъ мѣшать работать. Поднимается шумъ, визгъ, пока «паниматка» не сочтетъ нужнымъ возстановить порядокъ, прикрикнувъ на парней, чтобы не мѣшали дѣвкамъ работать. Но сидѣть скромно и вести чинный разговоръ было бы и скучно и несвойственно подвижной молодости. Вотъ какой-нибудь парень побойчѣе и начинаетъ разсказывать одну изъ обращающихся въ народѣ небылицъ или побрехенекъ, напр., въ такомъ родѣ (сл. Ар):

Нисенитница. «Слухайте, дивчата! я вамъ роскажу, шо колысь зо мною було. Та тилко чуръ не перебываты и брешешь не казаты, а то й брошу расказуваты. Було це ще тоди, якъ мого батька й на свити не було, а мы зъ дидомъ вдвохъ на печи жилы, та ще й добре жилы на комини хлибъ сіялы, та було въ насъ пьять курокъ дойныхъ, симъ пивнивъ йизджалыхъ. Отъ разъ дидъ давъ мини здоровенный грошъ та й каже:» пойидь на ярмарокъ та купы тамъ кобылу та сокырку. Пойихавъ я на ярмарокъ, купывъ самого бильшого оселедця та вьязку бубликивъ; поснидавъ гарненько, а дали купывъ кобылу та сокырку, увьязавъ сокырку въ торокы и пойихавъ соби до дому. Моя кобылка трюхъ-трюхъ, а моя сокырка цюкъ-цюкъ, та й обрубала кобыльци ногу. А я, бачь, бувъ соби хлопець не дурный заразъ злизъ съ кобылкы, взявъ сокырку, зрубавъ що пе на есть выщу вербу та й прывьязавъ іи кобыльци замисць ногы. Сивъ ото я та й пойихавъ. Ïхавъ, їхавъ и зачепылась моя верба ажъ за самисиньке небо. Що тутъ ёго робыты? Полизъ я по тій верби, щобъ, бачь, то іи видчепыты, та й злизъ ажъ на небо. Дывлюсь, а тамъ цыганъ лопатою гроши віе. Я поздоровкався зъ нымъ и пишовъ дальше. Колы слухаю, ажъ це: телень-телень!.. Ну, думаю соби. оце чорты становового несуть —достанеця мини. Пидъизжае блыжче, дывлюсь, ажъ самъ его благородіе въ корени, а писмоводытель на прыстяжци, а кони, бачь, панамы въ карети сидять. Иду дальше дывлюсь,—кумъ Стецько, що торикъ умеръ въ казани сыдыть, а въ тимъ казани смола кыпыть, а въ Стецька ще щось изъ носа сыпыця. Я ёго и пытаю: чого се ты, куме, сюды забрався?»— Але тоби, каже, чого? Оце за те, що на тимъ свити табакъ нюхавъ. Я скоришъ у кешеню та за рижокъ, та якъ попудю ёго зъ неба. «Хай тоби, кажу, бисъ! а то й мини те буде». Ишовъ я йшовъ и дійшовъ ажъ до раю. А въ раю ричка сметаны тече по надъ нею деревья ростуть, а на ниxъ все гречани вареныкы,—та здорови! По пидъ тымы

деревьямы люды лежать, та все въ билыхъ сорочкахъ, а чоботы добрымъ дёгтемъ понамазувани, ажъ тече! Отъ якъ тилко якый йсты захоче, заразъ ротъ роззяве, а вареныкъ зъ дерева та въ сметану, а тоди прямо ему въ ротъ. Я й кажу: «чы не можно, панибратци й мини коло васъ прылегты?» — Э, кажуть, ты ще не вмеръ, иды соби до дому! Ото я й пишовъ назадъ.

Дийшовъ ажъ до того цыгана, що гроши вie, дывлюсь,—нема моеи вербы. Якъ же теперъ зъ неба злизты? Выпросывъ я у цыгана половы зъ грошей и давай зъ неи веревку плесты. Спливъ таку довгу, що якъ звисывъ, такъ якъ ё до земли достала. И полизъ по тій веревци. Лизъ, лизъ,—уже до земли осталось сinь зъ двое, або зъ трое. Де не взялась чортова руда мыша, перегрызла мою веревку. Я якъ полытивъ та прямо въ болото, загрузъ, тилько одна голова выдна.

Прылытила дыка вутка, змостыла на моій голови гнiздо и нанесла яечокъ. Дывлюсь, иде вовчака та зъ довгымъ хвостякою, и ставъ винъ яечка йсты. Я якъ ухватюсь ёму за хвистъ, якъ тюкну, винъ рванеця,— одирвавъ хвиствъ и втикъ. Стою я, горюю. Колы се прыходе видмедяка та ще зъ бильшимъ, чимъ у вовка, хвостякою, и тожъ ставъ яечка йсты. Я и сёму якъ ухватюсь за хвистъ, якъ тюкну, якъ свисну: винъ якъ рванеця, та й вытягъ мене зъ болота. А то о це може бъ и доси тамъ кысъ».

Вообще же на вечерницахъ разсказывается все, что ни взбредетъ на умъ, причемъ нисколько не стѣсняются, особенно парни, ни содержанiемъ сообщаемаго и формою выраженiя, дѣвушки ведутъ себя скромнѣе.

А то появится на сцену балалайка, гармоника или сопилка и отдеретъ кто-нибудь изъ парней такого трепака «ажъ земля загуде».

На вечерницахъ обыковенно танцуютъ одни парни, дѣвушки продолжаютъ работать, на такъ называемыхъ «складкахъ» же танцуютъ всѣ.

Или парни затянутъ пѣсню, дѣвушки начнутъ имъ вторить, составится хоръ; не то парни и дѣвки очередуются въ пѣнiи.

Старинныя пѣсни постепенно вытѣсняются новыми, заносимыми съ отхожихъ промысловъ,—съ Дона, съ шахтъ, сахарныхъ заводовъ, куда мѣстная молодежь ходитъ на заработки.

Вотъ нѣкоторыя изъ числа распѣваемыхъ на вечерницахъ пѣсенъ:

1.

Черезъ дорогу то жъ кума моя,
А въ кумы моей та гарна дочка;
А я зъ кумою розкумлюся,
Съ кумыною дочкою повинчаюся.
Пипъ не винчае: за себе чае;
Пономарь морокче: за себе хоче;
Дьячкы читають: за себе бажають.
Уткы-качанкы гречку пойлы,

На попивъ станокъ та й полетилы.
Пидъ терномъ-терномъ, пидъ терныченькомъ,
Стоить дивчына съ билымъ лычиньскомъ;
Дивчина моя, возлюблынная,
Квиточка моя, жоржыповая!
(сл. Кбя).

2.

У Борисова купца,
Прикащика молодця,—
Ой лёли! ой да лёли!—прикащика молодца.
Для сроковыхъ дураковъ
Обѣдъ варятъ съ бураковъ,—
Ой лёли; ой да лёли;—Обѣдъ варятъ съ бураковъ.
А на ужинъ то—кандёръ [1]),
Штобъ животики подпёръ,—
Ой лёли! ой да лёли!—штобъ животики подпёръ.
Только зорька загорится,
Ужъ прикащикъ горячится,—
Ой лёли! ой да лёли!--ужъ прикащикъ горячится.
Громкимъ голосомъ кричитъ,
На работу всѣхъ турить,—
Ой лёли! ой да лёли!—на работу всихъ турить.
На работу всѣ идутъ,
Дѣвки, бабы слезы льютъ,—
Ой лёли! ой да лёли!—дѣвки, бабы слезы льютъ.
А съ работушки идутъ,
Пѣсню весело поютъ,—
Ой лёлю! ой да лёли!—пѣсню весело поютъ.

[1]) Самый жидкій кулишъ.

Да мы сроку доживемъ
И въ конторушку пойдемъ,—
Ой лёли! ой да лёли!—и въ конторушку пойдемъ.
Заработокъ свой возьмемъ
Да до домушку уйдемъ,—
Ой лёли! ой да лёли! да до домушку уйдемъ.
Всѣмъ сосѣдямъ мы закажемъ
И собакъ на цѣпь повяжемъ,—
Ой лёли! ой да лёли!—и собакъ на цѣпь повяжемъ.
Штобъ на сроки не наймались,
Къ Борисову не попались,—
Ой лёли! ой да лёли!—къ Борисову не попались. (Св.-Л.).

3.

На заводцькому стыпу
Нашлы вугля три пласту,
Тамъ порылы ямы-норы,
Тамъ работалы шахтёры.
А тамъ яма есть такая,
Прыогромная большая:
Сорокъ сажепь глубины
А два сажня ширыны;
Туда пущено шпурокъ,
А вверху высыть звонокъ.
Якъ потягне за шнурокъ,
А машина й во свистокъ.
Сталъ во клѣточку садиця:
Нижъ по серце ажъ колпёть:
Ей батюшка, батя мой,
Висыть камень надо мпой,
Надъ моею головой!
Волга рѣчушка шумить,
Пароходъ скорѣй бижить;
Пароходъ бижить съ накладомъ:

Тры Наташи сидять рядомъ.
Тры Наташички сидять,
Попыросочки курять,
Про шахтёровъ говорять:
Нѣту въ свити удальцовъ
Надъ шахтёровъ молодцовъ.
Шахтёръ рубить, шахтёръ бьётъ,
Подъ землею ходъ ведётъ.
День и ночь все со свичами,
А смертъ висыть тутъ за плечами:
Ой, Боже мой, Боже жъ мой,
Висыть камень надо мной,
Надъ моею головой!
Прыйде празныкъ-воскресенье,
Шахтёръ иде у кабакъ,
Бере водку и табакъ.
Табакъ курить, водку пьётъ,
Съ кабака пьяный идётъ;
Онъ идётъ переборомъ,
Ще й ночуе пидъ заборомъ.
А тамъ лаптями торгуеть.
Ще й онучи продаеть,
А въ шахтёра й ни гроша,
Только тѣло та душа,
Та дивчына хороша (сл. Н-Н).
Ой мы ходымъ заробляемъ,
Все съ нагрудничкомъ живемъ,
Намъ жениться не годится,—
Холостому лучше жить:
Холостого дѣвки кличуть,
Женатому дули тычуть;
Женатому—проклятому
Жена воли не даеть:
Она лае проклинае,
На улицу не пускае (г. К.).

4.

Наказалы на базари,
Шо мій милый на вокзали.
Охъ, охъ милый мой!
Я горюю за тобой!
Яй машина невыдыма,—
Сидитъ мила, якъ картина;
Яй машина съ чорнымъ кругомъ,—
Сидитъ мила съ милымъ другомъ
Машинистъ машину праве,
Кочегаръ картошку жаре.
Яй машина бѣжитъ, скаче,—
Сидитъ мила горько плаче.
Яй машина бѣжитъ тише,
А мій милый сидитъ пише.
Накажите Алексѣю,—
Я любить его не смѣю,
Накажите Николаю,—
Любить его не желаю.
Наливайте стаканъ чаю,—
Я безъ милого скучаю;
Наливайте стаканъ меду,—
Я до милого поѣду;
Наливайте стаканъ рому,—
Я поѣду къ мировому.
Ахъ ты, душенька—конфетка,
Чего ходишь ко мнѣ рѣдко? (г. К.).

5.

Быля греческихъ воротъ
Е наливо поворотъ;
Тамъ стоявъ домыкъ мидный,
Ще й зъ рѣшоткою зализной;
На придворнычкахъ часы,
Серебряни хорошы.
Мы пидъ горушку зайдемъ,
Лутше этого найдемъ:
Тамъ мы бачимъ стовбивъ много,
Ще й зализную дорогу.
По дорожкамъ лыжать шыны,
По путямъ бижать машыны:
Троне зъ миста, засвыстыть,

За собой вагонъ тащыть,—
Восемнадцатый вагонъ,
Онъ не спрашивавъ прогонъ (сл. Кбя).

6.

Картошку копалы, въ корзину складалы,
Доробылысь до субботы, наробылы намъ заботы,
Де намъ грошей браты, съ кого получаты.
Наилыся, напылыся,— выще двору подралыся,—
Захотилось спать,—де намъ ночувать.
За горамы, за доламы пашпорты беруть.
Онъ быреть, быреть читае,
Попереду роспытае, якъ на имья звуть.
Одынъ каже: я-Мыкышка,
Другый каже; шо я-Грышка,
А третій—Матвій,
То жъ и пашпортъ твій. (г. К.).

7.

Юлыця тыха,
Та нема мого женеха,
Та нема мылого мого,
Ни товарища ёго.
Ни съ кымъ ночки ночеваты,
Добрый разумъ размовляты.
Та крычу, крычу у лисокъ,
Та не доходе голосокъ.
Черезъ быстру ричку.
Подай, мылый ручку.
Та быстра ричка широка,
Та била ручка коротка.
Быстру ричку я всушу,
А билу ручку доточу,—
До себы мылого прыклычу. (сл. Кбя).

8.

Ясный цвиточокъ, мій мылый дружечокъ
По горнычкѣ ходыть, все волосы чешеть,
Бровы все малюе, Машу звеселяе,
Веселая Маша зробылась больна:
Грудью не здорова.
«Родымый мій батюшка,
«Поняй за попомъ!
«Родымая матушка,
«Подай дохтуря!»
Якъ прыихавъ дохтурь,
Дохтурь молодой,
Онъ далъ дѣвушкѣ почтенье,
Дѣвушки больной.
«Лечи, лечи, дохтурь,
«Дохтурь молодой,
«Якъ вылечишь, дохтурь,
Буду за тобой. (сл. Кбя).

9.

Ой сухота, сухота,—
Изсушила, сокрушила
Дивчонушка молодца;
Вынимала румяницу
Съ его бѣлаго лица.
А я съ горя пойду въ поле,
Всю разсѣю грусть-тоску.
А въ Рассею мальчикъ шелъ,
Въ зеленый садичокъ зашелъ;
А въ зеленому садочку
Много вышинекъ растетъ,
Виноградъ растетъ на вѣткѣ,
Соловей поетъ во клѣткѣ,
А я слухавъ-переймавъ,

Подъ кустикомъ сидѣлъ-дремавъ;
Изъ подъ кустика поднялся,
Въ высокъ теремъ я зашелъ.
А въ высокомъ теремочкѣ
Много зеркаловъ картинъ,—
Сидитъ Ваня самъ одинъ,
На немъ бѣлая манишка,—
Онъ хорошенькій мальчишка;
На немъ бархатный жилетъ,—
Краше Вани въ свѣтѣ нѣтъ:
Въ него карые глаза
Рѣжутъ сердце безъ ножа;
Въ него черныя брови,
Все подъ польку волоса. (г. К.).

10.

Ой чіи то волы сири
По гори ходылы,
Чи того жъ того козаченька,
Шо мы въ трехъ любылы?
Й а первая полюбыла,—
Платокъ подарыла;
А другая полюбыла,—
Душенькой назвала;
А третя полюбыла,
Та й причарувала.
Чаруй, чаруй, дивчынонько,
Колы довылося,
Колы жъ твое било личко
Та й полюбылося.
Ой литила зузуленька черезъ садъ куючи,—
Зажурывся козаченько зъ вечерныць идуче.
Якъ прійшовъ же до дому, та сивъ въ кинци столу;
Входе маты изъ кимнаты, били ручкы ломе:
«Ой на шо жъ намъ богатство, буде зъ насъ и трошке—
«Сажень земли, сажень земли, ще й чотыре дошки,
«Ще й будемо старатыся, щобъ и къ христу ножки. (сл. Кбя).

11.

Ой сызынькій ты голубчикъ
Чого въ гору высоку несесся?—
Скажы, скажы, разсукынъ сынъ,
Чи ты любышь, чи сміешься?
Колы любышь,—любы двичи,
А не любышь,—скажы въ вичи;
Колы любышь,—любы гораздъ,
А не любышь,—скажы заразъ.
Парынь зъ дивкы насміявся,
Изъ инчую повинчався.
Ой, Боже жъ мій, мылостывый,
Якъ терплю я въ свити муку:
Получила отъ мылого вичную разлуку! (тамъ же).

12.

Якъ пишлы наши подруженьки
Въ лисъ ягидокъ ирваты.
Они ягидъ не нарвалы—
Зла корынья пакопалы.
Накопавши зла-корынья,
Пишлы въ ричку его мыть,
А помывши зло-корынья,
Поставылы натомыть.
Натомывши зло-корынья,
Дружка въ гости зазвалы,
А зазвавши дружка въ гости,
Сталы ёго угощать:
Выпый, выпый, другъ любезный,
Свою чарочку вина,
Та й почуствуй, другъ любезный,
Что на сердцѣ у меня!
На моему серденятку

Великъ камушекъ лежить.
«Охъ вы, дивки, вы, злодійкы,
«Вы зумилы погубыть,
«Вы зумійте же, злодійкы,
«Мое тило схороныть:
«Схоронитъ вы мое тило
«Противъ трехъ большихъ дорогъ:
«Противъ Курской, Петербурской,
«Противъ Кіевской большой.
«Хто не иде, хто не йде,
«Наплачется та й пиде:
— Ой шо жъ воно за дытына, разудала голова,
— Чи Павлуша, чи Ванюша, чи купеческій сынокъ? (тамъ же).

13.

Лучше птащечки на вѣтки,
Чѣмъ у клѣтки золотой,—
Лучше було жить у батька,
Чѣмъ солдаткой молодой.
Глаза мои голубіи
На свитъ Божій не глядять;
Рѣчи мои дорогіи
Все про любовь говорять.
Любишь, парень, красну дѣвку,
Такъ любы мене одну!
Посли этои любови
Жить на свити не могу.
Скончалася красна дѣвка
У высокомъ терему;
Къ сердцу рученьки прижала
На кладбище выносили,
И всѣ пѣвчіи запили,
Здвыгнулась вся земля,
Все селеніе сказало,
Шо погибшая душа,
Ой погибшая душа,
Шо зъ любови померла (тамъ-же).

14.

Сама садики садыла,
Сама й буду полывать,—
Сама дружка полюбыла,
Сама буду викъ страдать.
Я про это позабыла,
Шо малютка на рукахъ.
Гляну, гляну на малютку,—
Точно варваръ былъ такой.
Понесу свою малютку
До сыстрыци до родной.
Ты, сыстрыця, ты родная,
Воспытай мое дитя,
А я выйду на крылечко—
Насмотрюся, набранюся,
Своимъ серцемъ воскорбюся (тамъ-же).

15.

Якъ выйду за гай,
Та й гляну въ свій край,
Та й зажурюся,—
Пиду въ зеленъ садъ развеселюся.
Въ зеленомъ саду пидъ яблонькою
Сыдыть сызъ голубъ изъ голубкою.
Воны сыдятъ, не пьютъ, не ѣдятъ.
Ой не біймося та не лаймося,—
Ходимъ до попа повинчаймося.
Десь узявсь сокилъ изъ-за крутыхъ гиръ,
Розбывъ розлучивъ пару голубивъ:
Голуба убывъ, голубку любывъ,
Та взявъ пидъ крыло понисъ до дому.
Понисъ до дому,—пустывъ до долу,
Та посыпавъ ій ярои пшеныци,
Та поставывъ ій холодной водыци.
Голубка не ість, голубка не пье,

Та й пошла пидъ ту яблуньку журытыся
«Ой, голубе мій, якъ бы ты оживъ,
«То я бъ твое пирьячко позолотыла,
«А крылушка посеребрыла
(тамъ-же).

Иногда парни садятся въ кружокъ среди хаты и играютъ въ карты, а дѣвки имъ припѣваютъ.

Хотя иные изъ стариковъ и считаютъ игру въ карты грѣхомъ, но вообще не препятствуютъ играть молодежи, а нѣкоторые даже отчасти поощряютъ, видя въ картахъ лишь невинную забаву. Но, къ сожалѣнію, въ настоящее время въ такъ называемыя невинныя игры играютъ не только въ городѣ, но и въ слободахъ лишь дѣти да дѣвушки, да развѣ пожилые люди, парни же и даже семейные играютъ преимущественно въ азартныя игры на деньги, а за неимѣніемъ послѣднихъ на сѣрнички (спички) или на тыквенныя и подсолнечныя сѣмена (все же интересъ). И подобное явленіе наблюдается какъ въ торговыхъ центрахъ, такъ равно и въ самыхъ глухихъ селеніяхъ уѣзда. Вотъ напр., что пишетъ по этому вопросу учитель начальнаго училища въ сл. Араповкѣ, М. Д. Скубакъ: «Азартныя игры занесены въ Араповку лѣтъ 10-ть тому назадъ тѣми изъ мѣстныхъ парней, которые ходили на зароботки въ приморскіе города и въ станицы земли войска донского, и съ тѣхъ поръ вся мѣстная молодежь сильно пристрастилась къ картамъ. Съ грустью приходится смотрѣть, какъ въ праздники молодые парни изъ болѣе или менѣе зажиточныхъ семей по цѣлымъ днямъ, а зимою и по цѣлымъ ночамъ просиживаютъ за картами, проигрывая послѣдніе жалкіе, гроши, которые изрѣдка удается имъ зарабатывать. Но еще грустнѣе то, что родители этой безпечной молодежи и до сихъ поръ не принимаютъ почти никакихъ мѣръ къ искорененію съ годами усиливающагося зла».

Смотрящіе на игру въ карты, какъ на грѣховное дѣла, говорятъ, что карты выдуманы жидами и что Іуда предалъ Христа потому, что любилъ играть въ карты.

«Идетъ Іуда поздно вечеромъ по улицѣ и видитъ черезъ окно, жиды сидятъ въ хатѣ и играютъ въ карты. Остановился онъ посмотрѣть на играющихъ, а тѣ начали спорить, кричать и браниться. Замѣтивъ же человѣка передъ окномъ, выбѣжали изъ комнаты, схватили его и стали допрашивать: кто онъ и зачѣмъ подсматриваетъ. Іуда назвалъ себя, сказалъ, что онъ ученикъ Іисуса, а остановился посмотрѣть потому, что самъ любитъ играть въ карты. Жиды, услышавъ отъ Іуды, что онъ любитъ карты, вывели заключеніе, что онъ долженъ любить и деньги, по-

этому тотчасъ предложили ему 30 серебряниковъ за выдачу имъ Iисуса Христа. Iуда согласился предать своего Учителя, такъ какъ предъ тѣмъ онъ проигралъ всѣ бывшiя у него деньги, а теперь разсчитывалъ на 30 серебряниковъ отыграться». (Отъ кр. Ольги Доценко).

Другiе не совѣтуютъ играть въ карты весною и лѣтомъ, когда хлѣбъ еще на корню, потому что во время игры (которая б. ч. идетъ сидя прямо на землѣ) карты прибиваются, прикрываются сверху, то, молъ, и хлѣбъ въ полѣ будетъ прибитъ къ землѣ.

На вечерницахъ въ карты на деньги никогда не играютъ, а предпочитаются игры съ жгутомъ, вообще же въ ходу слѣдующiя игры: 1) Лава, 2) Кобыла, 3) Чмыхъ, 4) Колодезь, 5)Ауракъ: а) простый б) ныварный и в) пидкидный, 6) Хвылька, 7) Свиня, 8) Видьма, 9) Пьяныця, 10) Зявака, 11) Мельникъ, 12) Кулына, 13) Городокъ, 14) Король, 15) Возокъ или въ свого козыря, 16) Въ носка, 17) Трилистъ, 18) Заборона или пятакъ, 19) Шлепки или окружной, 20) Хрыстъ 21) Пьятифиль.

Для игры употребляется колода 36 картъ; масти называются: пики— выно, вынова масть; трефы—жыръ, или крести, жирова масть; бубны— звинка, или бубна, бубнова масть, и черви—чырва, червова масть. Карты называются: шестерка, шестака, шестирка, сёмака, восьмака, дывьятка, дысятка, фыль—валетъ, краля—дама, король, тузъ.

---

79. Игра въ лавы.

Садится шестеро парней, по трое съ каждой стороны, другъ противъ друга и играютъ попарно. Одинъ изъ крайнихъ сдаетъ карты, по три, сперва каждому изъ членовъ противной лавы, а потомъ своимъ товарищамъ и себѣ.

Положивъ себѣ три карты, одну изъ нихъ открываетъ для козыря, а затѣмъ еще сдаетъ каждому по три карты. Начинаютъ играть попарно, брать взятки. Окончивъ игру, сосчитываютъ взятки. Если у каждой стороны (лавы) окажется по девяти взятокъ,—игра окончилась розыгрышемъ; если же одна изъ сторонъ взяла больше взятокъ, то каждый членъ проигравшей стороны получаетъ по одному удару жгутомъ по рукѣ отъ каждаго члена противной партiи. При второмъ подрядъ проигрышѣ каждый получаетъ по 2 удара, при 3-мъ по 3 и т. далѣе до 9-ти ударовъ, послѣ чего, если игра продолжается счетъ начинается съизнова. Сдаетъ карты выигравшая сторона. Въ сл. Араповкѣ выигравшая

сторона бьетъ жгутомъ каждаго изъ противуположной лавы столько разъ, на сколько взятокъ взяла эта послѣдняя сторона меньше.

---

80. Въ кобылы.

Въ «кобылы» играють обыкновенно въ пятеромъ. Сдается вся колода, и тотъ, у кого окажется пиковый тузъ, считается «головою» или старшиною, у кого—король, тотъ считается «атаманомъ» или старостою, получившій даму пикъ—«хозяйка», получившій валета—«писарь» или полицейскій, а десятку—«десятникъ». Пиковая шестерка считается «кобылой», но тотъ, кому она сдана, не заявляетъ объ этомъ; между тѣмъ какъ каждый изъ получившихъ одну изъ вышеназванныхъ картъ открываетъ ее и кладетъ подъ свои карты, оставляя на виду половину; только въ томъ случаѣ, когда «кобыла» окажется у хозяйки, послѣдняя о томъ заявляетъ и карты передаются. Случается, что кому-нибудь изъ участвующихъ въ игрѣ дадутъ двѣ изъ сказанныхъ картъ, тогда тотъ, кто не получилъ должностной карты, беретъ себѣ одну у того, кому сдано двѣ. Разобравшись, начинаютъ игру. «Хозяйка» беретъ жгутъ, бьетъ имъ «десятника» по ладони и говоритъ: «десятникъ, кобыла пропала!» Десятникъ съ своей стороны бьетъ жгутомъ хозяйку, говоря: «пиды до атамана». То же самое продѣлывается и у атамана и у головы, который отправляетъ хозяйку къ писарю. Писарь, получивъ ударъ, отвѣчая на заявленіе хозяйки, говоритъ слѣдующія слова, сопровождая каждое ударомъ жгута по рукѣ хозяйки; «пысарь пысавъ, подорожно казавъ, отъ хаты до хаты кобылы шукаты. Надивай малахай та йды кобылы шукай». Хозяйка беретъ у писаря жгутъ и говоритъ: «рукы на базарь!» Каждый кладетъ правую руку на столъ ладонью вверхъ, а хозяйка бьетъ жгутомъ по ладони того, у кого по предположенію ея должна быть «кобыла», т. е., шестерка пикъ. Если хозяйка ошиблась, ей возвращается ударъ со словами: «не порочь!» а если узнаетъ, то того, «хто кобылу вкравъ», бьетъ каждый изъ играющихъ по шести разъ.

Воръ остается безъ наказанія, когда онъ открытъ послѣднимъ. Таковъ вообще ходъ игры въ «кобылы», но встрѣчаются и варіанты и отступленія. Напримѣръ, въ г. Купянскѣ, «кобылой» называется дама пикъ; ищетъ кобылу тотъ, у кого на рукахъ не будетъ карты, означающей должность: ни туза пикъ, ни короля, ни валета, ни десятки. Когда обращается къ головѣ, то онъ возвращая хозяину ударъ жгута, говоритъ: «отъ тоби хомутъ и дуга,—я тоби не слуга». Въ слободѣ Кабаньей, при игрѣ въ «кобылы», ищетъ кобылу или тотъ, кому при здачѣ картъ

достанется валетъ бубенъ, или оставленный при предварительной игрѣ въ «дурачки» дуракомъ. Въ первомъ случаѣ получившій валета бубенъ называется «ѣздокомъ» или «паномъ», во второмъ—«жгутовщикомъ».

«Ѣздокъ» обращается прежде всего къ писарю и говорытъ: «господынъ пысарю, кобыла пропала», и если карта, означающая кобылу, окажется у писаря, то бьетъ его три раза жгутомъ по рукѣ. Если же у писаря этой карты нѣтъ, то онъ даетъ ѣздоку одинъ ударъ жгутомъ и при этомъ говоритъ, передавая ему жгутъ: а я пышу, пидпышу и дорогу покажу отъ хаты до хаты кобылу шукаты. Беры батигъ, малахай, сидай на коня и махай».

Ѣздокъ обращается къ старшинѣ и говоритъ: «рапортую, господынъ старшина, шо кобыла пропала», и, если кобыла окажется у старшины, бьетъ его жгутомъ три раза; если же нѣтъ, то самъ получаетъ одинъ ударъ со словами: «паняй дальше». То же продѣлывается у старосты, у сотскаго и у десятскаго, когда играющихъ бываетъ больше пяти; но, во всякомъ случаѣ какъ только кобыла найдена и воръ получилъ возмездіе,—игра кончена.

---

81. Въ чмыха.

При игрѣ въ «чмыха» сдаютъ всю колоду, козырей не назначаютъ, а сказавши: «запирается городъ Чмыхъ, хто буде отпираты, того будемъ катуваты», играющіе начинаютъ по порядку одинъ за другимъ бросать карты одну на другую, не разбирая масти; причемъ каждый старается всячески, ужимками и гримасами, расмѣшить кого-либо изъ своихъ товарищей. Кто засмѣется (чмыхнетъ), того бьютъ по одному разу жгутомъ. Строго говоря, карты въ этой игрѣ не имѣютъ никакого значенія, а даютъ играющимъ только поводъ къ разнымъ выходкамъ и шуткамъ.

---

82. Въ колодезя.

Въ «колодезя» играютъ четверо. Каждый изъ играющихъ назначаетъ себѣ масть и потомъ вся колода складывается на столѣ или на землѣ, смотря по тому, гдѣ играютъ, четыреугольникомъ въ видѣ колодца, карты кладутся рубашкой вверхъ. Послѣ этого каждый поочередно начинаетъ брать изъ «колодезя» по одной картѣ и если возьметъ карту своей масти, то откладываетъ ее въ сторону, если же изъ чужой масти, то, не показывая какая это карта, только объявляетъ масть, тогда тотъ, кто назначилъ себѣ эту масть, бьетъ его жгутомъ по ладони.

Суть игры состоитъ въ томъ, чтобы узнать, сколько разъ, согласно уговору, ударить, потому что если сдѣлаешь свыше положеннаго числа ударовъ, лишеніе будутъ возвращены тебѣ, не добить же многихъ ударовъ невыгодно: смѣлые игроки не пощадятъ тебя. Обыкновенно число ударовъ соотвѣтствуетъ числу очковъ карты; въ фигурахъ же, за валета даютъ 15 ударовъ, за даму—20, за короля—30 и за туза 40 ударовъ. Когда изъ колодезя взяты всѣ карты,—игра конечна. Въ сл. Ново-Николаевкѣ подобная же игра извѣстна подъ названіемъ игры въ «медна». Разница состоитъ въ томъ, что играющихъ можетъ быть больше четырехъ, что они не назначаютъ себѣ масти, а каждый беретъ по порядку изъ колоды карты пока не возьметъ козыря, которой узнается слѣдующимъ игрокомъ, получающимъ двойное число ударовъ жгутомъ, въ случаѣ, если онъ не узналъ карты. Козыремъ считается верхняя карта.

---

84. Въ дурачки (дурня).

а) Дуракъ простый. Въ эту игру играютъ отъ 2 до 6-ти. Каждому сдается по 5-ти картъ, сперва по 3, а потомъ еще по двѣ, затѣмъ открываетеся козырь, а на него сверху кладутъ оставшіяся карты такъ, чтобы половина его была видна.

Козырь называется «свиткою», онъ *свитыть*, указываетъ, какая масть считается на эту игру козырной. Сидящій съ лѣвой стороны сдававшаго ходитъ къ своему сосѣду одну, три или пять картъ, т. е. *пары съ прыдачію*. Если тотъ всѣ эти карты побьетъ старшими той же масти простыми или, за неимѣніемъ старшихъ, козырями, то побитыя карты отбрасываются въ сторону, а ходившій и бившій добираютъ изъ лежащей колоды недостающее имъ до 5 число картъ, и тотъ, кто побилъ, ходитъ одну карту или пару съ придачей къ своему сосѣду. Больше двухъ паръ съ придачей нельзя ходить потому, что у каждаго на рукахъ бываетъ сначала только по 5 картъ. Если же не всѣ карты побиты, то непобитыя принимаются, а ходитъ уже слѣдующій игрокъ. Когда у кого-нибудь изъ играющихъ окажется козырная шестёрка, то онъ можетъ ее «высвитыть», т. е. положить ее на мѣсто козыря, что подъ колодой, взявъ его себѣ. У кого послѣдняго останутся карты, тотъ—дурень, и «на стилько годивъ винъ дуракомъ остався,» сколько у него картъ на рукахъ. Ни у кого не осталось картъ—называется «*розыгра*».

б) Дуракъ пывирный, или игра въ вирки. Сдается по шести картъ, ходятъ пары, но только безъ придачи. Кроющій прикрывъ пойденныя ему карты своими такъ, чтобы пошедшій не могъ видѣть, по-

биты ли онѣ или нѣтъ, спрашиваетъ его: «виришъ чы ны виришъ? и тотъ долженъ отвѣтить или утвердительно, или отрицательно. При утвердительномъ отвѣтѣ если карты были покрыты правильно, онѣ отбрасываются, неправильно,—беретъ ихъ отгадывавшій, при отрицательномъ отвѣтѣ, если карты не были побыты, беретъ покрывавшій. Конецъ такой же, какъ и при простомъ дурачкѣ.

в) Дуракъ пидкыдный. Сдаютъ по шести картъ, можно ходить по 1, по 2, по 3 и по 4 одинаковыхъ карты, сверхъ того еще можно «пидкынуты» подбросить двѣ карты одинаковыя съ тѣми, какими бьющій покрываетъ пойденныя ему. Напр., ему пошли двѣ семерки, прочіе играющіе добавили еще двѣ семерки, онъ побилъ одну восьмеркой, а другую десяткой, ему подбросили еще двѣ десятки; онъ и долженъ всѣ эти карты побить, а больше подбрасывать нельзя, потому что у него только 6-ть картъ. Хотя одна карта не убита, принимаютъ всѣ, даже и правильно побитыя; въ виду этого, имѣя плохія карты или тотчасъ принимаютъ пойденныя, или бьютъ ихъ наибольшими, чтобы вызвать большія отъ подкидывающихъ. Иначе, при второмъ кругѣ, имѣющему много картъ на рукахъ почти невозможно отыграться, такъ какъ ему могутъ набросать столько картъ, сколько у него ихъ на рукахъ.

---

84. Въ хвыльки (хвыля), или хвальки.

Въ этой игрѣ участвуютъ обыкновенно четыре игрока, притомъ играютъ два противъ двухъ сидя на-крестъ. Значеніе козыря получаютъ всѣ валеты (хвыли) и шестерка трефовая (хвалька, въ сл. Араповкѣ-дзифирка). Впрочимъ хвалька бываетъ иногда и перемѣнная, смотря по условію, чаще шестерка козырной масти; она считается самымъ старшимъ козыремъ. За ней слѣдуетъ трефовый валетъ (старый), потомъ пиковый, червонный и, наконецъ, бубновый (будочникъ, водовозъ, кабыця). Сдаютъ всю колоду по три карты, такъ что каждый получаетъ по 9 картъ. Получившій первыя карты «*хвалытся*», т. е., объявляетъ одну изъ мастей козырной, обыкновенно объявляется та, изъ мастей, которой дано всѣ три или по крайней, мѣрѣ двѣ карты, иначе по первому разу не хвалятся, а хвалятся на шестую или на девятую карту. Похвалившійся, начинаетъ ходить и брать взятки, товарыщъ, сидящій насупротивъ, помогаетъ ему. Кто взялъ взятку, тотъ и долженъ ходить; не имѣя масти можно бить козыремъ, но можно и «спускать», давать другую масть. Похвалившійся должен взять съ своимъ товарищемъ или не менѣе пяти взятокъ, или же ни одной не взять. Если они взяли менѣе 5-ти, то говорятъ, что

имъ дана «*хвалена*», притомъ если взята только одна взятка, то это значитъ, что имъ данъ «*рогъ косая*», «слипа». Противники смѣются надъ ними «пидъ церкву,—бубликивъ прохаты!» Не взято ни одной: дана противникомъ «*суха*, «*бочка*». Игра въ фильку самая распространенная игра между крестьянами среднихъ лѣтъ. За неимѣніемъ четвертаго товарища играютъ и втроемъ, но въ такомъ случаѣ не бываетъ хвальки, а главенствуетъ валетъ трефей; тотъ, у кого онъ окажется, играетъ самъ и онъ же объявляетъ по своему усмотрѣнію козырь.

---

85. Въ свыни.

Играютъ «у свыни» большею частію двое, но можетъ быть и большее число играющихъ.

Кладется колода картъ рубашкой вверхъ. Одинъ открываетъ верхнюю карту, положимъ даму, и кладетъ ее около колоды, второй долженъ отыскать короля, чтобы прикрыть даму, третій—туза, чтобы прикрыть короля и т. д., при этомъ масть не принимается во вниманіе. Второй, отыскивая короля, беретъ себѣ на руки всѣ карты изъ колоды, пока не найдетъ его, а нашедши кладетъ взятыя изъ колоды карты около себя по порядку въ одну кучку лицомъ вверхъ; то же дѣлаетъ и первый, если играютъ вдвоемъ, или и слѣдующій, но только онъ, отыскивая туза можетъ класть на колоду второго карту и выше и неже очкомъ противъ той, какая лежитъ верхней у второго; такъ, напр, если верхняя карта въ кучкѣ второго восьмерка, то первый, беря изъ колоды карты, чтобы найти нужнаго ему туза, взявши семерку или девятку имѣетъ право положить ихъ ко второму на восьмерку. Когда вся колода разобрана, то каждый переварачиваетъ лежащую передъ нимъ кучку картъ и открываетъ одну за другой, чтобы найти нужную для покрытія карту. Если у него въ кучкѣ такой не оказывается, то онъ беретъ себѣ верхнюю изъ той кучки, что образовалась около бывшей колоды, а остальныя, тамъ лежащія карты, откладываются въ сторону. Игра продолжается на лежащія около игроковъ карты, и послѣдній, у кого останутся на рукахъ карты, получаетъ названіе по названію игры. Встрѣчаются и отступленія отъ вышеуказаннаго порядка:, на кучку предыдущаго игрока картъ не кладутъ, или, наоборотъ, набрасывая на карту его высшія и низшія на одно очко карты, кучку, что около колоды, не принимаютъ: она постепенно увеличивается въ восходящемъ порядкѣ картъ.

---

86. Въ выдьмы.

Выбрасываютъ изъ колоды трехъ дамъ, за исключеніемъ пиковой, которая называется *«видьмою»*, и еще одну какую-нибудь карту. Играютъ «у видьмы отъ 2 до 10 душъ! раздаютъ всю колоду, сначала всѣмъ по двѣ карты, а остальныя на сколькихъ хватитъ. Каждый изъ сданныхъ ему картъ выбрасываетъ на середину пары, а оставшіяся на рукахъ безъ пары подаетъ своему товарищу закрытыми, чтобы онъ выбралъ себѣ одну. Кому первому сданы карты, тотъ первый и предлагаетъ слѣдующему за нимъ выдернуть одну карту; выдернулъ къ парѣ,— отбрасываетъ, нѣтъ беретъ и, перемѣшавши съ своими, предлагаетъ слѣдующему. У кого останется дама пикъ, тотъ видьма.

---

87. Въ пьяныци.

Дѣтская игра. Играетъ двое, одинъ беретъ себѣ красныя масти, другой черныя или, давъ снять другому, сдаетъ всю колоду, и каждый кладетъ свои карты передъ собою кучкой рубашкой вверхъ. Затѣмъ открываютъ верхнія карты; у кого карта старше, тотъ беретъ карту противника и обѣ карты кладетъ подъ-исподъ своей кучки. Если откроются двѣ одинаковыя карты, напр., два валета, то ихъ кладутъ вмѣстѣ, говоря: «воны сплять,» а открываются слѣдующія карты и чья будетъ старше, тотъ забираетъ себѣ и прежнюю пару. Проигравшій всѣ свои карты, считается пьяницей.

---

88. Въ зиваки.

Сдается вся колода двумъ, тремъ или болѣе играющимъ, послѣдняя или первая карта открывается и кладется по серединѣ стола, она называется *«казною»* (сл. Араповка). Каждый складываетъ свои карты передъ собою, рубашкой вверхъ, въ кучку, а потомъ по очередно открываетъ верхнюю карту и кладетъ ее или въ казну, или на открытую карту одного изъ играющихъ, или же «дома», т. е. у себя возлѣ своей кучки. Открываемыя карты складываются въ казну и на чужія карты въ опредѣленномъ порядкѣ: на туза шестерку, дама семерка..., если же не приходятся, складываются у себя. На чужія карты и въ казну можно складывать изъ своей кучки изъ числа домашнихъ, когда въ казнѣ или у кого-либо изъ игроковъ откроется подходящая карта. Кто зазѣвался: положилъ открытую имъ карту у себя дома, когда ее слѣдовало положить

въ казну или на чужую карту, тому каждый изъ играющихъ даетъ по одной картѣ, чтобы онъ не зѣвалъ. Зѣвакой считается тотъ, у кого останутся карты; однако, если оставшіеся у него карты расположились въ такомъ порядкѣ, что ихъ можно сложить въ казну, то—«*розыгра*».

---

89. Въ мельника.

Различаютъ два вида игры въ «мельника»: съ раздачею картъ на руки и безъ раздачи: а) каждому изъ играющихъ, которыхъ бываетъ до 6-ти, сдается по три карты, а потомъ открывается козырь и кладется подъ оставшуюся колоду. При этой игрѣ берутъ взятки, если есть чѣмъ побить пойденную карту, или принимаютъ эту карту, или сдаютъ пошедшему, если есть меньшая карта той же масти. Взявъ взятку или сдавъ, берутъ себѣ изъ колоды верхнюю карту и ходятъ къ слѣдующему. Когда разберутъ всю колоду, играютъ на взятки. Ходятъ съ самой меньшей карты, слѣдующій долженъ побить ее большей, которую третій игрокъ долженъ побить еще большей и такъ до послѣдняго, который уже, «отбиваетъ», т. е. побивъ верхнюю карту, отбрасываетъ всю кучу. Если кому-нибудь нечѣмъ убить, то онъ беретъ себѣ эту карту, а слѣдующій долженъ побить лежавшую подъ нею, ставшую теперь верхней, карту. Отбивать и отбрасывать можно только тогда, когда въ кучкѣ столько картъ, сколько игроковъ; одному тузу дѣлается исключеніе: тузомъ можно отбить и уменьшить число картъ.

У кого послѣдняго остались карты на рукахъ, тотъ мельникъ.

б) Кладется вся колода и поочередно открываютъ карты. Первый открытую имъ верхнюю карту кладетъ около колоды, второй дѣлаетъ тоже, если его карта меньше открытой или иной масти, а если старшая, то бьетъ первую и беретъ себѣ взятки. Слѣдующіе поступаютъ такимъ же образомъ.

Взявшій послѣднюю изъ колоды карту забираетъ и всѣ лежащія около нея открытыя, оставшіяся не побитыми, карты, и эта послѣдняя карта считается козыремъ при дальнѣйшей игрѣ на взятыя каждымъ карты, которая ведется такимъ же порядкомъ, какъ это бываетъ при розыгрышѣ взятокъ въ первомъ видѣ «мельника».

---

90. Въ Кулыны.

Сдается по шести картъ; игра идетъ какъ въ простого дурачка, но съ тѣмъ отличіемъ, что ходятъ не пары, а карты одной масти отъ 1 до

6 картъ заразъ; кромѣ того «*Кулына*» (дама пикъ) не бьетъ, но и сама не можетъ быть побита, а потому только мѣшаетъ розыгрышу. У кого она останется на рукахъ, тотъ—«Кулына».

91. Въ городка.

При игрѣ «у городка» разбрасывается вся колода, карты рубашкой вверхъ, за исключеніемъ одной, которая открывается и кладется въ сторонѣ,—она служитъ козыремъ. Каждый изъ играющихъ беретъ поочереди любую карту изъ колоды и если у него окажется старшая противъ пойденной ему или козырь,—бьетъ, если у него младшая, то принимаетъ. При игрѣ вдвоемъ, принимаетъ, пока у него не окажется старшей, тогда бьётъ и ходитъ изъ числа имѣющихся у него въ рукахъ картъ. Проигралъ «городокъ» тотъ, у кого остались карты. (хут. Нижній-Соленый).

92. Въ короля.

Весьма распространенная въ уѣздѣ игра. Играютъ четверо; сдается вся колода, безъ козырей. Первый взявшій 9 взятокъ называется «*королемъ*», второй принцемъ, третій—солдатомъ, а четвертый—золотаремъ, лакеемъ или сдатчикомъ. Съ этого времени короли считаются старше тузовъ и играютъ уже съ козыремъ, которымъ бываетъ та масть, подъ какую солдатъ сниметъ сдатчику. При сдачѣ первая карта дается королю и онъ имѣетъ право «бунтовать» до трехъ разъ, т. е. требовать пересдачи картъ, когда у него на рукахъ нѣтъ козыря выше девятки; сверхъ того онъ получаетъ одну взятку даромъ, «на кухню». Но зато, съ другой стороны, король, снявшій, вмѣсто солдата, по забывчивости поднесенную ему сдатчикомъ колоду картъ, становится сдатчикомъ, а сдатчикъ—королемъ.

93. Въ свого козыря, или въ возка.

Играютъ «у свого козыря» большею частію двое, но могутъ играть и четверо. Передъ началомъ игры «хваляться» мастью, т. е. каждый назначаетъ себѣ козыремъ одну изъ мастей.

Сдаютъ всю колоду, ходятъ по одной картѣ, которую должно побить, а сверху «навалить» другой сосѣду. Когда битыхъ картъ наберется большая куча, тогда стараются навалить своему противнику такого его козыря, чтобы онъ не могъ побить, а потому долженъ взять «повезти» себѣ всю кучку.

94. Въ носка.

Играющихъ бываетъ отъ 3 до 10 и каждому сдаётся по три карты; одну изъ остающихся «высвѣчиваютъ» козыремъ и на нее кладутъ остальныя карты колоды. Каждый изъ играющихъ старается подобрать себѣ «*хлюстъ*», т. е., три карты одной масти, для этого онъ, взявъ одну изъ своихъ картъ протягиваетъ её, не показывая, къ сосѣду со словами шушу, шушу: на что тотъ съ своей стороны отвѣчаетъ тѣмъ же, заявляя этимъ, что онъ согласенъ на обмѣнъ картъ. У кого составился хлюстъ, тотъ кладетъ его около себя, а изъ колоды беретъ себѣ три карты и снова повторяетъ прежній пріемъ. Когда колода вся разобрана, то всѣ, составившіе себѣ хлюстъ, бьютъ тремя картами по носу того, кто не собралъ себѣ ни одного хлюста, бьютъ по три раза каждый взятый хлюстъ, а имѣющій въ хлюстѣ козырнаго туза предварительно даетъ его еще и понюхать.

---

95. Въ три листика.

а) Трилистикъ простой. Играющіе, которыхъ бываетъ отъ 2-хъ до 11-ти, ставятъ «выкачуютъ» на конъ по копѣйкѣ или и больше, смотря по условію. Каждому сдаютъ по три карты, а затѣмъ высвѣчиваютъ козырь. Первый ходитъ одну карту, второй бьетъ ее и «наваливаетъ» своей и такъ далѣе, при чемъ каждый старается навалить такой картой, чтобы ни одинъ изъ играющихъ не могъ убить ее. Тогда онъ выигралъ и забираетъ себѣ всю ставку.

б) Трилистикъ съ подходомъ, или съ темною. Тотъ, кому сдана первая карта, долженъ поставить на конъ «*темную*»: т. е. одну или нѣсколько копѣекъ; слѣдующій игрокъ можетъ пасовать или *поднимать* темную. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ поставить на конъ не менѣе какъ двойную противъ темной сумму, причемъ обыкновенно говорятъ «поднялъ», «вышелъ», или просто «разъ».

Играющіе одинъ за другимъ по порядку или пасуютъ, или выходятъ, увеличивая каждый темную вдвое. Такъ продолжаетъ возростать темная, пока не спасуютъ всѣ, за исключеніемъ двухъ, которые и кончаютъ игру или тѣмъ, что одинъ изъ нихъ спасуетъ, или «замиритъ», т. е., положитъ на конъ только половину суммы своего противника. Теперь, если у обоихъ игроковъ окажутся хлюсты, смотрятъ, чей хлюстъ старше, причемъ козырный хлюстъ принято считать старше простого, хотя бы по числу очковъ онъ былъ и меньше. Фигуры: валетъ, дама и король счи-

таются въ 10-ть очковъ, тузъ — въ 11; если бываетъ хвалька и «бардадымъ» (король трефъ), то первая считается въ 10½ очковъ, а последній въ 12-ть. Обыкновенно же три туза составляютъ самый старшій хлюстъ. Если хлюстъ только у одного, то онъ выигралъ; если же у обоихъ не окажется хлюста, дѣло о выигрышѣ рѣшается игрою. Замирившій ходитъ своему противнику обыкновенно небольшую карту потому, что послѣднему предоставляется право первую карту не бить, а покрыть меньшею; побивши карту противника, наваливаютъ ему самую большую, чтобы онъ не могъ побить ее, напр., козырнаго туза, это называется: «дать отказъ, якъ шыло». Игра выиграна, деньги, скопившіеся на кону, всѣ забираются выигравшимъ.

Изъ приведеннаго описанія ясно, что трилистикъ одна изъ самыхъ азартныхъ денежныхъ игръ: для усиленія же увлеченія риску въ этой игрѣ предоставляется желающимъ право «*перетемнять*», т. е. открывать какую угодно изъ сданныхъ картъ, прежде чѣмъ посмотрѣть ихъ, объявлять ее «хвалькой» и ставить темную вдвое больше установленной. Притомъ открывать хвальку можетъ не одинъ, а каждый изъ игроковъ и всякій разъ послѣ этого темная увеличивается вдвое, а послѣдняя хвалька считается старше всѣхъ предыдущихъ.

---

96. Въ заборона, или въ пятака.

Каждый изъ играющихъ ставитъ на конъ извѣстное, опредѣленное по условію, число копѣекъ, чаще всего по 5 коп., почему и игра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носитъ названіе игры въ пятака. Ведется она или какъ въ трилистика простого, отличаясь отъ послѣдняго въ томъ, что выигравшій не забираетъ сразу всей ставки, а беретъ лишь одинъ пятакъ; поэтому о выигравшемъ первый пятакъ (свой) говорятъ: «винъ заборонывся». Или же сдается не по три карты, а по числу игроковъ, высвѣчивается козырь и берутся взятки. Кто сколько возьметъ взятокъ, столько же беретъ съ кона копѣекъ или пятаковъ.

---

97. Въ шлёпки, или въ окружной.

Игра отличается отъ простого трилистика только названіемъ да развѣ еще тѣмъ, что въ иныхъ мѣстахъ выигравшій забираетъ не весь конъ сразу, а одну ставку; значитъ, чтобы взять весь конъ нужно выиграть столько разъ, сколько играющихъ. Въ эту игру играютъ преимущественно

неимѣющіе денегъ, но желающіе «шлёпать» въ карты. Вмѣсто денегъ, ставятъ на-конъ спички, сѣмена тыквенныя, арбузныя и подсолнечныя. На спички играютъ курящіе табакъ, а на сѣмена—хлопцы подростки.

---

98. Въ хрыста, или хвыля.

Играющихъ четверо; игра тождественна съ игрою въ хвыльки, съ тою только разницею, что тамъ (при игрѣ въ хвыльки) надъ проигравшей стороною насмѣхаются, а здѣсь съ проиграбшихъ, взявшихъ меньшее число взятокъ, берутъ деньги, по условію за взятку. Въ слободѣ Ново-Николаевкѣ сдается не по 9, а по 5 картъ; значитъ, чтобы выиграть, нужно взять не меньше трехъ взятокъ.

---

99. Въ пятифиля.

Играетъ пятеро; сдается вся колода. Сдающій, давъ всѣмъ по три карты, свою третью открываетъ: она служитъ козыремъ, затѣмъ раздаетъ и остальныя карты. У кого окажется козырный филь (валетъ), тотъ называется «шукайло», потому что онъ долженъ «шукать» себѣ товарища, выбрать изъ четырехъ игроковъ одного, съ которымъ и долженъ обыграть трехъ остальныхъ. Когда товарищъ выбранъ, всѣ играющіе оставляютъ у себя на рукахъ по пяти картъ каждый, излишніе отбрасываютъ; а «шукайло» съ товарищемъ берутъ поясъ и бьютъ имъ каждаго изъ своихъ противниковъ по одному разу. Затѣмъ ужъ приступаютъ къ игрѣ, берутъ, какъ обыкновенно, взятки. Взялъ «шукайло» съ товарищемъ три или болѣе, взятки,—игра выиграна, взято менѣе трехъ—проиграна: противники забираютъ съ кона деньги и, сверхъ того, возвращаютъ шукайлу съ его товарищемъ удары поясомъ въ двойномъ числѣ противъ полученнаго каждымъ.

Ужина на вечерницахъ не бываетъ, а изрѣдка приготовляютъ завтракъ. Тамъ же, гдѣ готовится ужинъ, что, какъ исключеніе, случается вездѣ, приготовленіемъ его и завтраковъ занимается хозяйка съ помощію наиболѣе расторопныхъ изъ дѣвокъ. Припасы вручаются хозяйкѣ вечерницъ, а если былъ сборъ деньгами, то деньги хранятся у одной изъ дѣвокъ по соглашенію. Взносъ деньгами бываетъ обыкновенно для всѣхъ равный, а припасами—кто сколько въ состояніи.

Поработавши и пошутивши, садятся, если готовился ужинъ, ужинать. Парни садятся на почетномъ мѣстѣ ближе къ «покути» за столомъ,

а дивчата противъ парней на «ослони». Если же ужина не бываетъ, то хозяйка выпроваживаетъ лишнихъ парней, и остающіеся ночевать идутъ съ дѣвками за соломой для постели. Постель стелетъ каждая дѣвка для себя общую съ парнемъ, котораго она выбираетъ, но сама лично не приглашаетъ, а проситъ подругу, чтобы та передала парню о ея желаніи ночевать съ нимъ. Соглашается парень,—остается; нѣтъ уходитъ съ вечерницъ, а дѣвка выбираетъ, такимъ же образомъ, себѣ другого парня. Когда принесутъ соломы, то дѣвушки разстилаютъ ее по полу и, застлавъ своими свитками, тушатъ огонь и ложатся, а каждый изъ парней ложится тогда къ своей дѣвушкѣ.

Часа за два до разсвѣта дѣвушки встаютъ и начинаютъ работать, а парни уходятъ домой.

Ходить на вечерницы дѣвушки начинаютъ лѣтъ съ 13—14-ти, а парни—съ 15—16; ночевать же парами дѣвушки начинаютъ лѣтъ съ 16—17, а парни съ 18—19-ти. Каждая дѣвушка считаетъ за честь, гордится если у нея есть парень, съ которымъ она ночуетъ, хотя рѣдко случается, чтобы она вышла за него замужъ. И въ крестьянской средѣ при заключеніи браковъ обращается гораздо больше вниманія на состояніе, чѣмъ на взаимное расположеніе молодежи: «сживется, слюбится», говорятъ крестьяне. Поэтому нерѣдки случаи, что дѣвка, ночевавшая съ однимъ парнемъ годъ и болѣе на вечерницахъ, выходитъ замужъ за другого.

Понятно, что по выходѣ замужъ ее почти неизбѣжно ожидаютъ упреки, ревность, а иногда и жестокіе побои мужа, хотя бы она и сохранила на вечерницахъ свое имя незапятнаннымъ.

Впрочемъ между, деревенскими дѣвушками, хотя и рѣже, чѣмъ между городскими, встрѣчаются переборчивыя красавицы, любящія часто мѣнять своихъ парней, потому ли что въ первомъ избранникѣ найдетъ какой-либо недостатокъ, или просто изъ тщеславія, что ни одинъ, молъ, парень не откажется ночевать съ нею, дѣвушка отказываетъ своему парню, а приглашаетъ черезъ подругу къ себѣ другого. Такая измѣна, однако, рѣдко проходитъ безъ мести со стороны отвергнутаго парня. Послѣдній мститъ и дѣвкѣ и своему болѣе счастливому сопернику: дѣвкѣ—мажутъ ворота дегтемъ, парня бьютъ; достается при этомъ иногда и хозяйкѣ вечерницъ. Нерѣдко обиженный собираетъ себѣ партію, является въ хату, гдѣ ночуетъ съ другимъ парубкомъ отвергнувшая его дѣвка... и между соперниками и ихъ товарищами начинается свалка, во время которой достается не только участвующимъ въ дракѣ, но и хозяйкѣ, если она не успѣетъ куда-нибудь скрыться, и даже хатѣ: бьютъ и ломаютъ окна, двери, лавки, столы. Такъ что дѣло кончается иногда въ волостномъ судѣ.

При повтореніи дракъ на вечерницахъ или при жалобахъ на буйство молодежи, сельскія власти отдаютъ сотскимъ и десятскимъ строгій приказъ разгонять всякія вечернія и ночныя собранія парубковъ, а буяновъ забирать на ночь въ холодную; но дѣло обыкновенно ограничивается тѣмъ, что десятскіе и сотскіе, получивъ па водку и преподавъ молодежи совѣтъ вести себя поскромнѣе, не трогаютъ вечерницъ.

На хожденіе взрослыхъ своихъ дѣтей на вечерницы родители смотрятъ различно: люди богатые просто не пускаютъ своихъ дочерей на вечерницы, не препятствуя, однако, сыновьямъ посѣщать ихъ; люди бѣдные,—одни, хотя и сознаютъ, что поступаютъ дурно, но объясняютъ условіями ихъ жизни, говорятъ: «при нашей жизни нельзя взрослыхъ дѣтей оставлять дома ночевать, особенно зимою, когда мы всѣ спимъ въ хатѣ, они насъ, родителей, сильно стѣсняли бы. Какъ вамъ извѣстно, женимся мы рано, лѣтъ въ 18—19, къ 35 годамъ у насъ могутъ быть уже взрослыя дѣти: дочь—невѣста, сынъ женихъ. А живемъ мы въ одной небольшой хатѣ, спимъ на «полу» покотомъ (рядомъ одинъ около другого); на печи—отецъ старикъ, на лежанкѣ—мать старуха, такъ что парню или дѣвкѣ приходится рядомъ спать съ отцомъ и матерью... Вотъ почему и мы не удерживаемъ своихъ взрослыхъ дѣтей дома, а дозволяемъ ходить, даже посылаемъ ихъ сами на вечерницы». Другіе считаютъ нахожденіе на вечерницахъ для ихъ дѣтей даже обязательнымъ, объясняя это стариннымъ обычаемъ, тѣмъ, что сами они, родители ихъ, дѣды и прадѣды ходили на вечерницы. а потому запретить это своимъ дѣтямъ они признаютъ несправедливымъ, тѣмъ болѣе, что дѣти должны погулять,—на то молодость,—иначе у нихъ не будетъ товарищей и подругъ, такъ какъ посѣщающіе вечерницы не будутъ принимать ихъ и внѣ вечерницъ въ свое общество. Иныя изъ матерей сами посылаютъ свою взрослую дочь на вечерницы, говоря «беры, дочка, шытья або прядива та иды до тетки, тамъ хата просторнійше, нихто не мишатеме, бильше вробешь. Тилько гляды, бисова, ходы та розумъ при соби носы!». Поэтому матери рѣдко отказываютъ своимъ дочерямъ, когда тѣ просятъ у нихъ какихъ-либо съѣстныхъ припасовъ для вечерницъ, тѣмъ болѣе, что, получивъ отказъ, дѣвка все равно съумѣетъ взять и тайкомъ нужное ей: курицу, масла, пшена. На этомъ основаніи благоразумные изъ отцовъ также не отказываютъ своимъ сыновьямъ въ деньгахъ, хотя парни чаще сами зарабатываютъ на этотъ предметъ деньги; а если нѣтъ заработка и ожидаютъ отказа со стороны отца, то воруютъ у себя изъ дому мѣшками зерно и продаютъ его, понятно, по дешевой цѣнѣ извѣстнымъ, въ каждой слободѣ существующимъ лицамъ.

Когда на вечерницахъ бываетъ складка, то приглашаются иногда на нее парни и изъ сосѣднихъ селеній или другихъ концовъ слободы; дѣвушки же чужія никогда не приглашаются. Приглашенные парни участвуютъ въ складчинѣ и съ ними обращаются вѣжливо, уступая первыя мѣста за столомъ и всячески стараются угостить ихъ какъ можно лучше. Мало того; они остаются иногда и ночевать съ тѣми изъ дѣвушекъ, которыя въ данное время никѣмъ изъ мѣстныхъ парней не заняты, такъ какъ неизвѣстно ни одного случая, чтобы парень добровольно уступилъ свою дѣвушку другому, хотя на одну ночь. Но случается изрѣдка, что парни одной части слободы отправляются на вечерницы не къ своимъ дѣвкамъ, а въ другую часть къ чужимъ дѣвкамъ, куда насильно, обыкновенно послѣ упорнаго сопротивленія мѣстныхъ парней, и врываются. Такіе набѣги стороннихъ парней бываютъ всегда съ согласія дѣвокъ, но не всегда оканчиваются побѣдой нападающей стороны; нерѣдко нападающіе встрѣчаютъ такой сильный отпоръ, что вынуждены бываютъ спасаться бѣгствомъ, а не успѣвшіе улизнуть жестоко расплачиваются за свое желаніе полюбезничать съ чужими подругами.

Съ наступленіемъ Великаго поста собранія на вечерницы оканчиваются, и въ теченіе всего поста не бываетъ ни одного собранія, вопервыхъ, потому, что это считается всѣми за великій грѣхъ, а вовторыхъ и потому, что въ эти дни родители строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ ночевали дома, тогда какъ въ другое время на отсутствіе взрослыхъ дѣтей по ночамъ изъ дому смотрятъ снисходительно.

Лѣтомъ вечерницъ не бываетъ; онѣ замѣняются такъ называемою «улицею». Улица бываетъ большею частью только подъ праздники или въ праздники вечеромъ. Молодежь собирается или на улицѣ, или гдѣ-нибудь на выгонѣ вблизи селенія и веселится почти всю ночь. По окончаніи «улицы» парни каждый съ своей дѣвушкой идутъ спать всего чаще въ клуни.

Примѣчаніе. У старовѣровъ вечерницъ не существуетъ: парни и дѣвушки всегда ночуютъ дома.

Для болѣе яснаго представленія о вечерницахъ считаемъ нелишнимъ здѣсь, сверхъ вышеизложеннаго, еще дословно описаніе ихъ, составленное однимъ изъ представителей крестьянской молодежи въ слободѣ Преображенной. Вотъ оно:

Выйшовъ на вулыцю Якуша и думае: до кого бъ упередъ зайты, чы до Лывка, чы до Ивана Павловыча. Ни, мабуть зайду до Лывка, а тоди пидымо и до Ивана Павловыча. Пишовъ винъ до Лывковои хаты,

пидойшовъ пидъ викно та й каже: «чы Лывко дома?»—Дома. «Чи винъ выйшовъ на вулыцю?»—Ни, ще. «Ну ныхай винъ скорій убираетьця».— А ты пидожды жъ пидъ хатою, сядь на прысьпи, а я затымъ убырусь. Отъ выйшовъ Лывко и кажыть: «Здоровъ бувъ, Яшка!»—Здоровъ! и давъ ему руку». «Ну, до кого жъ пидымъ?» кажыть Лывко.—Та мабуть пидымъ до Ивана Павловыча: у его гармонія є, тамъ будымъ граты, отвича Якуша. Пидойшлы воны до Ивановой хаты та й кажуть пидъ викно: «Иванъ Павловычъ, пусты въ хату!» Иванъ пустывъ ихъ у хату. «Ну, заграй намъ на гармонію».—Та я ны умію, отказуетьця Иванъ. «Та якъ ныбудь: абы звынило». Иванъ бере гармонію и начынае граты. «Ну, танцюйте жъ, хлопци, чого жъ вы такъ стоете?»—Та мы бо ны вміемъ, отвичають хлопци. «Та танцюй, якъ попавше», говорыть Иванъ: «аче жъ чортъ ладу не спрашуе, абы шумъ бувъ». «Ну, хлопци, трохы погралысь, давайте иты», говорыть Якуша: «убырайсь, Иванъ, та быры и гармонію, тамъ будымъ заграваты». Выйшлы воны изъ хаты. Ну, до кого жъ, хлопци, пидымъ?» спрашуе Иванъ.— А хто-е-зна куды... ходитъ до Татарки, говорыть Лывко. «Ну, ходитъ». «Иванъ, почынай писни, та заспиваемъ», просе Якуша. Иванъ почавъ:

«Ой за яромъ за бугромъ,
Тамъ стоявъ вокзалный домъ,
Весь шалеваный кругомъ.
Лыжать шины въ тры аршыны,
По ныхъ бигають машыны;
А въ машыны шисть колёсъ,—
Вона бигае—ны бойсь;
Ны ѣсть сина ни вивса,—
Все березови дрова,
Понемногу воду пьеть,
Всю дорожку пронесеть».

Якуша каже: «а ну, Лывко, свысны». Лывко свыснувъ. На його свыстъ то-же свыснуло и крыкнуло: «бу-у-у-уй!» «Цытьте! це хлопци йдить; похоже—Максымъ, та Иванъ, та Семенъ, та Андрій». Хлопци зострилысь.

«Здоровы булы!» говорятъ первы.

—«Гораздъ шо самы здоровы, такъ ще й на другыхъ нападаюцця». отвѣчають имъ ти.

«Ну, ты й вытіешь!»
«Куда вы идете?»
—«Та мабудь пидымъ до Татаркы. А вы куда?
«А мы туда, куда вочи бачуть».
—«Ходитъ зъ намы». «Ходитъ».

«Почынай письни хто-ныбудь», говорыть Максымъ. Якуша почавъ:

«Сколько разъ я зарикався
По той вулыци ходыть.—
Въ одну дѣвушку влюбывся,
Я не могъ ее забуть.
Улюбывся, уризався,
Бувъ бы ножыкъ,—зарызався;
Бувъ бы ножыкъ, булобъ два,—
Зарызався бъ обома;
Бувъ бы ножыкъ погострѣй,—
Зарызався бъ поскорѣй.
Тутъ и ричка, тутъ и мость,
Тутъ хорошій перевозъ,
А я свою роздушеньку
На рученькахъ перенесъ.
Перенесъ, перескочилъ,
Ничого я ны замочывъ,
Только съ правои ножынькы башмачекъ
Въ воду изскочывъ.
Ны жаль мини башмачка,
Жалко билого чулка:
Башмачекъ батюшка купывъ,
Чулокъ мылый подарывъ».

Отъ дойшлы воны до вычырныць, пидойшлы подъ викно и кажуть: «дивчата, одчыныть!» А дивчата кажуть: а багацько васъ?»—Ни, насъ ны багато, тилко два. «Ну, якъ шо два, такъ пустымо. Бижы, Параско, одсунь сины». Параска одсунула сины. «Шобъ васъ грець забравъ, стервивъ! казали, шо тилко два, а ихъ цила сотня».—Та ничого, колы одчыныла, такъ теперъ пускай. «Ну, та идить». Хлопци ввійшлы.

«Здрастуйте, изъ святымъ вечеромъ!»—Спасиби.

«Бодай васъ лыха годына забрала, проклятыхъ!» каже паниматка: «стилко набылось!»—Та ничого тётюня, насъ ны багато,—мы ны довго будымъ. «Глядить, а то знаете, теперъ карасына дорога».

«Ну, Иванъ, грай на гармоніи», говорить Максымъ: «а я буду танцюваты». «А хиба у васъ ще й гармонія есть? спросылы дивчата.— Есть. «Ну такъ мы жъ ны зналы, шо у васъ гармонія é, а то мы давно уже упустылы бъ васъ».

«Грай, Иванъ»! Иванъ начавъ граты; Максымъ давай быть трытяка, щыпка, и приказуваты: «Ой, маменька, костыци булять, пусты мене на вечорки гулять».

«Ну, хлопци, давайте у карты заграемъ», говорыть Лывко. «А въ кого é карты?» спрашуе Андрій. «А онъ у Ивана». «Ну сидайте жъ», говорыть Семенъ. «У чого жъ мы будымъ граты».—Та мабуть у хвалькы, обизвався Якуша. Чотыри хлопци силы и началы граты у хвалькы, а остальни посидали на лавци коло Ивана Павловыча и дывлящця, якъ винъ граеть. Иванъ Павловычь грае, а дивчата началы прыспивуваты:

«А въ насъ завтра билый день,
Билый день, билый день,
Отъ билый день, билый день!
Яшечка ковалеръ,

Ковалеръ, ковалеръ,
Вотъ ковалеръ, ковалеръ!
А Присюня барыня,
Барыня, барыня,
Вотъ барыня, барыня!
Та́ вона его любыла, любыла,
Вотъ любыла, любыла,
Вотъ любыла, любыла!
Та золотъ перстень дарыла, дарыла,
Вотъ дарыла, дарыла!
Та золотъ перстень колечко, колечко,
Вотъ колечко, колечко!
Та булыть въ ёго сердечко, сердечко,
Вотъ сердечко, сердечко!
А отъ чого воно булыть?
Вотъ булыть, булыть,
Вотъ булыть, булыть, булыть!
Шо Яшуня ны любыть,
Вотъ ны любыть, ны любыть;
Вотъ ны любыть, ны любыть!»

«Ловка письня, чы вона ще довга?» говорыть Максымъ.—Та вона довга, та оце ій край, отвитылы дивчата». Ну ничого,—якъ бы такыхъ, та почаще», продолжае Максымъ: «а пуще яку-ныбудь давайте заспиваемъ».—«Давайте», соглашаюця дивчата: «Ну почынайты жъ!» Дивчата почалы:

«Охо-иха-ха, шось Парася зна,
Охо-иха-ха шо ходе смутна.
Вона думае-гадае,
Шо Максымко покыдае.
Полно же тужыть
По мыломъ своемъ,
Полно тускувать
По дружкѣ такомъ!
На то парень дивку любе,
Винъ прыгорне, прыголубе,—
За рученьку взявъ,
Тай поцылувавъ;
За другую взявъ,
Подарочекъ давъ,
Подарочекъ ны большой:
Зъ рукы перстень золотой.
Хто ёго купывъ?
Максымко-душа.
Хто ёго зносывъ?
Параня наша.

Якъ ны скаже спасыби, буде сычь и сова, совыняча голова, перыкручыная, переверчыная; сорокъ сорокивъ солоныхъ жукивъ, сорокъ кадушокъ солоныхъ лягушокъ».

«Гарна и це письня!» прыхвалюе Иванъ Павловычь: «та тилькы на неи смерты нымае». «Ну дивчата, давайте ще заспиваемъ», говорыть Савка. Та якои жъ мы будемъ спиваты?» спрашують дивчата. «А ось я самъ пошну»—Ну почынай. Савка почавъ:

«Стыдно, брыдно дивчинонци
Позно зъ вечера ходыть;
Ще й стыднише, ще й брыднише
Двохъ молодчыковъ любыть.
Дивчыночка застыдылась:
Показався въ лычку жаръ,
И полылыся слезы зъ глазъ.
Парню дѣвки жалко стало,

Начавъ дѣвку увищать,
Вынявъ розовый платочекъ,
Начавъ слезы утирать:
«Ны плачъ, дѣвка, ны плачъ, красна,
«Не плачъ, мылая моя!
«Розгорыця серце мое,
«Возьму замужъ за себя;
«Розгорыця рытывое,
«Повынчаюся съ тобой.
—Ой ны можно цёму стаця,
Шобъ була я за тобой:
Въ тебе батынько багатый,
Не позволыть мене взять;
Ты—красавчикъ самъ собою,
Ты—насмышнык надо мою».

«Ну, хлопци, годи вамъ уже у карты граты, а то тилко свитло для васъ горыть», говорыть хозяйка: «колы хочеты, выкыньте на карасыну по копійци, тоди хочь всю ничь граты». Хлопци выкынулы по копійци. «Ну теперь, рыбьята, усю ничь гуляй!» говорить Андрій: «за свитло отдалы».—«А ще до Буривскои, хиба и ны пидымо? обізвався Иванъ. Ни, пидымо, чого же?» отвичають хлопци. «Ну, дивчата, почпнайте письни ище», говорыть хазяйка. Дивчата почалы, а хлопци пидхватылы:

«Ни на кого я такъ ны вдаряла,
Какъ на этотъ большой домъ большой домъ,—
Гей-гей! охо-хо-хо—якъ на этой большой домъ!
Ни на комъ я такъ ны страдала,
Какъ по мыломъ по своемъ,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—какъ по мыломъ по своемъ!
Гляну, гляну на малютку,—
Точно варваръ былъ такой,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—точно варваръ былъ такой!
Какъ возьму я тэ дитятко
Къ родной сестрѣ отнесу,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—къ родной сестрѣ однесу!
«Ты, сестрица, ты, родная,
«Воскорми мое дытя,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—воскорми мое дытя!
«А я пойду въ морѣ утоплюся,
«Противъ мылого дворца,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—противъ мылого дворца!
Выйды, выйды, мій мыленькій,
Якъ я буду потопать,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—якъ я буду потопать!
Долго, долго потопала
Своей русою косой,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—своей русою косой!
И манула правою рукой:
«До свиданья, мылый мой!—
Гей-гей! охо-хо-хо,— до свиданья, мылый мой!
«До свиданья, мылый мой!
И зъ тобою все послѣдняя любовь,
Гей-гей! охо-хо-хо,—все послѣдняя любовь,—

Лывко каже: «а давайте ище «бражыцн» усхнемъ, починайте!» Дивчата почалы, а хлопци подхватылы.

«А ты, бражыця, ты, бражыця моя,
Чого въ тебе, бражыця, нѣтъ купця?
Гей, гей, гей! чого въ тебе,
бражыця, нѣтъ купця?
Ни вдалого, привдалого молодця?
Гей, гей, гей! —
Ни русскаго цылувалнычка?
Гей, гей, гей!—
Съ Пытырбурга обнималнычка?
Гей, гей, гей!—
Обнималась красна дѣвица-душа,—
Гей, гей, гей!—
На высокомъ теремочку спать
лягла, —
Гей, гей, гей!—
Якъ прывыдивсь мини сонъ у воснѣ,—
Гей, гей, гей!—
Будто мой мылой съ походу идёть,—
Гей, гей, гей!—
Дорогой мини подарокъ несёть,—
Гей, гей, гей!—
Шовковый бархатный батижокъ,—
Гей, гей, гей!—
А я молода догадалася,—
Гей, гей, гей!—
Перыдъ мылымъ оправдалася:
Гей, гей, гей!—
Я въ сусиды на бесѣдушки була,—
Гей, гей, гей! —
Противъ парня холостого сыдила,—
Гей, гей, гей! противъ парня
холостого сыдила!

«Ну, хлопци, просылы батько и маты, шобъ вы ишлы съ хаты», говорять дивчата: «кому дило—сыдитъ, а кому ныма дила,—идитъ».— «Ну ходитъ, хлопци!» говорытъ Иванъ Павловичъ: «по чести, а то, пожалуй, нашнуть и лаяты».

— Ну, ходитъ. Выйшли уси хлопцы изъ хаты, а дивчата и кажуть: «чого жъ вы, хлопци? оставайтесь нучуваты, кого оставляютъ, а ти ныхай идуть, куды знають». Тры хлопци остались нучуваты, а останни пишлы до дому спаты.

Идуче до дому, воны заспивалы:

«Мальчишечка, бидняжычка
Склонывъ свою головушку
Да на правую сторонушку:
На правую, на лѣвую,
На грудь свою на бѣлую.
Онъ спать ны спавъ,—всю ночь
дримавъ,
Да въ послѣднiй разъ прощай сказавъ;
Да прощай, прощай, красавыця,
Красота жъ твоя ны нравыця,
Да до ынчои жылаиця!»

Такъ проходятъ дни за днями. Отъ пройшло уже шисть ныдиль Пылыпивкы. Дивчата за це время багацько собралы мукы, сала, масла, сахарю и разныхъ припасивъ для складкы. Отъ прыйшлы святкы Риздвяны: тутъ ще воны у матыривъ яка выпросе, яка украде свыныны, мукы и разного прочого. Назначаютъ вечеръ, въ якый будутъ гуляты. Хлопци

тожъ заробляють все время Пылыпивкы поденно, а хто у батька попросе грошей на складку.

Отъ наступылы Риздвяни святкы. На третій день дивчата ще зъ обидъ забралысь у хату до хозяйкы вычырныцъ и хто кисто мисе на оришкы, хто кача, хто пече, а хто пишовъ у лавку за разнымы прыпасамы.

Хлопци прыходять увечери и идуть прямо у хату. Тутъ дивчата выбырають, кого хотять, а остальни идуть до дому. Хлопци скидаюця по ровну грошей и йдуть, чоловика два, у шынокъ за горилкою, а прочи сидають за стилъ и играють у карты.

Отъ уже дивчата напыклы оришкивъ, а хлопци прынеслы горилкы. «Ну, хлопци давайте музыкантивъ наймымъ», сказавъ одынъ изъ ныхъ.— Давайте, согласылысь ти. Два хлопци пишлы и прывылы музыкантивъ. Музыканты ввійшлы у хату и кажуть: «здрастуйты, изъ святкамы васъ поздравляемъ!»

— «Спасиби», каже хозяйка: «ну сидайте отутъ, дядькы, на лавци» Хлопци кажуть: «ну грайте намъ сычасъ дудочкы». Музыканты началы граты, а два парубкы схватылысь и началы танцюваты.

«Ну, теперъ заграйте и намъ», просять дивчата.

И гуляють воны такъ до пивночи, а тоди начынають вечеряты и сидають по парамъ, кажна дивка изъ своимъ парубкомъ, кромы старшого парубка и старшои дивкы. Старшый парубокъ той, що веде порядокъ мижъ хлопцямы, а старша дивка та, котора веде порядокъ мижъ дивчатамы.

Старшій парубокъ бере пляшку и чарку, а старша дивка—тарилку оришкивъ, и пидносе парубокъ заразъ хозяину хаты чарку горилкы, а дивка жменю оришкивъ. Потимъ хозяйци, музыкантамъ, а остальнымъ парнямъ становлять на стилъ въ тарилкахъ оришкивъ и самъ старшый парубокъ пидносе имъ по чарци. Тоди жъ кончуть вечерю, дивкы угощають хлопцивъ вареною. Варену варють изъ сахарю, разведеного теплою водою изъ перцемъ.

Якъ повечеряють, тоди старша дивка каже: «ну, ны гнивайтесь, господа, яка хлибъ силь була». Хлопци и дивки вылазать изъ-за стола; музыканты быруть скрыпку и басъ и, заграють разивъ два, разходяця по домахъ, а хлопци и дивчата лягають спаты. На другый вечиръ дивчата угощають хлопцивъ чаемъ уже на свій счетъ. (сл. Преображенная).

Указатель собственныхъ именъ.

Указатель предметовъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*	*Напечат.:*	*Слѣдуетъ:*
4	сверху 15	семойныхъ	семейныхъ
4	» 5	сами	самыя
9	снизу 16	илъ	изъ
10	сверху 10	непаче	неначе
13	» 3	тыю	тыею
13	» 5	горныця	горныця
13	снизу 14	Шайковка	Шейковка
13	» 9	анокрифамъ	апокрифамъ
19	» 16	неполнять	исполнять,
24	сверху 8	утрени	утренѣ
27	снизу 5	зато-срибро	злато-срибро.
34	сверху 8	Панасъ	Панасъ—
35	» 11	пидпасичъ	пидпасычъ
44	» 12	святителя	три святителя
46	снизу 5	коляда	каляда
51	» 8	Божая,	Божая
61	» 8		15.
65	сверху 13	мальчикъ	мальчикъ беретъ
67	» 11	Ав	Дв
71	снизу 11	розъ	розь
73	» 1	изъибы	изъйды
79	» 2	хото	хто
82	» 2	въ поли	въ поле
84	» 7	брюкова	брюква
84	» 1	согодня	сёгодня
85	сверху 13	зъйды (?)	зъйиды
85	снизу 17	робы	роды
86	» 16	патыльныця	попыльныця
87	сверху 15	колѣки	калѣки
88	снизу 12	недѣли	недѣлѣ
91	» 18	зв	Дв
92	сверху 6	Кал.	Кол.
97	» 12	поэтому,	поэтому
98	» 6	священной	освященной
100	» 16	царей,	царь
100	снизу 2	найвсякъ	найився
103	сверху 16	молодыци—	молодыци—выгодяйкы,
103	снизу 3	хтосъ	хтось
104	» 19	симтянъ	египтянъ
106	» 10	зиля	тля
109	сверху 18	за жменю	со жменю
111	сверху 20	по надъ	по подъ
111	снизу 4	не йдемъ	не йдешъ
113	сверху 17	скажи!	скажи,
114	» 8	дрима	дрима,
119	» 12	сақазала	заказала
120	снизу 1	тай	тай та
130	сверху 15	донько	донько,
136	снизу 10	дитки	дитки,
138	» 15	зарежетъ	зарѣжетъ
139	» 16	пойдаты	пойидаты
141	сверху 14	ясени	ясеня
142	» 11	на поминали	не поминали
143	» 10	молотьбы	полотьбы
144	снизу 12	Давно	Довго
147	» 19	Акулины	Акилины
147	» 8	оглашается	оглашаетъ
147	» 4	Архиповки	Араповки
148	» 1	земли	землѣ
150	» 4	Боже	Боже,
156	сверху 12	Vinka	Vinca
156	» 12	дзинозиверъ	диндзиверъ
156	» 13	Mocloa	Malua
156	» 13	Althaca	Althaea
161	» 14	они	онѣ
161	снизу 5	до мені	до менэ
161	» 10	свекорю	свекорко
163	сверху 18	выхрь	вихрь
169	снизу 12	ручку	ручки
170	сверху 14	до	да
171	» 2	однолютки	однолитки
173	» 2	Саса	Спаса
179	» 2	вышневыхъ	вишневыхъ
182	» 7	но вечера	по вечерамъ
183	» 17	то большій	наибольшій
188	» 1	пѣчи	печи
189	» 11	синь	гинъ
201	снизу 16	неже	ниже
202	сверху 1	выдьмы	видьмы
205	» 1	раза каждый	раза за каждый
211	снизу 10	йдить	йдуть
212	» 8	аграемъ	заграемъ
214	» 2	усхнемъ	ухнемъ